

Dr. C. M. M. M.

Стейнбек Джон

И ПРОИГРАЛИ БОЙ

Мятежных духов буйные полки
Тех, что его презрели произвол,
Вождем избрав меня. Мы безуспешно
Его престол пытались пошатнуть
И проиграли бой. Что из того?
Не все погибло: сохранен запал
Неукротимой воли, наряду
С безмерной ненавистью, жаждой
И мужеством — не уступать вовек.
А это ль не победа? Дж. Милтон "Потерянный рай"

1

Наконец стало смеркаться. На улице зажглись фонари, замигала неоновая вывеска ресторана: в воздухе яркими цветами распускались красные огоньки. В комнате Джима Нолана по стенам побежали розоватые отблески рекламы. Два часа просидел Джим в маленьком, без подушек, кресле-качалке, положив ноги на белое постельное покрывало. Но вот совсем стемнело, он опустил ноги на пол, похлопал по затекшим икрам, замер, чувствуя, как их закололо. Встал, включил свет; лампочка без абажура осветила обстановку комнаты: большую белую кровать с белоснежным покрывалом, письменный стол золотистого дуба, чистый, некогда красный ковер, — ворс давно выносился и проглянула бурая основа.

Джим подошел к умывальнику в углу, вымыл руки, пригладил мокрыми пальцами волосы. Взглянул в зеркало над умывальником, чуть задержавшись на собственных небольших серых глазах. Достал из кармана расческу с прищепкой, как у авторучки, пригладил прямые каштановые волосы, аккуратно разделил их на косой пробор. На Джиме был темный костюм и серая шерстяная рубашка с открытым воротом. Взяв полотенце, он вытер им обмылок и бросил в открытый бумажный пакет на постели. В пакете лежали: безопасная бритва, четыре пары новых носков, сменная серая шерстяная рубашка. Он оглядел комнату и небрежно закрыл пакет. Еще раз, по старой привычке, взглянул в зеркало, выключил свет и вышел.

Спустился по узкой, голой лестнице и постучал в соседнюю с выходом дверь. Она чуть приоткрылась, выглянула хозяйка, увидев Джима, открыла дверь шире, была она крупной блондинкой с черной родинкой на губе.

— Это вы, ми-и-стер Нолан? — улыбаясь, протянула она.

— Я уезжаю, — сказал Джим.

— Комнату за вами оставить, ведь вы же вернетесь?

— Нет, я уезжаю насовсем. Получил письмо, зовут.

— Не получали вы у меня никаких писем, — недоверчиво произнесла женщина.

— Оно пришло на работу. Я не вернусь. У меня уплачено за неделю вперед.

Улыбка сползла с лица хозяйки и сменилась злобной гримасой.

— Вы должны были уведомить меня заранее, за неделю, — бросила она. — Таков порядок. А раз не уведомили, недельный аванс я вам не верну.

— Не беда. Я и не прошу. Просто я не знал, надолго ли у вас задержусь.

И вновь на лице хозяйки заиграла улыбка.

— Хоть вы и недолго у меня прожили, а хорошим таким постояльцем себя зарекомендовали. Будете в наших краях — милости прошу. Найду для вас местечко. Вот моряки; как в порт заходят, непременно у меня останавливаются. И всегда у меня для них есть комната. И они идут только ко мне.

— Спасибо, я учту, миссис Миэр, ключ я оставил в двери.

— Свет выключили?

— Конечно.

— Ладно, уж завтра утром все схожу проверю. Не хотите чуток выпить на дорожку?

— Нет, спасибо. Мне пора.

Она догадливо прищурилась.

— Может, вы скрываетесь? Может, я чем помочь смогу?

— Да нет, никто за мной не гонится. Просто я меняю работу. Ну, что ж, доброй вам ночи, миссис Миэр.

Она протянула напудренную руку. Джим пожал ее, переложив пакет в свободную руку: пальцы у хозяйки оказались мягкими и слабыми.

— Помните, у меня всегда найдется комната. Из года в год у меня одни и те же постояльцы, будь то моряки или торговцы.

— Запомню. Спокойной ночи.

Она смотрела ему вслед, пока он выходил из дома, спускался с бетонного крыльца на тротуар.

На углу он взглянул на часы в витрине ювелира — половина восьмого. Он прибавил шаг, держа путь на восток; миновал кварталы универсальных магазинов и дорогих лавок с экзотическим товаром; потом пошел узкими, уже притихшими и опустевшими в вечерний час улочками оптовых складов, все ворота заперты на деревянные засовы, упрятаны за

проволочные решетки. Наконец он вышел на старую, с особняками в три этажа, улицу. На нижних этажах держали ломбарды, торговали старым инструментом; на верхних — принимали неудачливые зубные врачи и юристы. Джим вглядывался в каждую дверь и наконец нашел нужный номер. Вошел в темный подъезд, поднялся по узкой лестнице с резиновой дорожкой, прижатой медными спицами на каждой ступеньке. Наверху горел лишь маленький ночничок, а в длинном коридоре из-за одной двери с матовым стеклом пробивался тусклый свет. Джим подошел, увидел номер «16» на матовой панели и постучал.

— Войдите! — послышался резкий голос.

Джим открыл дверь и вошел в маленькую, с голыми стенами, комнату: стол, металлический шкафчик с картотеккой, армейская кровать и два стула. На столе — электрическая плитка, на ней побулькивал и попыхивал маленький жестяной кофейник. Человек за столом пристально посмотрел на Джима, перевел взгляд на бумажку перед собой.

— Вы — Джим Нолан? — спросил он.

— Да.

Джим тоже пригляделся: щуплый человечек в аккуратном темном костюме. Густые волосы от макушки разделены на прямой пробор, однако не скрывают небольшой шрам — белую полоску над правым ухом. Взгляд черных глаз пронизателен и быстр, не задерживается: с Джима на календарь на стене, тотчас же — на будильник и опять — на Джима. Крупный, сужающийся к кончику, нос. Губы, очевидно, некогда полные и добрые, из-за давнишней привычки собрались в тугий морщинистый узелок. Человек этот вряд ли был старше сорока, однако на лице глубокими бороздами запечатлелись стойкость и непреклонность. Руки так же подвижны, как и глаза: большие, даже чрезмерно большие кисти, длинные пальцы с плоскими, «лопаточкой», ногтями. Руки бегали по столу, точно у слепца: трогали бумаги, ощупывали край стола, перебирали пуговицы на жилете. Он потянулся к электрической плитке, выдернул шнур из розетки.

Джим тихо прикрыл за собой дверь и подошел к столу.

— Мне велели прийти сюда.

Человечек вдруг поднялся, резко протянул правую руку.

— Меня зовут Гарри Нилсон. Вот ваше заявление.

Джим пожал ему руку.

— Присаживайтесь, Джим, — нарочито спокойно сказал человечек.

Джим подвинул свободный стул и присел к столу. Гарри открыл ящик стола, достал початый пакет молока в нем спичками были проделаны две дырки, — сахарницу и две глиняные кружки.

— Кофе выпьете?

— С удовольствием.

Нилсон разлил черный кофе по кружкам и заговорил.

— Над заявлениями мы работаем так: его рассматривает комиссия по приему, а мне нужно сначала с вами поговорить и доложить на комиссии. Комиссия обсуждает мое мнение и выносит его на всеобщее голосование. Поэтому не обижайтесь, если буду «копать» глубоко. Обязан. Он налил себе молока, взглянул на Джима, и в глазах мелькнула улыбка.

— Что да как, я знаю, — сказал Джим. — К вам, говорят, труднее попасть, чем в самый престижный клуб.

— А что нам остается! — он сунул Джиму сахарницу и ошарашил вопросом. — А почему вы хотите вступить в партию?

Лицо у Джима напряглось; размешивая кофе, он обдумывал ответ. Потупившись, проговорил:

— Ну... если по мелочам, так много причин наберется. А главное вся моя семья крепко пострадала от этого строя. Старику моему, отцу то есть, уж так досталось во всяких там рабочих передрыгах, что у него с головой плохо сделалось. Взбрело ему в голову, дескать, неплохо бы скотобойню, где работал, взорвать. Ну и получил заряд дроби в грудь от усмирителей.

— Ваш отец — Рой Нолан? — перебил его Гарри.

— Ну да. Убили его три года назад.

— Вот досада! Ведь он был силачом, каких по всей стране не сыскать. Мог, говорят, пятерых легавых голыми руками уложить.

— Может, оно и так, — усмехнулся Джим, — только всякий раз ему попадалось шестеро. И они его до полусмерти избивали. Придет, бывало, домой, весь в крови. Сядет у плиты на кухне, и лучше его не трогать. Слова не скажи! Расплачется. Мать его потом моет, а он белугой ревет. Джим помолчал. — Работал-то он за двоих на бойне. Чтоб не ослабеть, даже кровь свежую пил.

Нилсон быстро взглянул на Джима и тут же отвел взгляд. Согнул уголок листа с заявлением, приняв его ногтем большого пальца.

— А мать у вас жива? — тихо спросил он.

— Месяц назад умерла, — глаза у Джима сузились. Я в тюрьме сидел. Месяц дали за бродяжничество. Там и сообщили, что она при смерти. Отпустили домой под конвоем. Что с ней случилось, так и не узнал. Молчала в свои последние минуты. Она у меня католичка, а отец ее в церковь-то не пускал. Терпеть не мог церковь. И мать лежит и на меня смотрит. Я говорю, может, тебе священника? Молчит, смотрит на меня, и все тут. Утром, часа в четыре, умерла. А посмотреть — как живая лежит. На похороны я даже и не просился. Все равно бы не пустили. Помоему, ей уже все равно было, в рай ли, в ад попадет.

Гарри нервно вздрогнул.

— Допивайте кофе и наливайте еще. А то прямо на ходу спите. Ничего такого не принимали?

— Это вы насчет травки какой? Нет, не балуюсь. Пить и то не пью.

Нилсон достал листок бумаги, что-то записал.

— А как вышло, что вас за бродяжничество посадили?

Джим горячо заговорил:

— Я работал в универмаге Талмана. Заведовал упаковочным отделом. Как-то вечером ходил в кино, и на обратном пути смотрю — на площади Линкольна толпа. Остановился, дай, думаю, посмотрю, в чем дело. В середине сквера — мужик какой-то говорит. Я рядом с памятником сенатору Моргану стоял, ну и взобрался на пьедестал, чтоб виднее было. Слышу

сирена. А впереди — блюстители порядка. Тех, что сзади подоспели, я и не увидел; один как хряснет меня по затылку! Пришел в себя, а мне уж бродяжничество припаяли. А я после того удара долго опомниться не мог, будто пьяный ходил. Вот сюда он мне вмазал, — и приложил ладонь к основанию затылка. — Уж я им толковал, никакой я не бродяга, говорю, у меня работа есть, позвоните мистеру Уэббу, говорю, он директор талмановского универмага. Ну, они и позвонили. Уэбб спросил, где меня задержали, а сержант ему: «На митинге красных». Уэбб — на попятный, говорит, знать такого не знаю. Так, ни за что ни про что за решетку и угодил.

Нилсон снова включил электроплитку. В кофейнике забулькало.

— Вы и сейчас, Джим, словно пьяный. Что с вами?

— Сам не знаю. Будто я уже умер. Все в прошлом, все позади. Перед тем, как к вам прийти, съехал с квартиры, что снимал. Съехал, хоть еще за неделю вперед уплачено. Не хочу больше никаких ночлежек. Хочу раз и навсегда с этим покончить.

Нилсон вновь наполнил чашки.

— Вот что, Джим. Дай-ка я обрисую, что такое быть членом партии. Каждое решение ставится на всеобщее голосование, и ты можешь голосовать, но коль скоро решение принято, подчиняться нужно безоговорочно. Когда у нас бывают деньги, мы платим нашим активистам, кто в поле работает, по двадцать долларов в месяц на пропитание. Правда, я что-то не помню, чтоб у нас и впрямь водились деньги. Теперь о работе: в поле работаешь, как и все, а потом выполняешь партийные поручения. Итого, набирается шестнадцать, восемнадцать часов в день. Ешь, где придется. Ну, как, осилишь?

— Осилю!

Снова пальцы Нилсона забегали по столу.

— И учти: те, кому ты будешь стараться помочь, тебя же будут ненавидеть.

— Хорошо, учту.

— Так все-таки, почему ты решил вступить в партию?

Серые глаза полузакрылись, Джим сосредоточенно думал.

— В тюрьме были ваши партийные, — помолчав, заговорил он. — Вся моя жизнь — сплошная нескладуха. А вот у них — нет! У них есть какая-то цель. И я тоже хочу цель в жизни. Сейчас я чувствую себя так, будто уже умер. Вот и подумал: может, еще оживу?

Нилсон кивнул.

— Ясно. Ты прав. Теперь мне все ясно. В школе долго учился?

— За год до окончания бросил, пошел работать.

— А говоришь складно, как образованный.

Джим улыбнулся.

— Я много читал. Отцу это было не по душе. Говорил, я от своих отказываюсь. А я все равно читал и читал. А однажды в парке познакомился с каким-то парнем, так он мне целый список составил, что прочитать: и «Республику» Платона, и «Утопию», и Беллами, и Геродота, и Гиббона, и Маколея, и Карлайла и Прескотта, и Спинозу, и Гегеля, и Канта, и Ницше, и

Шопенгауэра. Даже «Капитал» настоятельно советовал. Про себя говорил, что свихнулся на книгах; ему хотелось только знания, веру он отвергал. И книги так подбирал, что они все в одну точку метили.[1]

Гарри Нилсон заговорил не сразу.

— Пойми, почему мы так тщательно проверяем людей. Наказаний у нас только два: выговор да исключение. Я вижу, что тебе просто невмоготу без партии. Я дам тебе рекомендацию, по-моему, ты неплохой парень. Но собрание может проголосовать и против.

— Спасибо.

— А теперь скажи-ка, твою фамилию кто-нибудь из родственников носит? Ведь они могут пострадать, если ты не сменишь имя.

— Только дядя, Теодор Нолан, механик. Но фамилия у меня очень распространенная.

— Да, пожалуй. Деньги у тебя какие есть?

— Доллара три наберется. Было больше, да на похороны потратил.

— Так, ну, а жить ты где будешь?

— Не знаю. Я все концы обрезал, все с нуля начать хочу, чтоб ничто о прошлом не напоминало.

Нилсон бросил взгляд на койку.

— Сам я здесь и живу. Ем, сплю, работаю — все в этой комнате. День-другой можешь переночевать на полу.

Джим довольно улыбнулся.

— Мне это в самый раз. Тюремные нары не мягче, чем пол.

— Обедал сегодня?

— Нет, голова другим была занята.

— Ты, небось, подумаешь, я на твои денежки зарюсь? — сердито бросил Нилсон. — Так вот, скажу прямо: у меня ни гроша. А у тебя целых три доллара.

— Да успокойтесь, — усмехнулся Джим, — хватит на воблу, сыр да хлеб. И на завтрашнее жаркое еще хватит. Я отлично мясо умею готовить.

Гарри Нилсон разлил по кружкам остатки кофе.

— Ну, вот, похоже, Джим, ты приходишь в себя. И вид совсем другой. Хоть пока ты и не представляешь, в какое дело ввязался. А рассказывать без толку, начнешь работать — поймешь сам.

Джим спокойно посмотрел на него.

— А известно ли вам такое: работаешь-работаешь, вроде повышение заслужил, и тут — раз, тебя увольняют и берут новичка. Или: твердят тебе о преданности интересам фирмы, а преданность в том, чтоб шпионить за товарищами по работе. Чего уж там, мне терять нечего.

— Кроме ненависти, — спокойно подхватил Гарри. Ничего, сам диву будешь даваться, когда

придет эта ненависть к людям. Почему, и сам не знаю, только обычно ненависть проходит.

2

Назавтра Джим места себе не находил, волновался. Гарри Нилсон сочинял длинный доклад-рекомендацию и несколько раз досадливо напускался на Джима.

— Если не терпится, иди сам, один. Чего тебе меня-то дожидаться? Мне нужно доклад закончить. А хочешь через час вместе пойдем.

— Я все думаю, сменить фамилию или не стоит. Ведь, если сменишь, сам-то прежним останешься, правда?

Нилсон снова склонился над бумагой.

— Вот дадут тебе срок-другой, насидишься в тюрьме, раз десять фамилию сменишь, тогда поймешь, что она не важнее номера.

Джим подошел к окну, выглянул на улицу. Напротив кирпичная стена, ограждавшая маленький пустырь меж двумя домами. Ватага мальчишек возилась с мячом. Их гомон доносился даже сквозь закрытое окно.

— А мы в детстве обычно делились на команды, — сказал Джим. Правда, больше дрались, чем играли. Интересно, теперешние мальчишки такие же драчуны?

— Конечно, — не отрываясь от писанины, ответил Гарри. — Я же часто в окно смотрю, вечно они там. И, конечно, дерутся.

— У меня и сестра сорванцом была, — продолжал вспоминать Джим. Любому в команде по шее надавать могла. А шарики лучше нее никто не метал. Метров с четырех попадала, и это при том, что с нижнего замаха бросала.

Гарри поднял голову.

— Я и не знал, что у тебя есть сестра. А что с ней случилось?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Нет. Смешно сказать — хотя смешного-то в этом мало. Какое-то непонятное стечение обстоятельств. — То есть как, ты не знаешь о ее судьбе? — Гарри даже отложил карандаш.

— Могу рассказать, как все было. Звали ее Мэй, годом старше меня. Спали мы на кухне, каждый на своей койке. Лет в четырнадцать Мэй завесила угол простыней, чтоб было где переодеться. Кокетничать начала. Сидит, бывало, на крыльце с девчонками и, как мальчишки мимо идут, прыскает со смеху. Волосы у нее — ровно соломенные. Наверное, была недурна собой. Однажды я гонял с ребятами мяч на пустыре — там сейчас банк — прихожу домой, а мать и говорит: «Ты не видел на крыльце Мэй?» «Не видел», — говорю. Скоро и отец заявился. И тоже: «Где Мэй?»-спрашивает. Мать говорит, не пришла еще. Любопытно, Гарри, как сейчас все в памяти оживает. Помню все: и кто что говорил, и кто как выглядел. Ужинать долго не садились, отец чернее тучи, подбородок у него выщелкнулся. «Подавай на стол, — кричит матери. — А Мэй совсем от рук отбилась. Думает, взрослая

стала, так ее уж и выпороть нельзя». А у мамы глаза голубые-голубые, в ту минуту аж белыми сделались. Поужинали, отец у плиты уселся. А сам все больше ярится. Мать рядом села. Я лег спать. Вижу, мать чуток от отца отвернулась, губами шевелит. Небось, молится. Она католичка, а отец церковь не признавал. Сидит и все грозит, что он с Мэй шкуру спустит, когда она вернется. Часов в одиннадцать и они ушли в спальню, но свет на кухне оставили. И долго еще разговаривали, мне слышно было. Раза два ночью я просыпался, смотрю, а мать из спальни выглядывает. И глаза у нее — ровно камушки белые. Джим отвернулся от окна, присел на кровать. Гарри карандашом ковырял стол. — Наутро проснулся, на дворе солнышко, а на кухне все свет горит. Свет посреди бела дня — на душе как-то одиноко делается. Вышла из спальни мать, разожгла плиту. Лицо застыло, взгляд остановился. Потом и отец вышел. Вид такой, будто его только что меж глаз двинули — точно пьяный. Ни слова не сказал. Только уходя на работу, бросил: «Загляну в полицейский участок. Может, ее задавило». Ну, я в школу, оттуда прямо домой. Мать говорит, спроси девчонок, вдруг кто видел Мэй. А уж к тому времени все соседи знали, что Мэй пропала. Девчонки говорят, не видели Мэй. А сами со страху трясутся. Вернулся отец. Заходил по дороге домой в полицию, там записали приметы, сказали, что будут смотреть в оба. Тот вечер прошел, как и предыдущий. Отец с матерью сидели рядышком, только отец уже не кричал и не ругался. Снова свет на ночь не выключали. На следующий день старик мой снова в полицию пошел. Они местных ребятишек опросили, прислали человека, он с матерью поговорил, заверил, что будут искать. Вот и все. Больше о Мэй мы не слышали.

Гарри ткнул карандашом и сломал.

— Может, она с кем из парней постарше гуляла, взяли да убежали.

— Не знаю. Подружки не стали бы скрывать.

— Ну, а как, по-твоему, что с ней могло приключиться?

— Понятия не имею. Исчезла, как сквозь землю провалилась. А через два года еще одна, Берта Райли, так же точно пропала. — Джим погладил ладонью подбородок.

— Может, мне показалось, но мать с той поры стала еще тише и незаметнее. Делала все, как машина, почти не разговаривала. Глаза какие-то тусклые, мертвые. А зато старик мой совсем взбесился. Где попало кулаки в ход пускал. Пошел работать, мастера избил. Три месяца в тюрьме отсидел.

Гарри выглянул в окно. Вдруг он положил карандаш и поднялся.

— Пошли. Отведу тебя сейчас, а то с тобой я так никогда доклад не напишу. Вернусь — докончу.

Джим подошел к батарее, снял две пары еще не просохших носков. Свернул, сунул в пакет.

— Высушу где-нибудь в другом месте, — решил он.

Гарри надел шляпу, сложил недописанный доклад, положил в карман.

— Здесь ничего не оставляю, — пояснил он. — Легавые сюда нет-нет да наведываются. — Вышел, запер дверь.

Они шли деловыми кварталами, потом жилыми районами. Дошли до старых особняков — каждый со своим двориком. Гарри свернул на одну из дорожек.

— Пришли. Вот за этим домом.

По гравийной тропке обогнули особняк, за ним оказался еще один совсем маленький,

свежевыкрашенный. Гарри подошел к двери, поманил Джима.

В домике была лишь одна большая комната и кухонька. В комнате стояло шесть железных коек, заправленных солдатскими одеялами; на двух лежали люди, а третий крупный мужчина с лицом боксера-интеллектуала одним пальцем печатал что-то на машинке.

Он вскинул голову, когда Гарри открыл дверь, поднялся, шагнул навстречу

— Привет, Гарри, — улыбнулся он. — С чем пришел?

— Вот, привел Джима Нолана, — объяснил Гарри Помнишь? О нем позавчера речь шла. Познакомься, Джим, это Мак.

Мак снова улыбнулся.

— Очень приятно, Джим.

— Ты, Мак, за парнем присмотри. К делу пристрой. А я пошел, мне доклад дописывать. — Гарри обернулся, помахал рукой лежавшим. — До встречи, ребята.

Дверь за ним закрылась. Джим оглядел комнату: голые, дощатые стены; единственный стул подле пишущей машинки. На кухне, судя по запаху, готовили тушенку. Джим посмотрел на Мака: широкие плечи, длинные руки, широкоскулое, гладкощечное, как у шведа, лицо; губы сухие, потрескавшиеся. Он ответил Джиму не менее испытующим взглядом. Потом вдруг сказал:

— Жаль, что мы не собаки. Обнюхали бы друг друга, сразу б поняли друг или враг. Гарри о тебе хорошо отзывался, а ему можно верить. Познакомься-ка с ребятами. Этот, с бледным лицом, — Дик, парень боевой, особенно с женщинами. От него и нам кое-что перепадает.

Бледный черноволосый парень на койке улыбнулся и приветственно помахал.

— Видишь, какой красавчик? — не унимался Мак. Мы его зовем Дик-сердцеедик. Он дамам про рабочий класс рассказывает, а они ему торты с розовой глазурью дарят. Верно, Дик?

— Да пошел ты к черту, — добродушно отмахнулся тот.

Мак взял Джима под руку и повернул к другой койке. Там лежал человек, возраст его определить было невозможно. Лицо — точно сушеная груша, нос расплющен, челюсть перекошена.

— Это — Джой, — представил Мак. — Он у нас ветеран, верно, Джой?

— Верняк! — отрезал Джой. В глазах у него вспыхнул огонек, но тут же потух. Голова дернулась, раз, другой, Он открыл было рот — видно, хотел что-то добавить, но лишь повторил: — Верняк! — И сказал так убежденно, будто ставил точку в споре. Погладил одной рукой другую. Джим заметил, что руки у него в желваках и шрамах.

Мак пояснил;

— Джой руки не подает. У него все кости переломаны. И пожимать руку больно.

Вновь вспыхнул огонек в глазах у Джоя.

— А все почему? — хрипло выкрикнул Джой. — Потому что били меня, вот почему! Наручниками к столбу прицелили и давай по голове лупить! И лошадьми меня давили! — и совсем перейдя на вопль. — Живого места на мне нет, правда, а, Мак?

— Чистая правда, Джой.

— А все ж таки не согнули меня, нет? Меня били, я им в лицо «Суки вы!» кричал.

— Чистая правда, Джой. Помалкивай ты побольше, поменьше бы шишек схлопотал.

— Моими же руками в наручниках мне голову разбивали, и ногами топтали, и лошадям под копыта бросили. Вся рука, вон, переломана. А я все свое! — истошно вопил Джой. — Правда, Мак?

Мак нагнулся, похлопал его по плечу.

— Правда, Джой, правда. Тебя никто не в силах усмирить.

— Верняк! — кивнул Джой, и огонек в глазах потух.

— Иди-ка сюда, Джим, — Мак повел его в другой угол, где на маленьком столике стояла пишущая машинка.

— Печатать умеешь?

— С грехом пополам.

— Слава богу! Вот тебе и работа. — Мак перешел на шепот. — Ты Джою не удивляйся. Он чуток не в себе. Уж очень часто его по голове били. Мы его как можем поддерживаем, уберегаем.

— Мой старик такой же был, — сказал Джим. — Однажды нашел его на улице — кружит и кружит на одном месте. Я его чуть не за руку повел. Какая-то сволочь его по уху двинула кастетом. И у него, видно, нарушилась ориентация.

— Хорошо, теперь послушай, — прервал его Мак. Вот письмо, здесь наши принципы изложены. В машинку пять листов заложено. А нам нужно двадцать экземпляров. Не хочешь заняться, пока я ужин сварганю?

— О чем речь! — согласился Джим.

— Бей посильнее, копирка старая, истертая. — Мак пошел на кухню и оттуда позвал. — Дик, давай-ка лук почисть, если, конечно, выдержишь.

Дик поднялся, аккуратно закатал рукава по локоть и пошел за Маком.

Едва Джим начал медленно и натужно печатать, как Джой слез с койки и подошел.

— Кто производит товары? — требовательно спросил он.

— Как кто? Рабочие! — ответил Джим.

Лицо у Джоя сделалось по-лисьи хитрым, многозначительным и заговорщицким.

— А кому достается прибыль?

— Тем, кто вложил в производство деньги.

Джой взорвался:

— Но ведь они ничего не производят! Какое право они имеют на прибыль?!

Из кухни выглянул Мак, подошел, держа в руках половник.

— Послушай-ка, Джой, — сказал он. — наших ребят агитировать не надо. Господи, сколько ж времени мы тратим, друг друга в свою же веру обращая. Иди, Джой, ложись. Тебе отдохнуть не мешает. Джим сейчас занят. А вот закончит он, и я дам тебе надписать несколько конвертов.

— Правда, Мак? Ведь я им все сказал, верно, Мак? Они били, а я на своем стоял!

Мак осторожно взял его под руку, подвел к койке.

— Вот журнал свежий. Посмотри пока картинки, а я поесть приготовлю.

Джим что есть мочи застучал на машинке. Напечатав текст четыре раза, он выложил двадцать экземпляров и, повернувшись к кухне, крикнул:

— Напечатал! Все готово, Мак.

Мак вошел, проверил несколько писем.

— Печатаешь ты здорово! Почти без помарок. Вот конверты — разложи письма. Поедим — напишем адреса.

Мак наполнил тарелки тушенкой и морковью с картошкой, присыпал кружочками лука. Все расселись по койкам и принялись есть. В комнате было сумрачно, Мак включил сильную лампочку без абажура, свисавшую с потолка посередине комнаты.

Когда все поели, Мак сходил на кухню и принес тарелку с кексами.

— Это тоже плоды работы Дика. Я же говорил, что он и женщин использует в политических целях. Этакая графиня Дюбарри[2] в мужском обличье. И не при дворе Людовика XV, а в нашей партии.

— Пошел к черту! — смутился Дик.

Мак взял с койки Джима запечатанные конверты.

— Всего двадцать штук. Каждый надписывает пять. Он отодвинул тарелки в сторону, вытащил из ящика стола ручку и пузырек чернил. Достал из кармана список адресов, аккуратно подписал пять конвертов. Теперь, Джим, твоя очередь. Тебе вот этот пяток.

— А зачем это нужно?

— Может, не очень уж это и важно, но так труднее догадаться, кто писал. Наши письма частенько вскрывают. Вот я и решил легавым жизнь чуток усложнить — адреса разными почерками написать и по разным почтовым ящикам рассовать. Береженого и бог бережет.

Пока Джой и Дик надписывали конверты, Джим убрал со стола, отнес тарелки на кухню, сложил в раковину.

Когда он вернулся в комнату, Мак наклеивал марки.

— Дик, ты с Джоем сегодня моешь посуду. Вчера мне одному пришлось. А я пойду письма отправлять. Хочешь, пойдём со мной, Джим.

— Хорошо, — согласился тот. — У меня остался доллар. Куплю кофе, вернемся — сварим.

Мак протянул руку.

— Кофе у нас есть. А доллар нам пригодится на марки.

Джим отдал ему деньги.

— Ну, все. Я — без гроша. — И последовал за Маком. Они шли по вечерней улице, высматривая почтовые ящики.

— А что, Джой и впрямь не в своем уме? — спросил Джим.

— Еще мягко сказано! Последний раз ему как никогда досталось. Завел он разговор с людьми в парикмахерской, а хозяин взял и позвонил в полицию. Ну, те скоры на расправу. Да Джоя голыми руками не возьмешь. Так они ему дубинкой по зубам заехали, челюсть сломали. Иначе не могли утихомирить. Забрали, посадили. Не знаю, как уж он умудрился со сломанной челюстью говорить, только, видать, он и доктора тюремного начал обрабатывать. Доктор наотрез отказался лечить «красную нечисть», и пролежал Джой без ухода и лечения трое суток. И с того дня у него еще больше завихрений. Упрячут его, думается мне, скоро в психушник. Немудрено: столько по голове колотили.

— Жаль беднягу, — проронил Джим.

Из пачки писем Мак выбрал надписанные разным почерком.

— Эх, если б Джой мог язык попридержать. Возьми Дика, к примеру. К нему не придерешься. А уж он-то боец не хуже Джоя, да только когда смысл в этом видит. Схватят его, к примеру, легавые, так он с ними по-вежливому, обходительно этак, и — глядишь, они уж чуть не лучшие друзья. А у Джоя ума, что у бульдога.

У скверика на площади Линкольна они разыскали четвертый почтовый ящик, опустили последние письма и медленно пошли по брусчатой аллее. Клены уже начали сбрасывать листву. Скамейки были большей частью пустые. Зажглись фонари на высоких столбах, и на земле обрисовались силуэты деревьев. Почти в центре скверика стояла статуя бородатого мужчины во фраке.

— Вот на этот-то пьедестал меня и угораздило взобраться, — показал Джим, — оттуда, думаю, лучше видно, что за толпа собралась. А легавый сзади подкрался и как муху меня шлепнул. Представляю, как Джою несладко бывает. Я только через неделю очухался, а то все мысли в голове кубарем катятся. Под самый мозжечок, стервец, меня саданул.

Мак свернул к скамейке и сел.

— Знаю. Читал в докладе Гарри. И только поэтому ты и хочешь вступить в партию?

— Не только. Со мной в тюрьме сидели еще пятеро их тогда же замели — мексиканец, негр, еврей и двое таких же, как и я, беспородных американцев. Конечно, они мне кое-что рассказали. Но и это не главное. Я из книг больше, чем они, знаю. — Он подобрал кленовый лист и стал неторопливо ощипывать, оставляя лишь похожие на растопыренные пальцы прожилки на черешке. — Понимаешь, дома мы все время проводим в борьбе, чаще всего — с голодом. Мой старик боролся с предпринимателями, я боролся со школой. Но неизменно мы терпели поражение. И со временем, думается мне, у нас уже укоренилось чувство обреченности. Старик мой словно драчливый кот, загнанный собаками в угол. Ясно, что рано или поздно собаки его загрызут. Но он все равно дрался. Разве это не безнадежная борьба? В такой-то безнадеге и рос.

— Дело ясное, — вздохнул Мак. — Миллионы людей живут так же.

Джим покрутил ощипанным листом, зажав черешок большим и указательным пальцем.

— Дело не только в этом, — продолжал Джим, в нашем доме постоянно жила злоба. Как дым — не продохнешь; злились мы и на хозяев, и на полицейских, и на бакалейщика, что в кредит

больше не давал. Аж наизнанку выворачивало от злобы, а поделаться нечего.

— Ты суть говори, а то мне пока непонятно, — пере бил его Мак. Ты сам-то суть видишь?

Джим вскочил на ноги, повернулся к Маку, постукивая остатком листа о ладонь.

— К ней и веду: у нас в камере собрались пять человек, и выросли мы все примерно в одинаковых условиях, а кому еще и хуже пришлось. И в них во всех тоже кипела злоба, но злоба иная. Не на хозяина или бакалейщика, а на строй, породивший хозяев, — вот в чем разница. Совсем иная злоба. А еще, Мак, отличались они тем, что не было в них обреченности. Они спокойно делали свое дело, сознавая в глубине души, что рано или поздно они победят, найдут выход из тупика, которым для них наш строй обернулся. И знаешь, была в этих людях даже какая-то умиротворенность.

— Ты меня, что ли, уже агитировать начал? — усмехнулся Мак.

— Нет, я просто объясняю. Во мне никакой такой умиротворенности и надежды не было, а так хотелось узнать, почувствовать, что это. О движении левых я был начитан куда больше, чем те люди. Но читать одно, а участвовать самому — другое, они работали, они познали покой и надежду — то, чего мне так хотелось.

Мак сердито бросил:

— Ну, напечатал ты сегодня несколько писем, и что, легче на душе?

Джим снова уселся на скамью.

— Мне с удовольствием работалось, — тихо сказал он. — Сам не знаю, почему. Может, потому, что увидел какую-то пользу. Какой-то смысл. Ведь раньше у меня вся жизнь была сплошной бессмыслицей. Меня ж возмущало, что и на этом кто-то наживается. Противно, конечно, будто в мышеловке сидишь.

Мак вытянул ноги, сунул руки в карманы.

— Ну, что ж, если тебе удовольствие работать, то мы тебе этого удовольствия дадим предостаточно — смотри только от радости не умри. А научишься вырезать трафареты да управляться с мимеографом — обещаю тебе работы на двадцать часов в сутки. А если ты еще и противник наживы, то обещаю: за свою работу ты и гроша ломаного не получишь! — говорил Мак уже добродушно.

Джим спросил:

— А ты у тех ребят, ну, у Джоя с Диком, главный?

— Я? Нет, я, конечно, говорю им, что и как делать, но их никто не заставляет. Приказывать я не имею права. Все приказы — только после общего голосования.

— Ну, во всяком случае, к тебе, Мак, прислушиваются. А мне бы поскорее к работягам, что на фермах спины гнут. Там себя в деле попробовать хочется.

Мак чуть заметно улыбнулся.

— Чего это тебя в ссылку потянуло? Я-то чин невелик, а вот комитету, по-моему, куда важнее сейчас такой человек, чтоб печатать умел. Ты всю романтику из головы выкинь: ах, какая благородная партия; ах, какое безобразное чудище-капитализм! — голос у Мака сделался резким и суровым. — Работа у нас повсюду. В поле — тяжело и опасно. Но и в нашей тихой заводи — не легче. Не угадаешь, сегодня ли, завтра ли в ночь заявится куча ублюдков из

Американского легиона,[3] вдрызг пьяные, с барабанным боем, и тебя до полусмерти изобьют. Поверь мне, я это на своей шкуре испытал. Ведь для этих горе-ветеранов и армия-то лишь казарма да плац, где их полгода муштровали, заставляли штыком в мешок с опилками тыкать. Кто пороху понюхал, не чета этим молодчикам. Зато во всем подстрекательство да мятеж разглядеть, да громче всех о своем патриотизме кричать — лучше этих субчиков никто не справится. Уж они-то отстоят родину от пятерых парней, дай только ночь потемнее да виски побольше. А все их военные отличия — триппер от девок — да и то, потому что слишком пьяны были, чтоб в медпункте презервативы взять.

Джим усмехнулся.

— Не очень-то ты, Мак, солдат жалуешь, а?

— Я не жалую бывших штабных вояк. Сам я воевал во Франции. Солдаты — доброе, честное, глупое стадо. От этой стадности тошно, но славные были ребята. — Мак присмирел, воинственный пыл угас, Джим заметил, как он даже смущенно скривил губы.

— Чего-то я больно разошелся. Скажу лишь одно, Джим: есть на то причина. Однажды ночью такие вот храбрецы ворвались ко мне вдесятером и избили. Когда я уже упал и потерял сознание, они топтали меня, слома ли правую руку. А потом подожгли дом моей матери, где все это происходило, хорошо, мать успела меня во двор вытащить.

— А из-за чего все вышло? — спросил Джим. — Что ж ты такого наделал?

Мак заговорил с прежней язвительностью.

— Я-то? Занимался «подрывной» антиправительственной деятельностью. Всего-то выступил с речью, сказал, что у нас есть голодающие. — Он поднялся. — Пойдем-ка, Джим, домой. Ребята, наверное, уже помыли посуду. Эх, и чего ради я завелся! Сломанная рука порой о себе напоминает, и я тогда сам не свой.

Они медленно двинулись по аллее. Сидевшие на скамейках подобрали ноги, чтобы не мешать Маку и Джиму.

— Если сможешь, замолви за меня словечко, скажи, чтоб меня к полевым рабочим послали, а, Мак? Вот было бы здорово.

— Ладно. Но ты все-таки учишься вырезать трафареты и работать с мимеографом. Парень ты хороший; я рад, что ты с нами.

3

Джим сидел под ярким светом лампы и печатал письма. Иногда замирал и прислушивался, повернувшись к двери. В доме было тихо. Лишь на кухне шумел, закипая, чайник. Где-то далеко на улицах позванивали трамваи, доносились шаги прохожих, это лишь подчеркивало тишину в доме. Джим взглянул на будильник — его повесили на гвоздь в стене, — встал, прошел на кухню, помешал варево, убавил газ: над конфорками остались лишь маленькие голубые язычки.

Вернулся в комнату, подошел к машинке и услышал быстрые шаги по гравиевой дорожке. В комнату буквально ворвался Дик.

— Мак еще не приходил?

— Нет, — ответил Джим. — Ни Мака, ни Джоя нет. Ну, как, собрал сколько-нибудь сегодня?

— Двадцать долларов.

— Ну, молодчага. И как тебе удастся. Целый месяц будет на что кормиться, если Мак не накупит на все деньги марок. Не напасешься на него. — Никак это Мак! — крикнул Дик.

— Или Джой.

— Нет, только не Джой.

Дверь отворилась, и вошел Мак.

— Привет, Джим! Привет, Дик! Ну, как наши сторонники? Много дали денег?

— Двадцать долларов.

— Молодец!

— Слышь, Мак, а Джой сегодня снова учудил.

— Что еще?

— Завел речугу на перекрестке, подходит к нему полицейский, а Джой его возьми да ткни в плечо перочинным ножом. Посадили, конечно, «преднамеренное покушение на жизнь» в протоколе записали. И сейчас сидит за решеткой, орет, ругает всех на чем свет стоит.

— Мне и показалось, что утром он особо не в себе был. Вот что. Дик. Завтра мне отсюда уезжать, да и сегодня еще дел полно. Сбегай-ка позвони Джорджу Кемпу, Оттман, 4211. Расскажи ему, в чем дело, что Джой тронутый. Попроси его приехать, и пусть ведет дело Джоя. У того чего только нет: шесть подстрекательств к мятежу, двадцать, а то и все тридцать задержаний за бродяжничество; раз десять оказывал сопротивление представителям властей, а сколько раз он привлекался за хулиганство. Если Джордж не вмешается, нашему Джюю не миновать каторги. Пусть Джордж упирает на то, что Джой — алкоголик, может, и выпустят. Он помолчал. — Господи, если врачи доберутся до Джоя, бедняге конец. Пусть Джордж велит Джюю помалкивать. Управишься с этим, Дик, снова обойди наших сторонников, попробуй собрать денег, вдруг Джоя выпустят под залог.

— А можно мне сперва поесть? — спросил Дик.

— Нет, сперва свяжись с Джорджем. Теперь дай мне десять долларов из тех двадцати. Завтра мы с Джимом едем в долину Торгас. Позвонишь Джорджу, вернешься, тогда и поешь. И сразу же иди по домам наших доброхотов. Дай бог, Джордж успеет сегодня вечером подготовить бумаги в суд.

— Ну, я пошел, — буркнул Дик и поспешно вышел.

Мак повернулся к Джиму.

— Сдается мне, упрячут беднягу Джоя до конца его дней. Уж больно далеко зашел. Раньше нож в дело он не пускал.

Джим кивнул на стопку отпечатанных писем.

— Я почти закончил. Мак. Еще три штуки осталось. Куда, говоришь, мы поедем?

— В долину Торгас. Там тысячи акров яблоневых садов, урожай ждет богатый. Тысячи две бродяг-работяг соберутся. А Ассоциация садовладельцев уже объявила, что снижает

сборщикам расценки. Это, конечно, удар ниже пояса. Если нам удастся поднять там бучу, не будет спокойной жизни и в Тандейле, где хлопок собирают. А это уже немало! Такого шороха можно навести! — он принялся. — Слушай-ка, а пахнет вкусно. Готово уже?

— Сейчас принесу. — Джим сходил на кухню и вернулся с двумя мисками: до половины в них был налит суп, в середине островком ломтики мяса, картофеля и моркови, репы, целые луковицы, исходившие паром.

Мак поставил миску на стол, попробовал.

— Ух ты! Горячо! Так вот, Джим, я держусь того, что новичков нельзя посылать туда, где неспокойно. Неопытные, много промашек. Можно прочитать тома по теории и тактике борьбы, а толку — шиш. Но мне вспомнились твои слова, тогда, в парке, и когда я получил это задание, — а задание, надо сказать, отличное, — то попросил, нельзя ли и тебя с собой взять, ну, вроде как дублера. Понял мою мысль? Я всему научу тебя, а ты потом будешь учить новеньких. Так обучают охотничьих собак: пускают молодых вместе со старыми. Увидишь все своими глазами, поймешь куда больше, чем из книг. Тебе доводилось бывать в долине Торгас?

Джим подул на картофелину.

— Я даже не знаю, где она, эта долина. Я за всю жизнь из города всего раз пять выезжал. Спасибо, Мак, что берешь меня с собой, — и маленькие серые глазки заблестели от волнения.

— Подожди, вот попадем там в переделку, ты ж еще мне и в глаза наплюешь. Учти, не на прогулку едем. Ассоциация садовладельцев организация сплоченная. Джим, наконец, перестал хватать обжигающие куски.

— Как же к ним подступиться? С чего начать? А, Мак?

Мак взглянул на парня, увидел, как тот возбужден, и рассмеялся.

— Понятия не имею, Джим. Вот в том-то и беда теории! Нам придется на ходу ориентироваться, каждую возможность обращать на пользу дела. Потому-то и не помогут нам никакие книжные тактики. В нашем деле каждый случай особый. — Он замолчал, сосредоточившись на еде, даже изо рта при выдохе шел пар. — А можно добавку, Джим? Я как волк голодный.

Джим сходил на кухню и снова наполнил тарелку Мака.

Тот продолжал:

— Картинка такова: Торгас — маленькая долина, утопает в яблоневых садах. Сады эти в большинстве принадлежат кучке воротил. Есть, конечно, и маленькие хозяйства, но их раз-два и обчелся. Яблоки спели, сезонщики подались туда урожаем собирать. А дальше они через перевал на юг, на хлопковые поля. Сладится у нас на яблоках, и на хлопке тогда дадим хозяевам прикурить. А хозяева садов поступили так; дождались, пока к ним съехались сезонщики, потратив на дорогу последние гроши, разумеется. И объявили, что расценки в этом году низкие. Ну, наши голодранцы, допустим, повозмущались, а делать то нечего, нужно работать, чтоб хоть на обратную дорогу наскрести.

Джим так и не притронулся к еде, лишь задумчиво ковырял ложкой мясо с картошкой.

— Значит, мы должны убедить сборщиков начать забастовку? Верно я понимаю? — он подался вперед.

— Верно, может, и убеждать никого не придется, может, терпение у них на пределе и нужна лишь самая малость. Тогда останется их организовать, выставить пикеты во всех садах.

— Ну, а если хозяева повысят плату, лишь бы собрать урожай?

Мак оттолкнул тарелку — он управился и с добавкой.

— Не беспокойся, очень скоро сыщется для нас другое дело. Да и на черта нам лишь временные уступки хозяев? Приятно, конечно, что кто-то из бедолаг хоть прилично заработает. Но мы замахиваемся на большее. Короткая мирная забастовка не сплотит людей, не научит действовать заодно. А вот тяжелая, изнурительная — научит. Нужно, чтобы люди осознали свои силы, когда они вместе.

— Ну, хорошо, — не унимался Джим, — а если хозяева все-таки удовлетворят их требования?

— Вряд ли. Заправляет всем в Торгасе маленькая кучка, и наглости у них хоть отбавляй. Стоит нам начать забастовку, как тут же власти округа объявят все собрания и сходки вне закона. А дальше вот что: мы все-таки собираем ребят, появляется шериф со своими людьми, старается всех разогнать, завязывается драка. Драка сплачивает лучше всего. Тогда хозяева организуют комитет «бдительных»: туда лезут всякие расфуфыренные дурачки чиновники да мои давнишние знакомцы из Американского легиона — молодящиеся бодрячки, затанутся ремнем так, что ни охнуть, ни вздохнуть, и думают, что пузо спрятали. Ну, так вот. «Бдительные» постреливать начнут. Убьют кого из наших работяг — все на похороны выйдем, а уж потом всерьез возьмемся за дело. Может, им даже войска вызывать придется, — от волнения Мак задышал тяжело, прерывисто. — Вот это заварушка! С войсками нам, конечно, тягаться нечего! Но зато всякий раз, как солдат насадит на штык нашего парня, тысяча таких же работяг по всей стране перейдут на нашу сторону. Только подумать! Будет здорово, если войска вызовут! — Он плюхнулся на койку. — Впрочем, что толку сейчас гадать. Наше дело маленькое: поднять парней на забастовку. Но, представляешь, Джим, если на усмирение вызовут части Национальной гвардии! И это сейчас, когда пора урожай собирать! Да мы тогда к весне весь округ на свою сторону перетянем!

Джим сидел на койке, напряжась, стиснув зубы. Глаза у него горели. Слушая, он несколько раз беспокойно поглаживал горло. А Мак продолжал:

— Придурки! Думают, солдатней можно задушить забастовку! — он даже рассмеялся. — Ну, я как оратор заговорил, только трибуны не хватает. Разошелся я, а это худо. Надо ясную голову сохранять. Да, чуть не забыл. Джим, а у тебя есть джинсы?

— Нет. Этот костюм — вот и вся моя одежда.

— Ладно, придется купить в лавке, где поношенным торгуют. Ведь ты едешь яблоки собирать. Ночевать придется в лагере, что наши бродяги-работяги разобьют. Десять часов в саду повкалываешь — и за партийную работу принимайся. Ты о таком, помнится, сам мечтал.

— Спасибо, Мак. Мой старик всю жизнь боролся в одиночку, оттого и бывал бит всякий раз.

Мак встал, подошел к Джиму.

— Заканчивай письма и пойдем тебе джинсы покупать.

Солнце едва выглянуло из-за домов, а Джим с Маком уже были на железнодорожной станции. Блестящие в лучах восхода махины сцеплялись, расцеплялись, расходились на запасные ветки, в сортировочный парк, где уже дожидались своей очереди длинные вереницы вагонов.

— В семь тридцать должен отправиться порожний товарняк, — сказал Мак. — Пойдем-ка поищем. — И заспешил меж запасных веток туда, где они выходили на основной путь.

— Будем садиться на ходу? — спросил Джим.

— Да он еще скорости не наберет. Я и забыл совсем, ведь ты на ходу в поезд ни разу не прыгал?

Джим зашагал пошире, стараясь наступать не на каждую шпалу, а через одну, однако не получилось.

— Я еще многого в жизни ни разу не делал, почти все мне в новинку, — признался он.

— Ничего, это пустяки. Сейчас проехать зайцем нетрудно. Не то что раньше. Проводники вылавливали и выбрасывали бродяг на полном ходу.

Подле путей громоздилась черная водокачка, водомерный кран торчал сбоку, точно гусак с вытянутой шеей. Лабиринт рельсов остался позади. Впереди — лишь до блеска отполированный главный путь.

— Посидим, обождем, — предложил Мак. — С минуты на минуту должен показаться. — Не успел он договорить, как послышался долгий, тоскливый гудок, и медленно задышал, запыхтел, выпуская пары, близящийся поезд. Джим и Мак поднялись с обочины, неспешно потянулись.

— Попутчики, наверное, будут, — определил Мак.

Из депо выполз длинный состав: красные товарные, желтые вагоны-холодильники, черные угольные вагоны, круглобокие цистерны. Состав двигался медленно, едва ли не шагом догнать можно. Машинист помахал им черной, промасленной рукавицей.

— За город собрались? — крикнул он и нарочно выпустил из-под колес паровоза струю пара.

Мак предупредил Джима.

— Прыгаем в товарняк. Вон в тот, там дверь приоткрыта. Поравнявшись с вагоном, он на бегу толкнул дверь. — Помоги! — крикнул он.

Джим нажал на железную рукоятку, навалился всем телом. Дверь заскрежетала и отошла примерно на метр. Мак ухватился за порог, оттолкнулся от земли, перевернулся и приземлился на корточки на вагонный пол. Тут же вскочил на ноги, отступил от двери, и Джим последовал его примеру. На полу валялись обрывки обоев со стен. Мак сгреб их в кучу, подвинул к стене.

— Получше всякой подушки, — крикнул он Джиму. Устраивайся так же.

Но Джим не успел. В дверном проеме обозначилась голова еще одного «зайца». Он влез в вагой, за ним — еще двое. Первый пошнырял глазами по полу и подошел к Маку.

— Никак, все себе забрал?

— Что — все? — словно не понимая, переспросил Мак.

— Бумагу! Все подчистил!

Мак изобразил добродушнейшую улыбку.

— Мы ж не знали, что к нам гости пожалуют. — Он поднялся. — Бери, сколько надо.

Мужчина вначале стоял и, разинув рот, глядел на Мака, потом сгреб всю бумагу.

Мак легонько тронул его за плечо.

— Вот что, клади-ка все на место, — ровным голосом сказал он. Раз ты такая свинья, ни шиша не получишь.

Пришлый бросил бумагу на пол.

— Может, ты меня еще и прибьешь?

Мак ловко отступил, напряжил ноги, руки свободно повисли по бокам.

— Ты когда-нибудь в Розанне ходил на стадион бокс смотреть? спросил он.

— Ходил, ну и что?

— Врешь ты, как сивый мерин, — бросил Мак. — Если б ходил, запомнил бы меня и не лез бы на рожон.

На лице мужчины проглянула неуверенность. Он смущенно покосился на своих спутников — один стоял у двери и глядел на мелькавшие поля и сады. Второй уголком шейного платка сосредоточенно ковырял в носу и внимательно осматривал свой «улов». Спорщик снова перевел взгляд на Мака.

— А я и не лезу, — сказал он. — Просто хотел немного бумаги для подстилки взять.

Мак расслабил ноги.

— Ну что ж, бери. Только и мне оставь.

Мужчина взял на этот раз едва ли больше пригоршни.

— Да что ты, возьми побольше!

— Ничего, нам ехать недолго. — Он устроился подле двери, обхватил руками колени, положил на них голову.

Кончились железнодорожные блок-посты, и поезд набрал скорость. Стук колес гулко отдавался в пустом вагоне. Джим встал, подошел к двери, открыл пошире — пусть утреннее солнце заглянет к ним — и сел, свесив ноги. Засмотрелся на бегущую землю, закружилась голова. Подняв голову, он увидел поле, желтеющее стерней. Воздух напоен терпким ароматом и запахом паровозного дыма, который сегодня казался даже приятным.

Через минуту рядом сел Мак.

— Смотри не вывалишься, — крикнул он. — Знавал я одного, засмотрелся под ноги, голова закружилась он и упал прямо лицом вниз.

Джим повел рукой — за рядами молодых эвкалиптов промелькнул красный амбар и белый фермерский дом.

— А там, куда мы едем, так же красиво?

— Еще красивее. На много миль окрест одни яблони, и все усыпаны, буквально усыпаны, яблоками. Прямо ветви ломаются, а в городе за каждое яблочко пятак плати)

— Я и сам не знаю. Мак, почему я раньше так редко за городом бывал. Удивительно: тянуло уехать, а не уезжал. Раз, еще в детстве, какая-то масонская организация устроила нам, ребятишкам, пикник, и на грузовиках человек пятьсот вывезли за город. Целый день гуляли. Там росли высокие деревья. А я, как взобрался на верхушку, так весь день и просидел. Думал: выпадет минутка свободная, буду сюда ездить. Да так и не съездил.

Мак прервал его.

— Поднимайся. Дверь нужно закрыть. К Уилсону приближаемся. Нечего зря дразнить станционную полицию.

Они потянули вдвоем, и дверь поддалась. В вагоне стало темно и душно, задрожали стены; все реже и реже стучат колеса на стыках рельсов — поезд замедлил ход, подъезжая к городку. Трое попутчиков поднялись на ноги.

— Нам вылезать, — бросил их старший и приоткрыл дверь. Его спутники проворно выскользнули из вагона, а сам он повернулся к Маку. Ты, приятель, надеюсь, не в обиде.

— Ну, о чем ты!

— Бывай здоров! — и, выпрыгнув из вагона, прокричал: — Чтоб тебе пусто было, сукин сын!

Мак лишь рассмеялся и прикрыл дверь. Вскоре поезд снова стал набирать скорость, колеса застучали чаще. Мак пошире открыл дверь и уселся на солнце.

— Мозгляк паршивый! — сплюнул он.

— А ты и впрямь боксер, Мак? — спросил Джим.

— Куда там! С этим-то пара пустяков — его только припугни! Он думал, я сам ему с перепугу бумагу предложил. Конечно, нет правил без исключений, только чаще всего, если парень старается тебя напугать, то он сам трус. — И он обратил массивное добродушное лицо к Джиму. Удивительно, почему-то, как с тобой заговорю, либо в ораторство ударюсь, либо наставлять начинаю.

— Да брось. Мак. Мне все на пользу.

— Дай бог, если так. Значит, выходим в Уивере и пересаживаемся на восточное направление. Километров сто ехать еще. Повезет, так ночью уже в Торгас приедем. Он вытащил кiset, свернул самокрутку, прикрыв ее от встречного ветра. — Может, закуришь, Джим?

— Спасибо, не курю.

— Да, видно, пороки тебе незнакомы. Пить не пьешь, с девочками не гуляешь.

— Сейчас нет. Раньше, бывало, по пьяной лавочке, к шлюхам наведывался. Не поверишь. Мак, но с юных лет я девчонок сторонился. Наверное, боялся, что быстро захомят.

— Небось, красавчиком слыл?

— Не в том дело, просто у всех моих приятелей жизнь не сложилась. Уж где они только девчонок не паялили: и за афишными тумбами, и на складах, среди каких-нибудь досок. Рано или поздно у подружки пузо появляется и... одним словом, Мак, я боялся, что попаду в такую

же мышеловку, как отец с матерью: двухкомнатная квартирка, дровяное отопление. Как перед богом клянусь, роскошь мне не нужна, просто не хотелось ляжку тянуть, как дружки. Утром идут — в руках жестянка с обедом: кусок полусырого пирога да термос со вчерашним кофе.

— Ну, что ж, не хотел тянуть ляжку, зато сейчас жизнь у тебя слаще сахара. Подожди, достанется еще тебе на орехи, вот только дело закончим.

— Сейчас совсем другое. Шибанут раз по зубам — это не беда. Главное, чтоб не заела до смерти унылая жизнь. Разница большая.

— Но не настолько, чтоб глаз всю дорогу не смыкать. Да и про шлюх слушать — удовольствие невеликое. — Мак зевнул, поднялся, собрал в кучу бумагу, улегся и быстро заснул.

А Джим еще долго сидел в дверном проеме, смотрел, как мимо бегут фермерские домики, поля, засаженные капустой, свеклой; грядки салата, моркови, с похожей на папоротник ботвой. Меж свекольных грядок блестела вода. Вот промелькнули поля люцерны, просторные здания молочных ферм, в нос ударил запах навоза. Потом поезд пошел меж холмами, и солнце скрылось. Чуть поодаль от насыпи на крутых склонах рос папоротник, ярко зеленели дубки. Ритмичный перестук колес ублажал и Джима. Поначалу он сопротивлялся, мотал головой; хотелось увидеть как можно больше. Но, наконец, встал, прикрыл дверь и улегся на свою бумажную подстилку. Уснул он враз словно провалился в ревущую бездонную черноту и, казалось, проспал целую вечность.

Мак едва растолкал его.

— Нам пора! — крикнул он.

Джим ошалело сел.

— Господи, неужто сотню километров уже отмахали?

— Почти что. Видать, и тебя стук да шум сморили. Я тоже в товарняке сразу спать заваливаюсь. Ну, как, проснулся? Еще пару минут и пойдет медленнее.

Джим сдавил гудящую голову руками.

— Будто врезали крепко!

Мак распахнул дверь и крикнул:

— Прыгай по ходу поезда! И как прыгнешь, не останавливайся, вперед! — и исчез. Джим прыгнул следом.

Солнце было в зените, почти прямо над головой. Впереди, в тени садов, теснились домики. Поезд уходил все дальше, а Мак с Джимом задержались на путях.

— Здесь одна ветка уходит в сторону и пересекается с той, которая нам нужна, — к долине Торгас. Городком не пойдём. Полями напрямик и — к перекрестку путей.

Мак, а следом и Джим перебрались через ограду из колючей проволоки, пересекли поле со жнивьем, вышли на грунтовую дорогу. Оставили в стороне городок и через полмили вышли к железнодорожному разъезду.

Мак сел на железнодорожную платформу, кивнул Джиму — присаживайся!

— Здесь место хорошее. Поезда часто ходят. Может, и ждать долго не придется.

Он скатал бурую самокрутку.

— Тебе теперь тоже без курева не обойтись. Очень общению помогает. Со сколькими людьми переговорить придется. Предложишь человеку закурить или сам попросишь, он сразу сердцем потеплеет. А предложит тебе кто сигаретку, а ты откажешься — словно в душу плюнешь. Так что давай-ка закуривай.

— Попробую, пожалуй, — решил Джим. — Я ведь только в детстве баловался. Отвык, небось затошнит.

— Держи, я тебе уже скрутил.

Джим взял самокрутку, затянулся.

— А ничего вроде. Я уж и вкус позабыл.

— Если и не понравится, все одно — для дела польза. На таких мелочах у наших ребят вся работа держится... Никак, поезд идет. — Мак встал. — И, похоже, товарный.

Поезд медленно полз по пути.

— Надо ж! — воскликнул Мак. — Восемьдесят седьмой! Наш! А мне в городе говорили, что он на юг идет. Видно, кое-какие вагоны отцепил и на восток.

— Давай отыщем вагон, в котором ехали. Мне в нем понравилось.

Состав поравнялся с ними. Мак и Джим вскочили в вагон, и Мак сразу же улегся на прежнее место.

— Могли б спать и никуда не вылезать!

Джим снова устроился подле двери. Поезд натужно полз меж круглыми холмами, попались даже два коротких туннеля. Во рту у Джима еще оставался привкус табака, приятный привкус. Он порылся в кармане куртки.

— Слышь, Мак!

— Что?

— Я вчера две шоколадки купил.

Мак взял одну, развернул.

— Ну, ты, видать, в любой революции пригодишься.

Через час Джима снова стало клонить ко сну. Он неохотно закрыл дверь, забрался на бумажное ложе, и его тотчас же поглотила черная ревущая бездна. Потом его понесло в каком-то потоке, среди щепок, обломков. И самого тащило куда-то вниз, вниз, где кончался сон.

Он проснулся — Мак тряс его за плечо.

— Ты б, наверное, неделю дрыхнул, дай тебе только волю! Больше двенадцати часов сегодня проспал.

Джим потер глаза.

— Опять голова гудит!

— Ну-ка побыстрее просыпайся! Уже к Торгасу подъезжаем!

— Ну и ну! Который час?

— Около полуночи, должно быть. Ну, вот и приехали. Готов?

— Конечно.

— Пошел!

Поезд медленно потащился дальше. Впереди за красным глазком семафора виднелась станция. Дежурный махал фонарем. Справа тусклые лампочки на столбах скупо освещали городскую улочку, отбрасывая в ночное небо белесые ореолы. В воздухе похолодало.

— Есть хочется. Какие будут соображения на этот счет, Мак? — любопытно спросил Джим.

— Подожди, сейчас на свет выйдем, посмотрим, кто-то у меня в списке значится. — И он скрылся во тьме. Джим чуть не вприпрыжку поспешил следом. Они вышли на городскую окраину, и на углу, под фонарем, Мак остановился, вытащил листок бумаги.

— Это славный городок, Джим. Здесь нас поддерживают человек пятьдесят. Есть на кого положиться, выручат в трудную минуту. Ага, вот кто мне нужен. Альфред Андерсон, меж Четвертой и Пятой улицами, держит передвижное кафе. Ну, что скажешь?

— А что это за список?

— Список тех, кого мы считаем сочувствующими. С помощью этого списка мы все, что хочешь, раздобудем, от вязаных носков до ружейных патронов. А фургончик Альфа открыт всю ночь напролет. Пойдем, это я возьму на себя.

Скоро они свернули на главную улицу, прошли ею почти до конца, там попадались пустые лавки, дома стояли не так кучно. Передвижное кафе Альфа оказалось уютным фургончиком, в оконцах — красное витражное стекло, задвижная дверь. У стойки на табуретах расположились двое, за стойкой суетился полный молодой человек, голые руки массивны и белы.

— Эти двое не засидятся, — на чашку кофе с пирожным забежали, определил Мак. — Подождем, пусть уйдут.

Они задержались у входа, и тут появился полицейский, стал приглядываться.

Мак нарочито громко сказал:

— Давай сначала по куску пирога съедим, а уж потом домой пойдем.

Джим понял с полуслова.

— Не хочу я пирога, у меня глаза слипаются, пошли домой.

Полицейский прошел мимо. Казалось, он даже принюхивается.

Мак негромко произнес:

— Небось, думает, что мы решили эту забегаловку обчистить, да никак с духом не соберемся.

Полицейский развернулся и зашагал к ним.

Мак заговорил громче:

— Как хочешь, можешь идти домой, а я кусочек пирога перехвачу, и, поднявшись по ступенькам, открыл дверь.

Хозяин улыбнулся.

— Добрый вечер, ребята. Никак похолодало на улице, а?

— Точно, — бросил Мак и прошел к дальнему от двоих посетителей концу стойки. По лицу Альфа пробежала догадливая тень.

— Вот что, ребята, если вам нечем платить, я угощу вас кофе с булочкой. Только, чур, не ловчить; наедитесь за мой счет, а потом скажете: валяй, мол, зови полицию. У меня дармоеды прямо в печенках сидят.

Мак усмехнулся.

— Кофе с булочкой — лучше и не придумать, Альфред.

Хозяин подозрительно покосился на него, снял высокий поварской колпак и почесал затылок.

Двое посетителей допили кофе.

— А что. Альф, ты всегда бродяг кормишь? — спросил один.

— Господи, да как иначе-то? Не откажешь ведь бедолаге в чашке кофе морозной ночью из-за того, что у него паршивого пятака нет.

Посетитель хмыкнул.

— А двадцать чашек кофе-это уже доллар. Ты так по миру скоро пойдешь. Ну, что, Уилл, в путь? — они поднялись, расплатились и вышли.

Альф выбрался из-за стойки, проводил их, плотно задвинул дверь, затем вернулся на привычное место и с таинственным видом наклонился к Маку.

— Кто вы, ребята?

Рукава у него были закатаны по локоть, руки белые, движения спокойные: он размеренно и непрерывно вытирал стойку тряпкой.

Мак подмигнул и ответил ему как настоящий заговорщик:

— Нас из города с заданием прислали.

От волнения щеки у Альфа вспыхнули.

— Я как вас увидел, именно так и подумал. А как вы догадались ко мне прийти?

— Ты по-доброму встречал наших людей, мы такого не забываем.

Альф гордо улыбнулся, будто его награждали, а не выманивали обед.

— Вы, ребята, поди и не ели сегодня толком. Дайте ка я вам котлеты по-гамбургски приготовлю.

— Великолепно! — Мак не заставил себя упрашивать. — Мы и впрямь как волки голодные.

Альф подошел к холодильнику, достал две пригоршни фарша, проворно скатал котлеты, мазнул сковородку на газовой горелке маслом и бросил котлеты. Сверху посыпал мелко нарезанным луком. Тут же в кафе вкусно запахло.

— Э, прямо хоть сам на сковородку прыгай!

Масло зашипело, лук сделался золотистым. Альф снова перегнулся через стойку.

— А что у вас здесь за дело?

— Да в ваших краях больно много красивых яблок уродилось.

Альф выпрямился, упершись в стойку толстыми руками, в маленьких глазках мелькнула догадка.

— Так-так, ясно. Понял, — таинственно произнес он.

— Не пора ли переверачивать? — подсказал Мак.

Альф перевернул котлеты, прижал лопаточкой. Собрал рассыпавшийся лук, положил на котлеты сверху, примял.

Каждое движение нарочито замедленно, словно Альф погрузился в раздумья — так раздумчиво смотрят порой коровы.

— У моего старика тоже есть сад и клочок земли. Надеюсь, вы ему вреда не причините? Ведь я к вам подоброму отношусь.

— Конечно, по-доброму, — согласился Мак. — Мелкие фермеры не пострадают. Передай отцу: мы его не тронем. А пустит к себе погостить, так мы весь урожай ему соберем.

— Спасибо. Я с ним поговорю. — Альф положил котлеты на тарелки, добавил картофельного пюре, примял сверху и в ложбинки плеснул бежевой подливки.

Мак и Джим с жадностью набросились на еду, запили все кофе, кусочками хлеба собрали с тарелок остатки, а Альф вновь наполнил их чашки.

— Обед на славу! — воскликнул Джим. — Я прямо умирал с голоду.

— Угощение — что надо, — подхватил Мак, — ты. Альф, славный парень.

— Не будь у меня этого кафе и не владей мой старик землей, я б, ребята, с вами пошел. Ведь стоит кому узнать, кого я привечаю, разнесут мой фургончик в щепы!

— Ну, от нас-то никто ничего не узнает, — заверил Мак.

— Не сомневаюсь, ребята.

— А много ли уже сборщиков заявилось сюда?

— Да уж порядком. Многие у меня столуются. У меня за четвертак отличный обед: суп, мясо, два вида овощей, хлеб, масло, пирог, две чашки кофе — и за все двадцать пять центов. Прибыль, конечно, грошовая, зато и продавать удастся больше.

— Молодец, — похвалил Мак, — а не называли ребята кого-нибудь из своих вожаков?

— Вожakov?

— Ну, кто-то же должен их направлять.

— Ага, понял, — кивнул Альф. — Нет, что-то не припоминаю.

— А где вся братия околачивается?

Альф потер жирный подбородок.

— Я-то знаю об их двух лагерях. Один — вдоль шоссе, другой — у реки. Там в ивняке бродяги испокон веков лагерь разбивали.

— То, что нужно. Как туда добраться?

Альф ткнул толстым пальцем.

— На перекрестке свернете, дойдете до окраины, увидите реку и мост. Чуть влево — тропинка в ивняке. Метров четыреста пройдете — там и лагерь. А вот сколько у них народу, сказать не берусь.

Мак поднялся, надел шляпу.

— Хороший ты парень. Альф. Нам пора. Спасибо, что накормил.

— У моего старика есть сарай с койкой, на тот случай, если надумаете у него переночевать, — предложил Альф.

— Не получится. Альф. Нам нужно дело делать, а значит, быть среди людей.

— Наведывайтесь, всегда подкормлю, только время выбирайте, как сегодня, — чтоб посетителей не было.

— Спасибо еще раз. Все ясно, непременно заглянем.

Мак пропустил Джима вперед и закрыл за собой дверь. Спустившись с крылечка, они пошли по указанной улице. На углу из подъезда вдруг вынырнул полицейский.

— Что задумали? Говорите! — рявкнул он.

Джим от неожиданности отпрянул, а Мак спокойно остановился.

— Мы, начальник, простые работяги. А задумали вот яблоки пособирать.

— Что ночью здесь делаете?

— Да мы прямо с поезда, на товарняке прикатили.

— И куда идете?

— К реке, вроде там ребята расположились.

Полицейский точно врос в землю.

— Деньги есть?

— Вы же видели, мы в кафе расплачивались. Мы не какие-то там бродяги-побирушки.

Полицейский наконец отошел в сторону.

— Проваливайте, да поживее, и чтоб по ночам не шастать по городу!

— Слушаемся, начальник.

И они спешно отошли.

— Ну и любезничал ты с ним, — удивился Джим.

— А почему б и не полюбезничать? Вот тебе первый урок: не спорь с легавым, тем более ночью. Получи мы сейчас по месяцу тюрьги за бродяжничество, славно бы дело обернулось, а?

Они поплотнее запахнули легкие хлопчатые куртки и прибавили шагу. Все меньше и меньше фонарей попадалось им на улицах. — А с чего ты думаешь начинать? — спросил Джим.

— Не знаю пока. Нужно каждую возможность использовать. Начинаем мы обычно с того, что разрабатываем план в целом, а частности определяются сообразно условиям. Нужно каждой зацепкой пользоваться. Иначе ничего не выйдет. Придем, посмотрим, какая там обстановка.

Джим зашагал шире и энергичнее.

— Мак, доверь мне настоящее дело. Не хочу всю жизнь быть на подхвате.

Мак рассмеялся.

— Подожди, еще надоест. Так надоест, что назад в город запросишься, где по восемь часов в день работают.

— Вряд ли, Мак. Сейчас мне как никогда хорошо. Прямо, того и гляди, лопну от радости. Разве у тебя не так?

— Изредка. Обычно я так занят, что некогда в своей душе копаться.

Стали попадаться ветхие дома, сварочные мастерские, стоянки старых автомашин, свалка их разрозненных и искалеченных частей. Фонари освещали черные окна брошенных домов; от кустов, переходящих в подлесок, бежали тени. Холодало. Джим и Мак пошли еще быстрее.

— Вон, по-моему, фонари у моста, с каждой стороны по три, видишь? — показал Джим.

— Вижу. От моста, кажется, налево свернуть?

— Да, налево.

Мост о двух пролетах перекрывал узенькую речушку, сейчас, летом она превратилась в маленький грязный ручеек, змеящийся по песчаному руслу.

Взяв от ската моста влево, Джим и Мак обнаружили вскоре бегущую по самой кромке старого русла тропу, она вводила в ивняк. Мак шел первым. Через минуту они окунулись в кромешную тьму, спереди, сзади и по бокам их обступили густые ивовые заросли. Лишь изредка над головой меж веток проглядывало вечернее небо, справа по самому берегу темной стеной высились тополя.

— Не вижу я тропы, — посетовал Мак. — Придется наощупь пробираться. — И медленно, осторожно шагнул вперед. — Джим, подними руки, чтоб ветками глаза не выколоть.

— Уже чуть не выколочил. По губам только что хлестануло.

Некоторое время шли молча, старательно держась утоптанной тропы.

— Дымом запахло. — заметил Джим. — Считай, добрались.

Вдруг Мак остановился.

— А вот и огоньки впереди. Значит, так, как и прежде, разговор завожу я.

— Идет.

Тропинка неожиданно вывела на большую поляну, посередине горел костер. На другом краю виднелись три грязные, некогда белые палатки. В одной горел свет и по стенам бродили огромные черные тени. На поляне было человек пятьдесят: кто спал прямо на земле, завернувшись в одеяло, кто сидел вокруг костра. Не успели Джим с Маком выйти на поляну, как услышали короткий вскрик из освещенной палатки. И сразу задержались, закопошились тени на брезентовой стене.

— Может, кто заболел, — тихо сказал Мак. — Но считай, что мы ничего не слышали. Очень неразумно совать нос не в свое дело.

Они подошли к костру, подле которого, обхватив колени руками, сидели в кружок мужчины.

— Можно ли к вам присоединиться? — спросил Мак. — Или ваше общество только для избранных?

Несколько небритых лиц повернулись к нему, в глазах бусинками отражалось пламя костра. Один из мужчин подвинулся.

— Садись, земли всем хватит.

Мак только крикнул.

— Может, где и хватит, да только не в моих краях.

Заговорил худолицый, освещенный костром мужчина, сидевший по другую сторону.

— Ты, брат, попал в замечательное место. Здесь всего хватает жратвы, выпивки, автомобилей, домов. Присаживайся, у нас роскошный ужин.

Мак присел на корточки, кивнул и Джиму — садись. Вытащил кисет, аккуратно свернул изящную самокрутку. Затем, будто спохватившись, предложил:

— Ну, что, капиталисты, кому курить охота?

К нему потянулись несколько рук. Кисет пошел по кругу.

— Только что приехал? — спросил худолицый.

— Именно. Дай, думаю, пособираю яблочек, да обратно — свои миллионы считать.

Худолицый зло выкрикнул:

— А знаешь, сколько нам платить будут? Пятнадцать центов! Пятнадцать, чтоб им подавиться, собакам!

— А сколько ты, собственно, хочешь? — воскликнул Мак. — Имей совесть, парень! Или у тебя хватит наглости заявлять, что тебе, видите ли, хочется есть? Яблоки собираешь, вот их и жуй. Они такие вкусные, красивые! Тон его вдруг ужесточился. — А что, если мы эти яблоки не станем собирать?

Худолицый так и взвился.

— Придется! Никуда не денешься! Все до последнего гроша на дорогу сюда потратили!

— Не станем мы собирать, другие охотники найдутся!

— А если мы этих охотников — в шею? — крикнул Мак.

Люди у костра насторожились.

— Так ты чего ж... бастовать предлагаешь? — спросил худолицый.

Мак рассмеялся.

— Ничего я не предлагаю.

Коротышка, сидевший опершись подбородком о колени, сказал:

— Лондона чуть удар не хватил, когда сообщили, сколько платить будут.-И повернулся к соседу: — Ты, Джо, видел его. Правда, ведь его чуть удар не хватил?

— Аж позеленел весь, — подтвердил тот, — стоит, молчит, а сам весь зеленый. И деревяшку, что в руке держал, всю раскрошил.

Кисет наконец вернулся к владельцу, Мак помял его, убедился, что табаку осталось кот наплакал и сунул в карман.

— А кто такой Лондон?

Ответил ему худолицый.

— Лондон-мужик что надо, голова! Мы с ним всегда ездим. Что и говорить — голова!

— За старшего у вас?

— Да нет, просто хороший мужик. Мы с ним ездим. Послушал бы ты, как он с легавыми держится. Он...

Снова из палатки раздался крик, на этот раз долгий. Все повернули головы, потом снова безразлично уставились на огонь.

— Болеет, что ли, кто? — спросил Мак.

— Невестка Лондона рожает.

— Да, не самое удачное место для родов. А врач-то есть? поинтересовался Мак.

— Откуда! Где ж его возьмешь?

— А почему ее в окружную больницу не свезут?

Худолицый глумливо бросил:

— Как же! Будут они цацкаться с бродягами залетными! В больнице нет мест. Вечно она забита до отказа. Будто сам не знаешь.

— Я-то знаю, — вздохнул Мак. — Видно, и тебе это не в новинку.

Джим поежился, подобрал ивовый прутик, сунул его в костер, прутик сначала задымил, потом заиграл пламенем. Мак протянул в темноте руку и незаметно пожал руку Джима. А вслух спросил:

— А есть там, с ними, кто в родах кумекает?

— Старуха одна, — ответил худолицый; вопрос показался ему странным, и взгляд сделался подозрительным. А тебе-то что?

— Я кое-что в этом смысле, — ответил Мак. — Учился немного. Мог бы сейчас помочь.

— Ну, так иди к Лондону! — Худолицему, видно, не хотелось самому принимать никакого решения. — А нам не след о нем языком трепать.

Мак словно бы и не заметил подозрительности собеседника.

— Пожалуй, и впрямь надо сходить. — Он поднялся. Пойдем со мной, Джим. Где он, в той палатке, где свет?

— Да, там.

Сидевшие у костра проводили Мака и Джима внимательными взглядами, потом снова засмотрелись на костер. Двое друзей шли поляной, старательно обходя кучи тряпья — под ними спали люди.

Мак прошептал.

— Ну и повезло же нам! Если в грязь лицом не ударю, считай, что начали мы удачно.

— Я не совсем понимаю... Даже не знал, что ты медицине учился.

— Да никто на белом свете этого не знал! — усмехнулся Мак. Они подошли к палатке: за подсвеченной брезентовой стеной суетились черные силуэты людей. Мак встал у входа и позвал:

— Лондон!

Почти мгновенно взлетел палаточный полог и вышел высокий мужчина. В плечах не обхватить. Жесткие черные волосы обрамляли похожую на тонзуру лысину на макушке. По лицу пролегли волевые морщины; черные, налитые кровью, как у гориллы, глаза смотрели свирепо. Угадывалась в этом человеке властность. Вести за собой людей для него столь же естественно, как и дышать. Выйдя, он опустил за собой полог.

— Что нужно? — сказал — точно отрезал.

— Мы только что приехали, — объяснил Мак. — Ребята у костра говорят, здесь роженица.

— Ну и что с того?

— Вот я и подумал, может, чем помочь, раз у вас доктора нет.

Лондон приоткрыл полог-полоска света упала на лицо Маку.

— Ну, и чем ты можешь помочь?

— Я работал в больницах. Доводилось и роды принимать. Так почему б и сейчас не попробовать.

— Заходите, — уже спокойнее сказал великан. — Хоть старуха здесь и вертится, она, помоему, малость чокнутая. Заходите, сами все увидите.

В палатке было тесно и душно. На блюдце горела свеча. Посреди палатки стояла

самодельная печурка — ее смастерили из керосинового бака, — рядом сидела сморщенная старуха; в углу стоял бледный парень. У дальней стены на земле разложен матрац, на нем лежала молодая женщина, лицо у нее побелело, по нему грязными ручейками стекал пот, волосы растрепались. Все трое разом взглянули на вновь пришедших. Старуха отвела взгляд и уставилась на раскаленную печку, поскребла ногтями ладонь.

Лондон подошел к матрацу, опустился на колени. Роженица перевела взгляд с Мака на свекра. Тот сказал:

— Теперь у нас есть доктор. Больше опасаться нечего.

Мак взглянул на молодую женщину и подмигнул: лицо у нее застыло от страха.

Парень подошел к Маку, тронул его за плечо.

— Все будет в порядке, док?

— Конечно, она у тебя молодец. — Мак повернулся к старухе. — А ты повитуха, что ли?

Та, продолжая скрести морщинистые ладони, лишь бессмысленно посмотрела на него и не ответила.

— Я спрашиваю: ты повитуха? — прокричал Мак.

— Нет, но раза два детей принимать доводилось.

Мак взял ее руку, поднес поближе к свече: ногти длинные, неровные, грязные, кожа серая с синевой.

— И они, конечно, родились мертвыми. Нужно много чистых тряпок, у вас что-нибудь есть?

Старуха показала на кучу газет.

— У Лизы схватки пока два раза только были, — проскрипела она. — А подтереть и газетами можно.

Лондон подался вперед, рот приоткрылся от напряженного внимания он испытующе глядел Маку в лицо. В неярком свете тускло поблескивала лысина.

— У Лизы схватки два раза были, последний раз только что, повторил он старухины слова.

Мак молча кивнул ему на палаточный полог и вышел следом — Лондон и Джим.

— Слушайте, а вы видели ее руки? — опросил Мак. Ребенок-то, может, и выживет, а снохе вашей ничего не светит. Давай-ка от старухи избавимся.

— А роды ты, что ли, будешь принимать? — набычился Лондон.

Чуть помолчав. Мак оказал:

— Я приму. Джим кое в чем поможет. Но его помощи мне мало.

— Ладно, я помогу, — сказал Лондон.

— И этого мало. Из ребят никто не подсобит?

Лондон усмехнулся.

— Коли позову — помогут, как же иначе?

— Так позови, — попросил Мак, — не тяни резину.

Он, а следом и Мак с Джимом, подошли к маленькому костру, вокруг которого сидели притихшие люди; они тут же подняли головы.

Худолицый кивнул:

— Привет, Лондон.

Тот громко заговорил:

— Послушайте-ка, ребята, что вам док скажет.

Подошли еще несколько человек, заслышав голос своего вожака, однако лица у них оставались безучастными.

Мак откашлялся.

— У Лондона тут невестка сейчас рожает. Он хотел ее в местную больницу определить, но ему отказали. Мест говорят, нет, да еще и бродягами вшивыми нас всех обо звали. Что ж, помощи от них не дождешься. Придется самим управляться.

Люди вокруг посуровели, сдвинулись плотнее вокруг костра, безразличие отступало. А Мак продолжал:

— Мне случалось в больнице работать, так что сейчас я кое в чем помогу, но и ваша помощь, ребята, тоже нужна. Своих бросать нельзя.

Худолицый поднялся на ноги.

— Дело говоришь. В чем наша помощь?

В отблесках костра на лице Мака заиграла довольная, торжествующая улыбка.

— Молодцы, ребята! Понимаете, что такое сплочен ность. Во-первых, поставьте греть воду, достаньте белое тряпье, прокипятите. Где и как будете доставать — дело ваше. — Он указал на троих: — Ты, ты и ты разожгите большой костер, раздобудьте два больших котла. Поищите литров на пятнадцать — двадцать. Остальным — собирать тряпье. Все сгодится: носовые платки, старые рубашки, все, что угодно, лишь бы белое. Когда вода закипит, бросьте тряпье в котел и полчаса кипятите. А пока мне нужен чайник горячей воды, да поскорее.

Люди вокруг засуетились, забегали. Мак прибавил:

— И вот еще что. Нужна лампа, хорошая лампа. Хоть из-под земли мне ее достаньте. Не дадут — украдите. Без света не обойтись.

Как быстро все переменилось! Безразличия у людей как не бывало. Растолкали спящих, объяснили, что делать, зарядили всеобщим возбуждением; работалось всем в охотку. Быстро разложили костры, поставили четыре котла с водой, насобирали тряпье. Каждый хотел пособить. Один даже снял майку и бросил в котел, а рубашку надел на голое тело. Вдруг всем сделалось хорошо, люди смеялись, обменивались шутками-прибаутками, подбрасывая в костры тополиные ветви.

Джим стоял подле Мака и наблюдал за людьми.

— А мне что делать? — спросил он.

— Пошли со мной. Поможешь мне там, в палатке.

Тут же из палатки донесся вскрик. Мак протянул Джиму пузырек и на ходу бросил:

— Вот таблетки: бросишь по четыре штуки в каждый котел, остальные вернешь мне, потом набери ведро горячей воды — и бегом ко мне!

Мак поспешил в палатку, а Джим, разбросав таблетки по котлам, зачерпнул из одного ведро воды и пошел следом за Маком. Старуха, чтобы не мешать, забила в угол. Она все чесала ладони и с подозрением глядела, как Мак опустил две таблетки в горячую воду и окунул руки.

— Руки у нас должны быть чистыми, — пояснил он.

— А что это за таблетки?

— Двухлористая ртуть. Всегда при себе ношу. Вымойка и ты, Джим, руки, а потом принеси еще воды.

Снаружи раздался голос:

— Док, вот лампы!

Мак поднял полот: ему передали большую керосиновую лампу и газовый фонарь.

— Какому-то бедняге фермеру утром придется впотьмах коров доить, усмехнулся Мак, прибавил давления в фонаре, включил, газокалильная сетка засветилась ярким белым светом, в фонаре мерно зашипело. А снаружи доносились голоса, треск сучьев для костров.

Мак установил фонарь рядом с матрасом.

— Все будет в наилучшем виде, Лиза, — подбодрил он роженицу и стал осторожно снимать с нее грязное стеганое одеяло. Лондон и бледный парень не сводили с него глаз Лиза вцепилась в край одеяла, стесняясь своей наготы.

— Ну, ну, мне же нужно тебя подготовить, — хотя Мак и говорил как мог убедительно, женщина не отпускала одеяла.

Подошел Лондон.

— Делай, что тебе говорят, — только и сказал он.

Лиза испуганно взглянула на него и разжала пальцы. Мак закатал одеяло ей на грудь, начал освобождать ее от исподнего.

— Джим, — попросил он, — принеси-ка тряпицу и мыло.

Джим вернулся с тряпичей, от которой еще шел пар, и с тоненьким обмылком. Мак обмыл роженице ноги, живот. Делал он все очень осторожно, и мало-помалу Лиза успокаивалась

Принесли еще прокипяченных тряпок Но начались роды лишь к рассвету. Раз палатку крепко трянуло. Мак оглянулся.

— Эй, Лондон, твоему парню дурно. Вынеси-ка его на свежий воздух.

Вконец смутившись, Лондон взвалил своего худосочного сына на плечи и вышел.

Вот показалась голова младенца. Мак осторожно подвел под нее руку. Лиза, обессилив, лишь

застонала, и ее мучения кончились Мак перерезал пуповину прокипяченным перочинным ножом. Сквозь брезентовую стену уже проникли первые солнечные лучи, а фонарь в изголовье все шипел и шипел Мак обмыл маленькое, сморщенное тельце, потом дочиста отмыл руки старухе и лишь после этого передал ей новорожденного. Через час вышел послед, и Мак вновь бережно обмыл Лизу.

— Ну, а теперь все тряпье — вон и в костер! — сказал он Лондону.

— Даже то, что не пригодилось? — удивился тот.

— Да, все тряпки до единой. Больше они не нужны. Мак устало оглядел палатку. Старуха держала запеленутого младенца. Лиза лежала, закрыв глаза, и дышала ровно. — Пойдем, Джим. И нам выспаться не грех.

На поляне еще спали. Солнце позолотило макушки ив. Мак с Джимом нашли ямку под кустом и улеглись.

— У меня словно песок в глазах, — сказал Джим. Устал, видать. А я и не знал, Мак, что ты в больнице работал.

Мак подложил руки под голову.

— И не думал там работать

— А где же ты научился роды принимать?

— Да нигде не учился, не видел даже ни разу, как рожают. Знал только, что чистота кругом не помешает. Слава Богу, все обошлось. Случись что не так — нам крышка! Старуха куда больше моего в таких делах смыслит. Да она и сама все прекрасно поняла.

— Но ты так уверенно действовал!

— Еще бы! Нужда заставила. Мы же должны каждую возможность использовать Сейчас нам повезло Что ж нам, от своей удачи бежать? Конечно, девчонке помогли — это тоже неплохо, но и случись с ней что, главное — чтоб мы не упустили возможность. — Он повернулся на бок, подперев щеку рукой. — Хоть устал как собака, зато на душе легко. Мы за ночь завоевали и доверие Лондона, и доверие мужиков. Да еще и поработать их заставили, они ж работали ради себя, отстаивали свои интересы, и работали сплоченно. Для этого-то мы сюда и приехали научить их бороться сообща, а не просто выклянчить себе за работу лишний грош. Да ты и сам это понимаешь

— Понимать-то я понимал, — ответил Джим, — но не представлял, с какого конца за дело браться.

— А правило у нас только одно по обстоятельствам использовать любую возможность. Посторонних средств оружия или солдат — у нас нет. Сегодня удачная ночь: возможность представилась — лучше не сыскать, да и мы лицом в грязь не ударили. Лондон теперь наш Он прирожденный вожак. А куда вести — мы подскажем, особо стараться, думаю, и не придется А вести людей должен всегда один из них. Мы лишь растолкуем Лондону, что и как делать, а действовать вожаки должны сами. Лондона мы уже сейчас обучать всем премудростям начнем, а он это учение до остальных донесет. Вот увидишь, о прошедшей ночи все в округе знать будут сегодня же Ну, что ж, первый блин у нас отнюдь не комом. Конечно, потом нас могут за решетку упрятать, дескать, занимаетесь врачебной практикой без разрешения Но люди за нас горой встанут.

— А как получилось, что все они вдруг так слаженно, так дружно заработали — прямо как часы, да и с охотой. Ведь ты им и сказал-то всего пару слов, а им все было в радость.

— А как же иначе? Людям нравится работать плечом к плечу. У них в этом потребность. Знаешь, десять человек могут поднять в двенадцать раз больше, чем один. Чтоб их зажечь, нужна только искорка. Конечно, они недоверчивы, почти всякий раз, когда им предлагают делать что-то сообща, плоды их труда присваивает другой. Но взгляни на них, когда они работают на себя. Сегодня как раз такой случай, они старались не ради хозяина. Потому-то все у них и ладилось.

Джим заметил:

— Но тебе ведь так и негодились все тряпки. Зачем же ты велел Лондону их сжечь?

— Неужто не понимаешь? Каждый, кто хоть малую толику дал, сознавал, что дает на общее дело, на его дело. Потому что ребенок этот появился на свет стараниями каждого. И отдай я кому тряпки, значит, его помощь не пригодилась, значит, обошлись без него. Они пожертвовали чем-то, оторвали что-то от себя — и нет вернее способа объединить людей, нацелить их на общее дело.

— А сегодня будем работать? — спросил Джим.

— Нет, пусть сначала весь лагерь узнает о том, что произошло ночью. А к завтрашнему дню это станет уже легендой. Вот и подождем до завтра. А сейчас нужно отоспаться. О лучшем заделе мы и мечтать не могли.

Шелестели ивы у них над головами, изредка роняя, листья.

— Не помню уж, когда так уставал, — признался Джим, — а душа радуется.

Мак приоткрыл глаза.

— Ты держисься молодцом. Толк из тебя выйдет. Хорошо, что ты со мной поехал. Ты здорово помог мне ночью. А сейчас закрывай-ка глаза, хватит разговаривать, пора спать.

5

Полуденное солнце, обозрев верхушки яблонь, заглянуло под тяжелые кроны, раскидало косые лучи, отпечаталось светлыми полосами и пятнами на темной земле. Яблони, разделенные широкими междурядьями, выстроились в длинные, сливающиеся на горизонте шеренги. В огромном саду кипела работа. К яблоням приставлены длинные лестницы, меж рядами — штабеля новеньких желтых ящиков. Издали доносился скрежет сортировочных конвейеров да перестук молотков. Сборщики с большими ведрами на веревках через плечо проворно взбирались по лестницам, осторожно снимали крупные яблоки с веток, наполняли ведра доверху, так же проворно спускались, высыпали яблоки в ящик. Меж рядами деревьев разъезжали грузовики, на них погружали полные ящики и отправляли на сортировку и упаковку. Подле каждой кучки ящиков стоял учетчик и помечал в блокноте, кто сколько ведер набрал. Яблони словно ожили: качали ветвями, напрягаясь под тяжелыми лестницами; сбрасывали переспелые плоды, и они глухо стучались о землю. Соловьем разливался какой-то свистун-виртуоз, скрытый от глаз кроной.

Джим быстро спустился с лестницы, подтащил ведро к ящикам, высыпал яблоки. Молодой русоголовый учетчик в белых джинсах пометил в блокноте, кивнул и предупредил:

— Аккуратнее яблоки вываливай, а то мякушки остаются.

— Ладно, — бросил на ходу Джим, при каждом шаге он поддавал ведро коленкой. Взобрался на дерево, повесил ведро на крепкую ветвь. И тут заметил еще одного сборщика, тот стоял на толстом суку и тянулся к ветке, на которой росло много яблок. Под тяжестью Джима дерево качнулось, и сборщик посмотрел вниз.

— Привет! А я, парень, и не знал, что ты на этом дереве собираешь. — Говоривший оказался тщедушным стариком с редкой, замусоленной бородашкой. На руках голубыми жгутами проступали вены. Ноги — точно спички ровные и худые, не под стать огромным тяжелым башмакам.

— Да какая разница, кто где собирает, — ответил Джим. — Только мне кажется, ты не по годам резвый ишь, точно обезьяна по веткам скачешь.

Старик сплюнул и внимательным взглядом проводил плевков. Водянистые голубые глаза зло заблестели.

— Мало ли, что тебе кажется! Вы, сопляки, все уже списать меня готовы. Да я вас еще за пояс заткну, за день больше яблок соберу, заруби себе на носу!

Он нарочито напряжил ноги, дотянулся-таки до ветки с яблоками, обломил ее, снял яблоки, а ветку презрительно швырнул на землю.

— Эй, поосторожней там, яблонь не ломать! — крикнул снизу учетчик.

Старик лишь недобро оскалился, выставив большие, как у суслика, передние зубы, — по два сверху и снизу.

— Ишь, деловой какой! — пробурчал он.

— Студент, небось, — сказал Джим. — Куда ни сунься, непременно на студентов наткнешься.

Старик присел на толстый сук.

— А много ль они знают? Учатся-учатся в колледжах, а толку — чуть. В блокноте чиркать умеет, а так — дурак дураком.

— Зато нос задирать мастера, — поддержал его Джим.

— Взять хотя бы нас, — продолжал старик, — может, мозгов у нас и впрямь маловато, зато что умеем — делаем исправно.

Джим попытался сыграть на достоинстве старика, так часто делал в беседах Мак.

— Ну, ты, к примеру, до семидесяти лет дожил, а только и умеешь, что по деревьям лазать. А я так даже в блокноте чиркать или белые штаны носить и то не дорос.

Старик взъярился.

— Волосатой лапы у нас нет! Без нее легкой работенки не видать! Потому-то и ездят на нас все, что лапы у нас нет.

— Ну и что же, по-твоему, делать?

И враз, словно выпустили из старика воздух, поник он. Пропала ярость. Взгляд сделался нерешительным, да же испуганным.

— А Бог его знает. Мириться — вот и все. Нас, как стадо свиней, гоняет нужда по всей стране,

и такой вот молодчик студент еще и пинка даст!

— Он-то не виноват. Работа такая. Хочешь место со хранить работай как велели.

Старик ухватил еще одну ветку с яблоками, снорови сто обобрал ее и осторожно сложил яблоки в ведро.

— В молодости еще думал: можно что-то изменить, сейчас мне уж семьдесят один, — устало вздохнул он.

Проехал грузовик с ящиками яблок.

Старик продолжал:

— Я на севере лес валил, а тут эти ИРМовцы[4] такого шороха навели! Я лесоруб что надо, лучше не сыскать. Да и сейчас, видишь, еще неплохо с деревьями управляюсь. А тогда надежд у меня было — хоть отбавляй. Конечно, ИРМовцы и хорошего кое-что сделали: до них, например, сортиров не было, только ямы понарыты; помыться негде было. Но плетью обуха не перешибешь. Построили нам и туалеты, и души, да только все потом прахом пошло, — рука старика безотчетно потянулась к следующей ветке. — Вступал я в профсоюзы, как же! Бывало, выберем председателя, не успеешь оглянуться, а он уж задницу хозяевам готов лизать, и начхать ему на наши интересы. Мы, знай, платим взносы, а казначей нас же еще и ругает. Не знаю, может, вы, молодые да ранние, лучше понимаете, что к чему. А мы что смогли, то и сделали.

— А сейчас, значит, готовы хозяевам уступить? Джим в упор взглянул на старика.

Тот устроился поудобнее на толстом суку, держась лишь одной рукой, пальцы у него были большие, но костлявые.

— Нутром чувствую: что-то будет. Ты, небось, скажешь, что я совсем рехнулся, уж если раньше все хорошо продумывалось, и то без толку, чего же теперь ждать. И все ж я что-то нутром чую.

— Так что чуешь-то?

— Сразу и не скажешь. Знаешь, когда вода закипает, рябь идет, пузырьки. Вот и сейчас что-то вроде. Я ведь с бродягами-сезонниками бок о бок всю жизнь проработал. И сейчас вижу: задумки у них никакой. Просто само по себе все, как вода закипает. — Глаза у него затуманились. Он вскинул голову, так что разгладились складки кожи на дряблой шее. — Просто мы слишком долго голодали, слишком долго нами хозяева помыкали. Объяснить не берусь, а вот нутром чую.

— Так что ж это? — снова спросил Джим.

— Злоба! — выкрикнул старик. — Вот что! Знаешь ведь, как перед дракой сначала кровь в голову ударит, аж жарко станет, потом вроде как под ложечкой засосет, и внутри все задрожит. Вот и сейчас так же. Только не в одном человеке, а в целом миллионе. И этот миллион — как один великан, его и бьют, и голодом морят, и вот он приготовился к драке, и внутри аж все дрожит. Сами парни еще не понимают, что происходит, но лопнет у нашего великана терпение, и ни один в стороне не останется. Даже подумать страшно. Они всем глотки перегрызут, сожрут с потрохами. — Старик покачнулся и вцепился обеими руками в ветку. Нутром чую, закипает-закипает вода. И так бывало повсюду.

— Но ведь нужно все продумать. — Джима даже бросило в дрожь от волнения. — Составить план и направить людей, чтоб на пользу им вышло.

Старик, похоже, выдохся после столь пламенной речи.

— Когда великан начнет все крушить, никакими планами его не сдержать — будет бросаться на все и вся и рвать на части. Уж больно изголодался да и лиха натерпелся. А хуже всего то, что уж очень долго его унижали как могли.

— Но если найдется несколько предусмотрительных людей и они все же составят план... не унимался Джим.

— Надеюсь, не доживу до этого дня, — покачал головой старик. — Они ведь друг другу горло перегрызут, перебьют друг друга. И не останется ни людей, ни сил, и все пойдет постарому. Глаза б мои всего этого не видели, умереть бы до этого дня. Вы, сосунки, еще на что-то надеетесь. — И он полез с полным ведром вниз. — А у меня уже надежды никакой. Ну-ка, уйди с дороги. Болтовней много не заработаешь, пусть студенты языки чешут.

Джим переступил с лестницы на ветку и пропустил старика. Тот высыпал яблоки, и направился к другому дереву. Все так же шуршали конвейеры в сортировочной и стучали молотки. А по шоссе проносились грузовики. Джим взял полное ведро, отнес к ящикам. Учетчик снова сделал пометку в блокноте.

— Будешь баклуши бить — много не заработаешь, еще нам задолжаешь, — предупредил он.

Джим покраснел, набычился.

— Занимайся-ка лучше своей писаниной, — буркнул он.

— Ишь, какой сердитый!

Джим взял себя в руки и смущенно улыбнулся.

— Что-то устал я с непривычки, — примирительно сказал он.

Русоголовый усмехнулся.

— Известное дело, намаешься, так на всякого лаять станешь. Ты б на дерево залез да там и устроил перекур.

— Так и сделаю, — и Джим направился к яблоне. Поднявшись, повесил ведро на ветку и принялся собирать яблоки. А вслух произнес:

— Вот и я, как цепной пес, злой стал. Нельзя так. Хватит того, что отец в злобе жил.

Работал он теперь не спеша, каждое движение стало расчетливым и выверенным, как у машины. Солнце уже клонилось к закату, вот почти скрылось, лишь на верхушках деревьев догорали последние блики. Далеко в городке прозвучал гудок. Но Джим все работал и работал. Уже смеркалось, когда наконец остановился конвейер и учетчики объявили:

— Кончай работу! На сегодня все!

Джим спустился на землю, высыпал последнее ведро, поставил его в ряд с другими. Учетчик записал общее количество, подвел итоги. Сборщики некоторое время еще не расходились, сворачивали самокрутки, негромко переговаривались. Потом не спеша пошли по яблоневой аллее к дороге, за которой их ждал кров.

Впереди Джим увидел старика, прибавил шагу, догнал его. Шагал старик тяжело, худые ноги сгибались плохо.

— А, опять ты, — узнал он Джима.

— Не пойти ли вместе, думаю.

— Да кто ж тебе мешает? — старик, очевидно, был доволен.

— Родные-то у тебя здесь есть?

— Родные-то? Нет.

— Так если ты один-одинешенек, прилепился бы к какой богадельне, пусть местные власти тебя поят-кормят.

Старик ответил с холодным презрением.

— Я деревья валил, мне равных не было. Ты, сосунок, и леса-то, поди, не видел. Все равно ничего не поймешь. До моих лет никто из лесорубов не дотягивал. Такие, как ты, слабаки, в обморок падали, лишь глядя, как я работаю. А здесь по этим паршивым яблоням лазай! И богадельня не по мне! Я всю жизнь в опасности работал. Я на тридцатиметровой высоте был, и веткой мне сорвало спасательный пояс. Работал с ребятами, а их возьми, да де ревом придави — только мокрое место осталось. А ты меня в богадельню! «Дан, иди похлебку ешь!», и я хлебу шекпокрошу, и рад стариковской тюре. Да я скорее с яблони вниз головой прыгну! Я, брат, деревья валил.

Они медленно шли садом. Джим снял шапку, взял в руку.

— Ну, и что твоя работа дала? Состарился ты, тебя и выбросили.

Дан крепко, до боли, ухватил Джима за локоть.

— Давала мне работа немало, ох немало. Бывало, залезу на самую что ни на есть верхотуру, и душа радуется: ведь у хозяев моих кишка тонка сюда залезть. А я — на верху, и смотрю вниз, все такое маленькое, и люди — ровно муравьи, а я тут — наверху, во весь свой рост. Так что работа мне много давала.

— А наживались на ней другие, — вставил Джим. Они разбогатели, а тебя — коленкой под зад, когда сил поубавилось.

— Ну и что. Да, уволили. Так я и впрямь уже сдавать начал. А впрочем, мне на них плевать.

Впереди обозначился приземистый беленый сарай мет ров пятьдесят в длину. — его поставили хозяева для сборщиков — двери и квадратики окон каждые десять метров. Коекакие двери открыты, свет ламп и свечей падал на землю. Кое-кто сидел на пороге, вглядываясь в густеющие сумерки. Перед сараем торчала водопроводная колонка, вокруг собрался народ, каждый по очереди набирал в пригоршню воды, ополаскивал лицо, волосы, оттирал руки. Женщины наполняли ведра, котелки. У полутемного дома сновали детишки, непоседливые и озорные. Доносились обрывки вялого разговора — люди устали. Мужчины возвращались из сада, женщины — с сортировки и упаковки. Впритык к северному углу барака стоял магазин, окна его сейчас ярко горели. Там продавались в кредит по рабочим талонам продукты, одежда. У входа выстроилась очередь. А из магазина гуськом выходили мужчины и женщины с консервными банками, буханками хлеба.

Джим и Дан подошли к бараку.

— А вот и конура, — сказал Джим. — Тебе б не помешало старуху под боком иметь, чтоб хоть готовила.

— Схожу-ка я, пожалуй, в магазин, куплю банку фасоли. Вот дураки: платят по семнадцать центов за фунт. А сушеной фасоли за те же деньги можно целых четыре фунта купить. А

сваришь — так, почитай, ее в два раза больше станет,

— А что ж ты сам тогда в банках фасоль покупаешь?

— Некогда мне возиться, готовить. Я прихожу усталый как собака и голодный.

— Так ведь и у остальных времени не больше. И женщины, и мужчины с утра до ночи работают. А бакалейщик еще и три цента сверху дерет, потому что, видите ли, продукты почти с доставкой на дом, не приходится измученным людям в город ходить.

Дан повернулся, нацелив жидкую бороденку на Джима.

— А тебе, малый, везде нужно нос сунуть, да? Ты как щенок с костью: мусолишь мусолишь, а зубки-то слабые, не ровен час сломаешь.

— Если побольше ребят за эту кость возьмутся разгрызем!

— Как знать! Я семьдесят один год прожил, и на людей, и на собак насмотрелся — все так и норовят кость друг у друга утащить, не видел я, чтоб две собаки одну кость грызли, зато горло друг дружке перегрызть за эту кость — сколько угодно.

— Что-то безнадегой от тебя несет, — заметил Джим.

Старик осклабился, снова выставились четыре огромных резца.

— Мне семьдесят один год, — примирительно сказал он. — Не обращай на меня внимания, грызи, давай, свою кость. Может, сейчас уж и люди, и собаки совсем переменились.

Они поравнялись с водопроводной колонкой, земля вокруг уже превратилась в месиво. Вдруг от очереди отделился человек и пошел им навстречу.

— Это мой приятель, Мак. Славный парень.

Но старик ответил нелюбезно:

— Не хочу я ни с кем больше разговаривать. Ничего не хочу, даже фасоль на ужин подогреть.

Подошел Мак.

— Привет, Джим. Как день прошел?

— Неплохо. Знакомься, это Дан. Он на севере лес валит во времена ИРМовцев.

— Рад познакомиться, — уважительно произнес Мак. Наслышан я о тех временах. Тогда забастовка всю работу парализовала.

Дан заговорил охотнее.

— Я-то сам в ихнем профсоюзе не состоял, — принялся объяснять он. — Я-то сам лес валил. А эти ИРМовцы — бестии продувные — все ж таки свое дело делали. Им лесопилку спалить — раз плюнуть.

Мак заговорил снова, все так же уважительно.

— Ну, раз они дело делали, чего ж от них еще и требовать?

— Им палец в рот не клади. И говорить-то с ними тошнехонько. Все им не так! Ладно, я в

магазин за фасолью пошел, — и повернул направо.

Смеркалось. Джим взглянул на небо и увидел несущийся по нему клин.

— Мак, смотри, это что?

— Дикие утки. Что-то рано они в этом году улетают. Ты что, диких уток не видел?

— Нет, только читал о них, — признался Джим.

— Не возражаешь, если поужинаем хлебом с сардинами? Нам еще работать потом, так что готовить ужин некогда.

Джим, устало переставлявший ноги, подобрался, поднял голову.

— Что за работа. Мак?

— Дело вот в чем. Я днем работал рядом с Лондоном. Он — мужик мозговитый. Во многом успел уже сам разобраться. Говорит, парней можно расшевелить. У него по соседству, в самых больших садах — там сорок тысяч акров — приятель работает, он может своих людей сговорить. Сам-то Лондон зол как черт из-за этих расценок. На что угодно пойдет. Приятеля его фамилия — Дейкин. Вот сегодня мы с ним и потолкуем.

— Неужто пошло дело? — обрадовался Джим.

— Похоже. — Мак скрылся за одной из темных дверей, через минуту появился с банкой сардин и буханкой хлеба. Положил хлеб на порог, открыл банку.

— Ну, а ты прощупал народ, как я тебе говорил?

— Мало что удалось. Разве что с Даном поговорил.

Мак застыл с банкой в руке.

— Это еще зачем? Зачем с ним говорить-то!

— Да мы на одном дереве оказались.

— И ты на другое не мог перебраться? Как же наши люди время разбазаривают! Джой, так тот и котят агитировать готов. Нечего тратить время на таких, как Дан, стариков. Толку от него нет. С таким поговоришь — сам во всем разуверишься, надежду потеряешь. У стариков уже порошу не осталось. Все в прошлом. — Он поставил открытую банку перед Джимом. — Возьми-ка рыбку-другую да на хлеб положи. Лондон сейчас тоже ужинает. Поест, и поедем, у него свой «форд».

Джим вытащил перочинный нож, достал из банки три сардины, положил на ломоть хлеба, прижал сверху, чуть сдобрил оливковым маслом из банки и сверху положил еще ломоть хлеба.

— Как дела у девчонки-то?

— У какой девчонки?

— Да у той, что родила.

— Все в порядке. Лондон меня до небес превозносил. Я сказал ему, что никакой я не врач, а он заладил док да док, иначе и не называет, Уж очень он ко мне проникся. А бабенка-то ничего, если приодеть да подкрасить. Сделай-ка себе еще бутерброд.

Совсем стемнело. Почти все двери были уже закрыты, тусклый свет из окошек обозначил на земле желтые квадратики. Мак дожевывал бутерброд.

— В жизни своей столько уродливых баб не видел, — посетовал он. Только на тринадцатилетних и можно смотреть. А за каждой уж, небось, восемнадцатилетний хмырь ухлестывает. Впрочем, и я еще не старик.

Джим усмехнулся.

— Ты, видно, привык вопросы постельные с политэкономическими заодно решать. Вот тебе сейчас и туго.

— Попробуй раздели их, — усмехнулся Мак. — Мужское естество всегда о себе напомнит, стоит чуть солнышку меня приласкать. Это в порядке вещей.

Зажглись редкие звезды, словно острые алмазные иглы пронзили холодную тьму. В соседней клетушке вдруг загомонили, потом все стихло, лишь изредка слышались одиночные выкрики.

Джим обернулся на шум.

— Что там происходит. Мак?

— В кости играют. Это они в два счета организуют. На что ж они играют, денег-то нет. Может, просаживают следующую получку? А ведь кончится работа, большинство из них и цента не получит, после того, как с бакалейщиком расплатятся. Смотрю, один из магазина тащит две большущие банки колбасного фарша. Небось, в один присест все и съест, а завтра животом будет маяться. Как все истосковались по вкусной еде! Ты не замечал, Джим, когда наголодаешься, тогда о чем-то одном мечтаешь? Я, например, о картофельном пюре, да чтоб масла побольше. А этот парень, небось, не один месяц о мясе мечтал, вот и дорвался.

Вдоль дома шел большой человек, освещенные окна отбрасывали блики ему на лицо.

— А вот и Лондон, — определил Мак.

Тот, покачивая плечами, подошел. В обрамлении черных волос высвечивала лысина.

— Ну, все, я поел, пошли, — сказал он. — Мой «форд» за домом.

Он повернулся и зашагал обратно. Мак и Джим — следом. За домом они увидели прогулочную модель «форда» с откидным верхом. Клеенчатые сиденья обтрепались и порвались, из прорех торчали пружины, волосяная набивка. Лондон сел за руль, включил зажигание. Машина заурчала.

— Крутани-ка, Джим. — Мак подал ему заводную ручку.

Тому пришлось налегать всем телом на неподатливую ручку.

— Ну как? У меня уж руки отваливаются.

— Нет искры.

Лондон дал газ, Джим крутанул что есть мочи, мотор чихнул, своенравная ручка больно ударила Джима.

— Ух, черт, брыкается!

— Да, она у меня норовистая! — подтвердил Лондон. — Сейчас крутани и не опускай.

Джим снова налег на ручку. Мотор взревел, зажглись маленькие тусклые фары. Джим уселся на заднее сиденье меж старых камер, шин, дерюжных мешков.

— Ворчит, но едет, — прокричал Лондон. Он развернулся и выехал по садовой аллее направо — к шоссе. В моторе стучало и скрежетало. Сквозь разбитое ветровое стекло со свистом врывался холодный ночной воздух. Джим съежился, спрятавшись за спинами сидящих впереди. Позади на фоне черного неба светили городские фонари. По обеим сторонам темной стеной стояли большие яблони, порой из-за них мигали огоньки домов. а «форд» обгонял и большие грузовики, и бензиновые цистерны, и серебристые молочные с голубыми светлячками подфарников. Вот от домика к шоссе бросилась сторожевая собака, и Лондону пришлось резко повернуть, чтобы не наехать на нее.

— Такой пес долго не прослужит, — крикнул Мак Лондону.

— Терпеть не могу давить собак, — отозвался тот. А кошек запросто. Пока из Радклиффа сюда ехал, трех задавил.

Машина, погромыхивая, ехала едва ли быстрее тридцати миль в час. Иногда два цилиндра враз отказывали, и тогда в моторе стучало и хрипело, пока ритм не отлаживался.

Проехав миль пять, Лондон сбавил скорость.

— Где-то здесь нам сворачивать.

Вереница серебристых почтовых ящиков верно указала поворот. На деревянной арке над дорогой значилось «Фруктовая компания братьев Хантер. Яблоки высшего сорта». Машина медленно ползла по дороге. Вдруг из тьмы выступил человек и поднял руку. Лондон остановил машину.

— Вы, ребята, здесь работаете? — спросил человек.

— Нет.

— А лишних рук нам не требуется. Все места заняты.

— Да мы приятелей повидать приехали, — объяснил Лондон. — Сами у Талбота работаем.

— Спиртного на продажу не везете?

— Да нет, конечно.

Незнакомец посветил фонариком на заднее сиденье, заваленное хламом.

— Проезжайте, ребята. Долго не задерживайтесь. Лондон нажал на газ.

— Строит из себя невесть что, сукин сын! — проворчал он. — Из всех легавых частные сыщики самые дотошные. Во все дыры лезут.

Он резко повернул и остановил машину подле такого же длинного барака, разделенного на клетушки.

— Здесь работает уйма народу. Три таких сарая битком набиты. — Он подошел к ближней двери, постучал. Послышалось ворчанье, по комнатке тяжело затопали. Дверь чуть приоткрылась, выглянула косматая толстая женщина. Лондон бесцеремонно спросил:

— А где тут Дейкин живет?

На женщину подействовали властные нотки в его голосе.

— Третья дверь, мистер. Там он, с женой и двумя детишками.

— Спасибо, — бросил Лондон и, не дослушав женщину, повернулся и пошел дальше. А она, высунув голову, с любопытством оглядывала мужчин. Вот Лондон постучал в указанную дверь, ему открыли, и лишь тогда толстуха убралась восвояси.

— Кто это? — спросил ее из дома мужской голос.

— Понятия не имею. Видать, начальник какой. Дейкина спрашивал.

У Дейкина было узкое лицо, цепкие, но холодные глаза, плотно сжатые губы, резкий, но невыразительный голос.

— Проходи, сукин кот! Ведь как из Радклиффа уехали, не виделись! — приветствовал Лондона хозяин и впустил гостей в дом.

Лондон представил спутников.

— Вот это док, а это его друг. Знаешь, Дейкин, док здорово помог Лизе вчера ночью. Слышал, небось?

Дейкин протянул Маку длинную белую руку.

— Как не слышать! Кое-кто из ребят вчера у вас был. Разговоров столько, можно подумать, Лиза слоненка родила. А вот хозяйка моя. Док, вон, извольте взглянуть, детишки, крепкие ребята.

Жена встала — красивая, с высокой грудью, с пятнами румян на щеках, верхние зубы золотые, так и блестят на свету.

— Приятно познакомиться, — низким голосом произнесла она. — Вам, ребята, кофейку или чего покрепче?

Взгляд у Дейкина потеплел — он был горд за жену.

— Пока к вам добирались, продрогли, — намекнул Мак.

Блеснули в улыбке золотые зубы.

— Я так и думала. Значит, по глоточку виски. — Она поставила на стол бутылку, стаканчик. — Наливайте себе сами, ребята. Хоть до краев, лишь бы не через край.

Бутылка со стаканом пошла по кругу. Миссис Дейкин последней опрокинула стаканчик, заткнула пробкой бутылку и поставила в маленькую горку.

В комнате стояло три складных парусиновых стула и две раскладушки для детей. Для супругов — большая походная кровать у стены.

— А вы хорошо обжились, — сказал Мак.

— У меня маленький грузовичок, иногда подрабатываю перевозками, да и свой скарб есть на чем возить. А жена моя — рукодельница изрядная, в добрые времена тоже может заработать.

Миссис Дейкин улыбнулась похвале.

Тут Лондон прервал светскую беседу Дейкина.

— Где бы нам с тобой потолковать?

— А чем здесь плохо?

— Да лучше б без свидетелей.

Дейкин повернулся к жене, ровным, бесстрастным голо сом сказал:

— Сходи-ка, Алла, с детьми в гости к миссис Шмидт.

На лице ее отобразилась досада. Губы отторбучились, спрятав золотые зубы. Она вопросительно взглянула на мужа — он ответил холодным, рыбьим взглядом, длинные белые руки нетерпеливо дернулись. Миссис Дейкин вдруг широко улыбнулась.

— Да вы сидите, толкуйте себе, я ведь и забыла, что обещала миссис Шмидт навестить. Генри, бери-ка братишку за руку, и пойдем. — Она надела короткий кроличий жакет, взбила золотистые волосы. — Ну, не скучайте, ребята.

Было слышно, как удалялись ее шаги, как постучала она в дверь.

Дейкин подтянул штаны, сел на широкую кровать, жестом указал остальным на парусиновые стулья. Взгляд опять сделался пустым и застывшим, как у боксера.

— Ну, с чем пришел, Лондон?

Тот почесал щеку.

— Как тебе нравится, что нам расценки снизили? Мы приехали, а нас и обрадовали.

У Дейкина дернулись уголки рта. — А как мне может нравиться? Радоваться нечему.

Лондон подался вперед.

— Ну, и что думаешь делать?

Бесстрастные глаза чуть оживились.

— Ничего пока. А ты?

— А что, если нам объединиться и вместе что-нибудь предпринять? Лондон искоса взглянул на Мака, и Дейкин это заметил. Он указал на Мака и Джима.

— Они — левые?

Мак раскатисто засмеялся.

— Выходит, всякий, кто хочет за свою работу деньги получать, левый.

Дейкин быстро, но внимательно посмотрел на него.

— Против левых я ничего не имею Но давайте говорить начистоту. Ни в какие фракции и группировки мне соваться некогда и незачем. Если вы в какой партии состоите, мне знать об этом ни к чему. У меня жена, дети, грузовичок. И ни в чьих черных списках мне числиться неохота, и в тюрьму за это отправляться — тем более. Ну, так говори, Лондон, с чем пришел?

— Урожай нужно собрать, Дейкин. А что, если нам удастся поднять людей на борьбу?

Глаза у Дейкина посветлели, — видно, почуял опасность, — но остались по-прежнему

бесстрастными. Ровным голосом он произнес:

— Ну, хорошо. Поднимешь ты ребят, навешаешь им лапши на уши, пойдут они за тобой, проголосуют за стачку. А через полдня прикатит целый состав с теми, кто и за гроши работать готов. Что тогда?

Лондон снова почесал щеку.

— Тогда, скорее всего, мы выставим пикеты.

— А хозяева, — подхватил Дейкин, — соберут законодателей и издадут указ, запрещающий сборища, да выставят сотню молодчиков с ружьями, — из тех, кто шерифам помогает.

Лондон растерянно оглянулся на Мака — дескать, выручай, подскажи. Мак задумался и ответил:

— Мы просто хотели выяснить, мистер Дейкин, как вы ко всему этому относитесь. Представьте: забастовка на сталелитейном заводе, три тысячи рабочих выставляют пикеты. Завод, конечно, обнесут колючей проволокой, пропустят ток. Хозяева поставят охрану, А сколько, по вашему, потребуется «молодчиков с ружьями», чтобы целую долину оцепить?

В глазах у Дейкина на миг вспыхнул огонек, но тут же погас.

— Вот именно — с ружьями. Ну, не пустим мы тех, кто на нашу работу позарится, а помощники шерифа возьмут да и откроют огонь. Не выстоят наши бродяги-работяги, и думать нечего. Как ударят по ним не из дробовиков, а из винтовок, побегут наши ребята по кустам, словно кролики. И как тогда быть с пикетами?

Взгляд Джима перебежал с одного собеседника на другого. Но вот он вмешался в разговор.

— Но ведь тех, новых, кого привезут, почти всех можно на нашу сторону привлечь, стоит только поговорить.

— А остальных?

— Найдем ребят побойчее, они остальных прищучат, сказал Мак. — Я ведь сам со сборщиками работаю, знаю, как они из-за расценок страдают. А яблоки, между прочим, все равно собирать надо. И сады — это не литейный завод, враз не закроешь.

Дейкин встал, подошел к горке, налил себе немного виски, кивнул и остальным, однако все трое отказались. Дейкин сказал:

— Говорят бастовать — это наше право, а вот пике ты — это уже противозаконно. А, значит, по сути дела, право у нас только одно: бросить все, отказаться от борьбы. Так вот, я ни в какую борьбу ввязываться не хочу. Мне есть что терять.

— А куда... — голос у Джима прервался, он прокашлялся и продолжал: — А куда вы отсюда поедете, мистер Дейкин?

— На хлопок, — ответил тот.

— Что ж, там поля побольше, чем здесь сады. И если нам здесь срезали плату, то уж тамто еще больше срежут.

Мак ободряюще улыбнулся — молодец!

— Вы и сами это прекрасно знаете, — поддержал он товарища. Расценки срезали, срезают и будут срезать, пока у народа терпение не лопнет.

Дейкин осторожно поставил бутылку с виски, вернулся к широкой кровати и сел. Посмотрел на свои белые длинные пальцы, от мозолей их уберегали перчатки.

— Не хочется мне беду накликать. Мы с хозяйкой да ребяташками с голоду пока не помираем. Но вы, конечно, правы, на хлопке нам тоже заработать не дадут. И что хозяевам нейдется?

— Единственный для нас выход — бороться всем вместе, организованно, — сказал Мак.

Дейкин беспокойно поежился.

— Похоже, так. Хотя и не по мне это все. Что от меня-то требуется? В разговор снова вступил Лондон.

— Ты должен своих ребят настроить, а я — своих, если получится.

Мак не утерпел:

— Чего настраивать, если у кого сердце к этому не лежит. Вы только потолкуйте с ребятами. А они меж собой разберутся. Пока они все недовольство в себе носят, так пусть выговорятся. Да так, чтоб и до других садов их слова долетели. Пусть завтра меж собой ребята поговорят, а потом устроим собрание. Дело быстро пойдет, терпение у всех уже на пределе.

— Вот что мне в голову пришло, — сказал Дейкин. Скажем, подняли мы народ на забастовку. А ведь нам здесь оставаться никто не позволит. Все дороги, принадлежащие государству или штату, для нас закроют. Куда деваться?

— Я это учел, — ответил Мак. — И мысль у меня вот такая: если нам разрешат разбить лагерь на частной земле, тогда все в порядке.

— Как сказать. Знаешь, что в Вашингтоне получилось. Забастовщиков вышвырнули вон, сказали, что у них в лагере антисанитарные условия, а это угрожает местному населению. И пожгли все хибарки да палатки.

— Знаю, мистер Дейкин. Но будь у них настоящий врач, никто бы их и пальцем тронуть не посмел.

— А вы и вправду врач? — недоверчиво спросил Дейкин.

— Нет, но у меня есть друг врач, думаю, он нам поможет. Я, мистер Дейкин, все стараюсь учитывать. Сколько книг о забастовках прочитал!

Дейкин натянуто улыбнулся.

— Судя по всему, дело не только в книгах. Уж больно вы обо всем осведомлены. Но мне дела нет до того, кто вы. Не знаю и знать не хочу.

Лондон повернулся к Маку и спросил:

— Вы и вправду думаете, док, что нам по силам хозяевам мозги вправить?

— Даже если мы и не победим, то такую заваруху устроим, что хлопковые заправилы не посмеют расценки урезать. Все равно от нашей забастовки будет польза, даже если нам сейчас и не победить.

Дейкин согласно кивнул.

— Что ж, завтра с утра первым делом поговорю с ребятами. Вы правы, терпение у них

вот-вот лопнет, в душе все так и кипит, да только выхода пока найти не может.

— Вот мы им выход и подскажем, — вставил Мак. А если получится, то и с другими переговорите. — Он поднялся. — А нам, пожалуй, пора. Приятно было с вами познакомиться, мистер Дейкин.

Сомкнутые губы чуть разошлись, показались ровные белые вставные зубы.

— Окажись я владельцем яблоневого сада в три тысячи акров, знаете, что бы я сделал? Подкараулил бы вас да и подстрелил бы из-за куста. И никаких забот! Но я бедняк, у меня всего ничего, грузовичок да палатка со скарбом.

— Спокойной ночи, мистер Дейкин. До встречи, — попрощался Мак и вместе с Джимом вышел. До них донеслись слова Лондона.

— Ребята они — что надо. Может, и красные, но хорошей души. — Вот и сам он показался на пороге, закрыл за собой дверь. Почти тотчас же открылась другая дверь, чуть подальше, мелькнула полоска света — к мужчинам подошла миссис Дейкин с детьми,

— Спокойной вам ночи, — попрощалась она, — я смотрела в окно, поджидала, когда вы выйдете.

Старый «Форд», скрежеща и побряхтывая, повез Лондона, Мака и Джима домой. У барака он остановился, Мак и Джим попрощались с Лондоном и пошли к себе.

В темной клетушке Джим улегся прямо на пол, накрывшись ковровым лоскутом, обмотав шею шерстяным шарфом. Мак сел, прислонившись к стене, закурил. Помолчал, затушил окурочек — мигнули последние искорки в темноте.

— Спишь, Джим?

— Нет, конечно.

— А здорово все получилось. Когда ты про хлопок ввернул, вот тут все и встало на свои места. Здорово!

— Я хочу быть полезным! — едва не выкрикнул Джим. — Мак, у меня душа прямо поет! Даже спать не хочется. Вот прямо бы сейчас взяться за дело!

— Давай-ка лучше спать, — предложил Мак. — А «дел» по ночам у нас будет хоть отбавляй.

6

Назавтра выдалось ветреное утро, ветки яблонь раскачивались, на землю с глухим стуком падали яблоки. Ветер дышал холодом, а меж порывами, словно затаив дыхание, прислушивался к загадочной осенней тишине. Сборщики, наглухо застегнув куртки, суетились без меры — подгонял холод. Грузовики вздымали в междурядьях облака пыли. Она долго не оседала, завихряясь на ветру.

Учетчик на погрузке, одетый в дубленку, притопывал, спрятав руки с карандашом и блокнотом в боковые карманы.

— Что, не привык к такому холоду? — полюбопытствовал Джим, выгружая очередное ведро.

— Еще холоднее будет, если ветер не переменится, предупредил тот. — Окочуришься, будь хоть из железа.

Подошел угрюмый парень, вывалил из ведра яблоки. Черные брови насуплены, черные волосы над невысоким лбом вздыбились. В покрасневших глазах колыхалась злоба. Яблоки со стуком посыпались в ящик.

— Полегче, ты ж их побьешь, они гнить начнут, — заметил учетчик.

— Ах, вот как?

— Да, вот так, и слушай, что я говорю, — учетчик отчеркнул что-то в блокноте. — А это ведро я тебе не засчитываю. Иди давай.

Парень смерил учетчика тяжелым, недобрым взглядом.

— погоди, ты еще свое получишь. И очень скоро!

Учетчик побагровел от ярости.

— Поговори у меня еще, поумничай! Здесь таких не держат, не нравится — отправляйся на все четыре стороны!

Парень злобно плюнул.

— До тебя в первую голову доберемся. Верно, приятель? — Он многозначительно посмотрел на Джима.

— Ты, давай, лучше за работу берись. А то ни шиша не заработаешь.

— Я на четвертой яблоне, — показал отходя парень.

— И что сегодня такое? — посетовал учетчик. — Никому слова не скажи — огрызаются.

— Ветер холодный, замерзли. Да, из-за ветра все. Мерзнут люди, оттого и злые.

Учетчик бегло взглянул на него и язвительно спросил:

— И ты тоже злой?

— И я.

— И что ж это за ветры такие? Что они несут?

— То есть, как — «что несут»?

— Сам прекрасно знаешь, о чем я.

Джим легонько постукивал ведром о колено. Мимо проехал грузовик, окутав его пылью.

— Ты, поди, из-за своего блокнотика ничего кругом и не видишь. А полистай-ка его повнимательнее, может, и поймешь, что к чему.

— Вот я и чую. Смуту затеваете, а? Ее нам ветром принесло?

— Ветром только пыль несет, — заметил Джим.

— Знаешь, Нолан, я такой «пыли» уже насмотрелся.

— Тогда ты лучше меня все знаешь, — и Джим пошел прочь.

— Подожди, Нолан! — Джим остановился, повернулся к учетчику. — Ты, Нолан, парень хороший, работаешь исправно. Так что же готовится?

— Не понимаю. Не понимаю, о чем речь.

— Смотри, в черный список занесу.

Джим решительно шагнул вперед.

— Заноси! И подавись своим черным списком крикнул он. — Я тебе ничего не говорил. Мальчишка тебе надерзил, вот ты и вообразил невесть что.

Учетчику стало неловко, он отвел взгляд.

— Да я так, пошутил малость. Знаешь, Нолан, а на северном краю вроде учетчик требуется. По-моему, ты по дойдешь. Завтра бы и заступил. Там платят получше.

Глаза у Джима потемнели от гнева, но он сдержался, даже усмехнулся и подошел к учетчику.

— А что от меня надо? — вкрадчиво спросил он.

— Ловчить, Нолан, не буду. Что-то неладное у нас творится. Управляющий попросил меня выяснить, что да как. Ты разузнай все как есть, а я за тебя словечко за молвлю, чтоб тебя учетчиком назначили. Все-таки пятьдесят центов в час.

Джим, казалось, раздумывал.

— Да не знаю я ничего, — протянул он. — Конечно, я б мог кое-что разузнать, если мне от этого выгода будет. 1

— Пять долларов тебя устроят?

— Еще бы!

— Ну, вот и ладно. Ты тут походи, присмотрись. А я буду тебе ведра засчитывать, так что в убытке не останешься. Смотри, может, что важное и разнюхаешь.

— А вдруг ты меня ребятам продашь? Я тебе расскажу что-нибудь, а они узнают. Живьем меня съедят.

— Об этом, Нолан, не беспокойся. Если управляющий тебя на службу возьмет, в обиду не даст. Соберут урожай, глядишь, тебя на постоянную работу определят, механиком при насосе или куда еще.

Джим призадумался.

— Обещать ничего не берусь. Присматриваться, конечно, буду, узнаю что — расскажу.

— Ну и молодец. Получишь за это пятерку да и место хорошее.

— Пойду поговорю с тем задиристым, — сказал Джим, — по-моему, он что-то знает. — И пошел к указанному дереву. Парень как раз спускался с полным ведром.

— Ага, пришел. Сейчас ведро отнесу и вернусь.

Джим взобрался по лестнице на яблоню, уселся на толстую ветку. Ветер донес грохот

сортировочного конвейера и запах свежего сока невдалеке был пресс. Издалека долетело шипенье и пыхтенье маневого паровоза.

Парень ловко, по-обезьяньи вскарабкался на дерево и сурово бросил:

— Как до дела дойдет, возьму камень побольше да угощу эту сволочь!

Джим попробовал подход Мака.

— Такого славного парня? За что ж это? И когда это — «как до дела дойдет»?

Парень присел рядом.

— А ты не слышал, что ли?

— О чем?

— А не донесешь?

— Не донесу.

Парень выкрикнул:

— Мы забастовку затеваем, вот что!

— Забастовку? У нас же отличная работа! Чего бастовать-то?

— Так нас во всем надувают! В бараках полно вшей, хозяйский бакалейщик дерет пять процентов. И нам же еще плату урезают! Если сейчас им спустить, на хлопке они нас еще крепче прижмут! И там обдерут как липку! А ты будто сам не понимаешь!

— Говоришь складно, — согласился Джим, — ну, а кроме тебя, кто бастовать будет?

Парень недобро прищурился.

— Больно много знать хочешь.

— Не очень. Но кое-что выяснить надо, а ты не говоришь.

— Ничего я тебе и не скажу. Нельзя пока. Придет время — узнаешь. Мы людей хотим объединить. Уже все готово, скоро мы такую заваруху устроим! Сегодня кое кто из нас на совещание соберется, а потом мы и остальных обо всем оповестим.

— А кто главный-то?

— Не скажу. А то все прахом пойти может.

— Ладно, не хочешь — не говори.

— Я бы сказал, да только обещал никому ни слова. Придет время — узнаешь. Ты ведь с нами выйдешь?

— Как сказать! Я ж не знаю ничего, как мне с вами выходить.

— Ну, смотри, кто нас заложит — тех не пощадим. Прямо тебе говорю.

— Мне жизнь дороже. — Джим повесил ведро на сук и не спеша принялся наполнять. — А к вам на совещание нельзя попасть?

— Никак нельзя. Там только верхушка соберется.

— Это ты — верхушка?

— Не последняя спица в колеснице.

— Ну и кто же еще в этой верхушке?

Парень подозрительно уставился на Джима.

— Не много ли знать хочешь. Все. Больше ни слова. Сдается мне, что ты — подсадная утка.

Джим наполнил ведро, опустил на землю.

— А что, ребята все свои дела прямо на деревьях и обсуждают?

— Еще чего! Где ты все утро-то пробыл?

— Здесь. Работал. На хлеб себе зарабатывал. И работа эта мне по душе.

Парень злобно сверкнул глазами.

— Ты мне зубы не заговаривай. Вот спустимся — тог да уж с тобой поговорю.

Джим добродушно подмигнул — он перенял это у Мака.

— Ладно, не кипятись. Конечно ж, я с вами буду, когда подниметесь.

Парень глуповато хихикнул.

— Ну и горазд ты голову морочить!

Джим отнес ведро, аккуратно выложил яблоки.

— Который час?

Учетчик взглянул на часы.

— Половина двенадцатого. Ну как, разузнал что?

— Как бы не так! Парень — трепач отчаянный. Все обо всем знает прямо газета ходячая. После обеда покручусь возле других ребят, посмотрю.

— побыстрее бы надо! Ты машину водить умеешь?

— Ну, допустим.

— Глядишь, удастся тебя водителем пристроить.

— Вот здорово! — И Джим зашагал к яблоням. Синевшие на деревьях и лестницах люди беседовали. Джим подошел к сгибающемуся под тяжестью яблок дереву, там уже собирали двое.

— Давай к нам.

— Спасибо. — И Джим принялся рвать яблоки. — Что то разговоров сегодня поутру много, — отметил он.

— Еще бы. Да и мы толковали. О забастовке, как и все.

— Раз многие о забастовке толкуют, так тому и быть.

Второй сборщик подал голос сверху, с дерева.

— А я тебе, Джерри, говорю, не к добру все это. Конечно, зарабатываем мы не ахти сколько, а забастуем — и того лишимся.

— Да какие это заработки! Зато потом больше выйдет. На яблоках долго не задержимся, на хлопке работы побольше. Так вот, я так рассуждаю: на хлопке хозяева сейчас очень к нам присматриваются. Дадим мы сейчас слабину, они нас потом в бараний рог согнут. Я так рассуждаю.

— Что ж, разумно, — улыбнулся Джим.

Второй сборщик не сдавался.

— И все ж не по душе мне это. К чему свару затевать. Сколько людей пострадает. Смыслу в вашей забастовке нет. Если и прибавят сколько так ненадолго.

Джерри спросил;

— Что ж, если все ребята забастуют, ты работы не бросишь?

— Нет, Джерри. Я, конечно, заодно с ребятами буду. Но только все это мне не нравится.

— А организация-то у них какая есть?

— Не слыхал, — ответил Джерри. — Собрания еще не было. В общем, пока отступить от своего нам не след, а поднимутся ребята — и я с ними, я так разумею.

На упаковочном пункте засипел гудок. — Обед! — обрадовался Джерри. — У меня там под ящичками бутерброды припрятаны. Хочешь?

— Нет, спасибо! — отказался Джим, — мне надо с приятелем встретиться. Он оставил ведро у учетчика и пошел на упаковочный пункт высокое беленое строение с платформой для погрузки. Сортировочный конвейер затих. Подойдя ближе, Джим увидел мужчин и женщин. Они сидели на платформе, свесив ноги, и обедали. На другом углу собралась группа человек в тридцать. В середине кто-то горячо говорил. Джим слышал лишь отдельные восклицания, слов разобрать он не мог.

Ветер унялся, солнце стало припекать. Когда Джим подошел к собравшимся, от группы отделился Мак, в руках он держал два свертка.

— Привет, Джим. Вот наш обед: булочки и ломтики ветчины.

— Отлично. Я проголодался.

— Да, от язвы желудка гибнет наших ребят больше, чем от пуль. Ну, а какие у тебя успехи?

— Головокружительные! С ума сойти! Я встретил парня, который все-все знает. Сегодня вечером, оказывается, «верхушка» соберется на совещание.

Мак рассмеялся.

— Что ж, кстати. А я-то уж беспокоиться стал, когда, думаю, «посвященные» начнут по секрету делиться «тайнами». Чем быстрее эти «тайны» станут достоянием всех, тем лучше. А как настроение у ребят, боевое?

— Во всяком случае, разговоров много. Да, чуть не за был. Учетчик предложил мне пять долларов и постоянное место, если я разужнаю, что затевается. Я пообещал.

— Вот и ладно. Глядишь, немножко на стороне подработаешь.

— Так что же мне ему передать?

— Ну... скажем так: пока это стихийная вспышка, пронесет. Скажи, поводов для тревоги нет.

— Он резко повернул голову: к ним неслышно подошел грузный человек в грязном комбинезоне, лицо у него было вымазано до черноты. Он подошел чуть не вплотную и воровато огляделся.

— Меня из комитета послали, — прошептал он, — ну, как дела?

Мак с изумлением воззрлся на него.

— Не пойму, о чем это вы, мистер?

— Все вы понимаете. В комитете требуют отчет.

Мак недоуменно посмотрел на Джима.

— Псих, наверное, о каком-то комитете толкует.

— Вы знаете, о каком, — и едва слышно человек прибавил, — товарищ.

Мак резко шагнул вперед, лицо у него потемнело от гнева.

— Где это ты таких словечек поднабрался?! «Товарищ»! Если ты из красных, то не по адресу обратился. Катись-ка отсюда, да поживее, пока я ребят не позвал.

Незнакомец враз переменился.

— Осторожнее на поворотах, малый! — пригрозил он. — Мы тебя насквозь видим! — И медленно пошел прочь.

Мак вздохнул.

— Да, яблочные хозяйчики быстро работают. Не сказать, чтоб шибко умно, но быстро.

— Это провокатор? — спросил Джим.

— Конечно. Так, собирая яблоки, лицо не вымажешь, он переусердствовал. Но вычислили они нас быстро, ничего не скажешь. Садись-ка перекуси.

Они уселись прямо на землю, сделали бутерброды с ветчиной.

— Вот и накрылся твой «приработок», — вздохнул Мак, серьезно посмотрев на Джима. «Осторожнее на поворотах, малый!»-передразнил он. Видишь, они открыто угрожают. Просто не забывай, что за пятерку здесь можно купить многих. Так вот: слушать слушай, а сам в разговор не встревай.

— А как они нас распознали? — спросил Джим.

— Не знаю. Наверное, какой-нибудь гад в городе нас заложил. Пожалуй, нужно, чтоб прислали кого-нибудь в помощь, вдруг кто-то из нас, так сказать, выйдет из строя. А забастовка — не сегодня-завтра, и ее нужно направлять. Да, зубки они показали.

— Могут в тюрьму посадить? — спросил Джим.

Мак дожевывал хлебную горбушку и лишь потом ответил.

— Сначала постараются запугать. Вот что: случись тебе быть одному, без меня, и кто-то начнет угрожать, дескать, кишки тебе выпустим — не лезь в бутылку, кивай себе да поддакивай. Пусть видят, что тебя не запугать. Только ради бога не петушись, как Джой. А быстро они, сукины дети, зашевелились! Ничего, завтра мы тоже им покажем. Вчера я заказал плакаты. Завтра к утру должны быть здесь, если Дик баклуши бить перестал. Сегодня вечером жду от него письмецо.

— А мне какое задание? — спросил Джим. — Пока я только все слушаю, слушаю. А хотелось бы и делом заняться.

Мак поглядел по сторонам, усмехнулся.

— Подожди, мало-помалу втяну тебя в дело, всего, целиком втяну. Стачка затевается грандиозная, судя по всему. Очень кстати ты тогда насчет хлопка ввернул. Сегодня утром человек десять уже те же слова повторяли, только выдавали за свои.

— А куда сегодня вечером пойдём?

— Помнишь Альфа, того, что кафе передвижное держит? Он говорил, что у его отца есть сад. Не сходить ли нам проведать старика, а?

— Ты хочешь уговорить его, чтоб пустил нас на свою землю, когда забастовка начнется?

— Попробую, попытка не пытка. А забастовка может в любую минуту начаться. Это как с воздушным шариком: надуваешь, надуваешь, а когда лопнет — не угадать.

— А общее собрание ты рассчитываешь провести завтра вечером?

— Я-то рассчитываю, а как обернется — не знаю. Уж больно много накопело у ребят. Чуть что — и их не удержать. Разве тут считаешь? Но подготовиться неплохо бы. Как найду место для нашего лагеря, сразу пошлю за доком Бертоном. Он малый неплохой, но чудаковат. В пар тии не состоит, хотя все время нам помогает. Составит план лагеря, разметит участок и санитарные нормы все соблюдёт, так что Красному Кресту нас не за что будет выгонять.

Джим растянулся прямо на земле, подложив руки под голову.

— А чего там, у конвейера, разгалделись?

— Не знаю. Ребятам нужно выговориться, вот и все. Может, сейчас спорят, кто прав: Дарвин или Ветхий Завет. Они и до драки дойти могут. Сейчас они так настроены, что из-за любой мелочи кулаки в ход пустят. Кстати, сам-то поостерегись. А то какой-нибудь молодчик отвесит тебе плюху просто так, от избытка чувств.

— Поскорее бы уж забастовка начиналась, — вздохнул Джим. — Мне прямо невтерпёж. Закрутится вся эта кару сель, и уж тогда мне непременно дело найдется.

— Наберись терпения и не теряй головы, — посоветовал Мак.

В час дня сиплый гудок коротко позвал вновь на работу. Прощаясь, Мак сказал:

— Кончишь работать — бегом ко мне. Путь у нас сегодня неблизкий. Как знать, вдруг Альф и на этот раз выручит.

Джим пошел обратно за оставленным около учетчика ведром. Заскрежетал и тронулся

конвейер. Затарахтели грузовики. Сборщики угрюмо брели меж деревьев к своим местам. Около учетчика собралось несколько человек. Джим подошел, но учетчик не обмолвился ни словом. Заговорил он лишь, когда Джим принес первое ведро с яблоками.

— Узнал что-нибудь, Нолан?

Джим наклонился над ящиком и стал аккуратно, поодному, выкладывать из ведра яблоки.

— По-моему, тучу пронесло. Ребята малость поостыли.

— С чего ты взял?

— А ты хоть знаешь, из-за чего сыр-бор разгорелся?

— Откуда? Я думал, из-за расценок.

— Ничего подобного. В саду Хантера какой-то бедолага купил в магазине рыбные консервы да и отравился. Ну, а ты сам знаешь, как рабочий люд к такому относится. Пошел ропот все дальше, все шире. Я с ребятами в обед поговорил. Вроде поутихло.

— И только в этом дело? — спросил учетчик.

— Конечно. Ну, так как насчет пяти долларов?

— Завтра получишь.

— Так ты вдобавок пообещал насчет стоящей работенки похлопотать.

— Похлопочу. Завтра все скажу.

— Эх, не догадался я деньги с тебя вперед взять!

— Да не бойся, не обману.

Джим пошел к яблоням. Не успел он ступить на лестницу, сверху раздался голос:

— Осторожно, она вот-вот развалится!

Наверху Джим увидел Дана. Тот узнал его.

— Это никак наш левачок!

Джим осторожно полез вверх. Ступеньки и впрямь едва держались.

— Как делишки. Дан? — спросил он, повесив ведро на сук.

— Лучше некуда! Только чувствую себя неважнецки. Наелся холодной фасоли на ночь — точно камней в желудок накидал.

— Да, тебе б горячего на ужин.

— Устал так, что и костра не разжечь. Да, годы, ви дать, свое берут. Сегодня утром замерз, даже вставать не хотелось.

— Тебе б в богадельню податься.

— Уж и не знаю. Сейчас все только о забастовке и говорят, ох, быть беде. А у меня сил никаких. Хватит мне бед. Куда податься, если бастовать начнут?

— Идти с ними. Идти во главе. — Джим попытался сыграть на гордости старика. — Ты — ветеран, тебе — почет и уважение. Возглавил бы пикеты.

— А что, я б не спасовал, — Дан вытер нос рукой, стряхнул с пальцев. — Только мне неохота. К вечеру по холодает. Эх, супу бы на ужин, да погорячее, чтоб обжигал — да с мясом, да с гренками. В суп окунешь — объеденье! А еще я люблю яйца в мешочек. Приеду, бывало, из леса в город при деньгах, конечно, закажу сразу штук шесть, да чтоб в молоке сварили, а потом я их на гренки намазывал. Бывало, и по восемь штук за раз съедал. Лесорубам-то я хорошо зарабатывал. Да и двадцать штук умял бы. Маслом бы гренки намазал да перчиком присыпал.

— А я думал, тебе вкрутую больше по вкусу. Вчера-то ох, как круто разговаривал. И на работе крутился.

В глазах старика затеплилось воспоминание.

— Да я и сейчас за пояс заткну этих болтунов паршивых — И он резко потянулся за яблоками, пошарил над головой. Другой, большой и костлявой рукой он уцепился за ветку.

Джим с улыбкой следил за ним.

— Смотри, отец, что-то ты разговорился!

— Не бойся! Ты попробуй меня обскакать! Какой нам смысл скачки устраивать? Кто б ни пришел первым, в выигрыше только хозяин. — Старик высыпал яблоки в ведро. — Вы, сосунки, еще и работать-то толком не умеете. Вам еще учиться да учиться! А вы, как молодые жеребцы, к кормушке тянетесь, все вам мало. И, знай себе, ржете. Тошно смотреть.

— Ведро у Дана наполнилось с верхом, старик поднял его, несколько крупных яблок, ударившись о ветви, упали на землю.

— Ну-ка, прочь с дороги, сосунок, — крикнул он. — С лестницы сойди, чучело гороховое!

— Ладно. Только не очень-то спеши. Суета до добра не доводит. Джим перебрался с верхушки лестницы на толстую ветвь, повесил ведро и начал рвать яблоки. Вдруг внизу раздался треск, и что-то глухо стукнуло оземь. Джим взглянул вниз, под деревом на спине лежал Дан. В открытых глазах — оторопь. Лицо сделалось синевато-серым, на щеках резко обозначилась седая щетина. Рядом валялись две сломанные ступеньки от лестницы.

— Да, летел ты красиво! Не ушибся, отец?

Но старик не двигался. В глазах застыл недоуменный вопрос. Вот шевельнулись губы, старик облизнул их.

Джим соскочил вниз, склонился над упавшим.

— Что зашиб, отец?

Дан с натугой проговорил:

— Не знаю. Шевельнуться не могу. Наверное, ногу сломал, но пока не болит. К ним уже сбегались люди. Один за другим прыгивали они с деревьев и спешили к месту происшествия. Учетчик тоже оставил свой пост у кучи ящиков и трусцой побежал к Джиму со стариком. Люди столпились вокруг.

— Больно ударился?

— Как это случилось?

— Что, ногу сломал?

— Да куда старику по деревьям лазать!

Сборщики все теснее и теснее обступали старика. Джим услышал голос учетчика. — Пропустите! Вокруг были и бесстрастные, и хмурые, и беспечные лица.

— Да отойдите же, не напирайте! — крикнул Джим. Толпа чуть подалась назад. Сзади заворчали. Кто-то крикнул

— Посмотрите-ка. Ну и лестница!

Все разом повернули головы, уставясь на расщепленные, сломанные ступеньки.

— Только взгляните, на каких лестницах нас заставляют работать!

Люди все набегали. Джим поднялся, попытался руками оттолкнуть передних.

— Да отойдите же! Затопчете!

Дан закрыл глаза. Лицо застыло и побелело — никак не мог оправиться от шока. А припоздавшие тоже начали кричать про лестницу, толпа все больше и больше наполнилась гневом. Глаза зажигались яростью. И через минуту гнев выплеснулся на учетчика. Он никак не мог добраться до старика и все повторял

— Пропустите!

Вдруг кто-то визгливо, истерично вскрикнул.

— А тебе здесь делать нечего, сукин сын!

И тут же в толпе завязалась потасовка.

— Не лезь, Джо.

— Да держите вы его!

— Убьет ведь!

— За ноги, за ноги хватай!

— А ты, мистер, катись-ка отсюда подобру-поздорову!

Джим выпрямился и снова попросил:

— Расступитесь, ребята. Надо же беднягу отсюда унести.

В толпе сразу встрепенулись, будто пробудились ото сна. Люди подались назад.

— Нужны две длинные палки и два пальто, тогда б мы сделали носилки. Так, просовывайте палки в рукава, застегивайте. Осторожнее! По-моему, у старика нога сломана, Джим снова посмотрел на застывшее бледное лицо. — Он, видно, сознание потерял. Осторожнее, осторожнее!

Дана подняли на самодельные носилки.

— Вот вы двое несите, а вы дорогу прокладываете, распорядился он.

Вокруг собралось уже более ста человек. Вот носилки вынесли из окружения. Стоявшие с краю косились на сломанную лестницу, без конца повторяли:

— Надо ж, какое гнилье подсовывают!

Рядом с Джимом стоял, тупо засмотревшись на яблоню, парень.

— А что с учетчиком? — спросил его Джим.

— Чего? Да Джо Тейг его помял малость. Чуть вообще не прибил. Ребята не дали. Уж больно Джо разошелся.

— Хорошо, что до смерти не забил.

За носилками сейчас шла уже целая процессия, со всех концов сада подходили новые и новые люди. Даже конвейер на сортировке остановился, когда с ним поравнялась процессия. В дверях склада столпились рабочие. Толпа шла молча, страсти улеглись, держались все чинно, как на похоронах.

Из-за угла выскочил Мак, заметил Джима, подбежал.

— Что случилось? Давай-ка сам в сторонку, держись от толпы подальше.

А зловещая, притихшая толпа шла за носилками. Вновь приставшим поясняли шепотом: «Лестница гнилая. Вот и не выдержала». Мак и Джим чуть поотстали от основной массы.

— Ну, рассказывай, что случилось. В двух словах. Нужно ковать железо, пока горячо.

— Старый Дан все хвастал, какой он силач. Спускался с тяжелым ведром, ступеньки не выдержали, он упал. Говорит, что в бедре ногу сломал.

— Ну, вот. Все почти так, как я и думал. Ребята, как порох, спичку поднеси — вспыхнут. Малейшего повода хватит. Ну что ж, и старик не зря небо коптил.

— Это в каком смысле? — не понял Джим.

— В прямом. Его участь — всем в назидание. Теперь он нам пригодится.

Они прибавили шагу, поспешая за толпой. Бурая пыль, вздымаемая сотнями ног, облаком висела в воздухе. Со стороны городка доносилось равномерное пыхтенье манежового паровоза. Слева и справа к процессии то и дело подбегали любопытные женщины. Но мужчины шли молча вслед за носилками к баракам.

— Поживей, Джим! Времени в обрез.

— А куда мы сейчас?

— Перво-наперво нужно Лондона разыскать, объяснить, что делать. Потом — послать телеграмму, да и к отцу Альфа надо сейчас же заглянуть. А вон и Лондон. Привет! — крикнул ему Мак и припустил бегом. Джим следом. — Ну вот, заварилась каша! — не успев отдышаться, сообщил он. Один старик, Дан, с дерева свалился. Теперь все пути к забастовке открыты.

— Вроде это нам на руку? — Лондон снял шляпу, почесал лысину.

— Так, да не совсем. Если ребят не обуздать, они взбесятся все. Вон, никак твой приятель, тот длинный да тощий. Кликни-ка его.

Лондон сложил ладони рупором и позвал.

— Сэм!

Джим узнал в нем худолицего собеседника в первую ночь у костра.

Мак сказал:

— Лондон и Сэм, слушайте внимательно. Времени у меня в обрез, поэтому коротко о самом главном. Пока ребята взбудоражены, ты, Сэм, скажи им, что нужно общее собрание провести. А потом предложи Лондона в председатели. За него проголосуют все. Они что угодно сейчас выполнят. Вот и вся твоя задача, Сэм. — Мак взял в пригоршню земли, растер, нетерпеливо постукивая и притопывая каблуком. — Теперь ты, Лондон. Как только изберут тебя председателем, скажи, что на самотек дело пускать нельзя. Предложи список — человек десять — в состав комитета, окажи, нужно их избрать, чтобы разработать план действий. Понял?

— Чего ж не понять?

— Дальше, если хочешь, чтоб ребята за что-то проголосовали, спроси вначале: «Ведь вы хотите этого?», а хочешь зарезать какое предложение, скажи: «А вот этого вы не хотите, верно?» И таким путем они у тебя за что хочешь проголосуют. Со всей готовностью.

Толпа тем временем остановилась у барака. На вид все были спокойны, люди сходились в группы, расходились, лишь жесты выдавали волнение; на лицах же полный покой, как у спящих. — А вы куда сейчас торопитесь? — спросил Лондон у Мака с Джимом.

— Нам нужно договориться насчет места, где лагерь разбить, ведь забастовка вот-вот начнется. Есть тут одна маленькая ферма. Да, чуть не забыл: выбери нескольких самых боевых ребят, разошли их по окрестным садам, пусть поговорят с народом. Смотри, отправь тех, кто за словом в карман не полезет. Ну как, командир, готов командовать?

— Вполне.

— И еще: не одолжишь ли нам свой «форд»? Дорога у нас неблизкая.

— О чем речь! Берите, только он у меня с норовом, намучаетесь.

Мак повернулся к Сэму.

— Ну, тебе пора. Залезь на какой-нибудь ящик да крикни: «Ребята, нужно общее собрание провести!», а потом: «Предлагаю Лондона председателем! Иди, Сэм Джим, поедешь со мной.

Сэм чуть не бегом припустил к баракам. Лондон не спеша последовал за ним. Мак с Джимом обошли барак, там у стены стоял развалюха «Форд».

— Садись за руль, Джим. Тебе этого зверя усмирять.

Из-за барака раздался многоголосый выкрик. Джим включил зажигание. Мак крутаил заводную ручку раз, другой. Снова взревела толпа у барака. Мак крутанул посильнее, размашисто, от плеча. Мотор заработал, но его шум потонул в людской разноголосице. Мак прыгнул в машину и прокричал:

— Судя по всему, Лондон — наш новый председатель. Поехали!

Джим вывел машину на пустынное шоссе. Зеленые яблони, изнывающие под тяжестью

плодов, отбрасывали косые тени — солнце близилось к закату. Машина, хлопая и щелкая поршнями в цилиндрах, катила вперед.

— Сначала на телеграф, потом на почту, — крикнул Мак.

Въехали в город. На центральной улице у телеграфа остановились.

— А почта в следующем квартале, видишь? — показал Джим.

— Пока я телеграмму отправляю, сходи-ка и спроси почту на имя Уильяма Дауди, — велел Мак.

Через минуту Джим вернулся с тремя письмами. Мак уже ждал в машине. Вскрыл конверты, прочитал.

Эх, незадача! Дик пишет: Джой убежал из тюрьмы, неизвестно, где искать. Его повезли в суд, а он конвоиру смазал по морде и был таков. Я попросил помощи и чтоб приехал доктор Бертон, ему за санитарным состоянием лагеря следить. Ну, видно, доломаю я этот драндулет! Поехали к Альфу, прямо в кафе.

Джим подогнал машину к фургончику. В окошко видно было самого Альфа: облокотившись на пустую стойку, он смотрел на улицу. Джима с Маком он признал сразу, помахал им толстой рукой.

Мак толкнул в сторону раздвижную дверь.

— Привет, Альф. Как делишки?

Глаза у того загорелись любопытством.

— Неплохо вроде. Вчера целой толпой сборщики из садов заявили.

— Я им рассказал, что у тебя мясо — пальчики оближешь.

— Спасибо. Сами-то перекусите?

— Можно, — согласился Мак. — Мы при деньгах сегодня. Ты только подумай: едим за наличные!

— Ладно, вам и так полагается. За то, что клиентов прислали. Альф открыл холодильник, быстро слепил две котлетки, бросил на сковородку. Накрошил сверху лука. Как вы-то поживаете?

— У нас к тебе дело. — Мак доверительно наклонился над стойкой. Ты парень свой, тебе можно верить. Ты у нас на хорошем счету. Ни разу не подвел.

Альф даже зарделся от похвалы.

— Да не будь у меня этого кафе, пошел бы с вами. Всякому, у кого голова на плечах, ясно, в каких мы условиях живем, какая кругом несправедливость и всякое такое.

— Еще бы, — подхватил Мак. — Тому, у кого голова на плечах, и растолковывать ничего не надо. Сам кумекает.

Альф еще больше расчувствовался и даже отвернулся. Примял лопаточкой котлеты с прижарившимся луком, лишний жир сгреб в мисочку подле плиты. И лишь когда снова сумел вернуть лицу серьезное выражение, повернулся к гостям:

— Конечно, ребята, можете мне верить. Не сомневайтесь. Так, что у вас за дело? — Он налил две чашки кофе и подвинул их к Маку и Джиму.

Мак легонько постучал лезвием ножа о стойку.

— Нами могут заинтересоваться легавые.

— Ясно, я о вас и знать ничего не знаю, — тут же сказал Альф.

— Все верно. А теперь слушай: долина на забастовку поднимается. Там, где мы работаем, дело уже на мази. К утру, глядишь, и другие примкнут.

Альф пробормотал:

— Судя по тому, что ребята вчера говорили, они вот-вот должны забастовать. Какое задание для меня?

— Смотри, котлеты сгорают.

Альф, ловко держа в одной руке две тарелки, положил в каждую по котлете, добавил картофельного пюре, моркови, репы.

— Вам с подливкой, ребята?

— Капни чуток.

Альф добавил соуса в обе тарелки и поставил перед гостями.

— Принимайтесь!

Не успев прожевать. Мак обратился к Альфу, слова было трудно разобрать.

— Ты говорил, у твоего старика есть хозяйство.

— Да. Хотите там укрыться?

— Нет, — Мак ткнул вилкой в сторону Альфа. — Но больше ни одного яблока в долине не соберут.

— А... как же, мистер...

— Подожди. Сперва выслушай. А свободная земля у твоего отца есть?

— Да, акров пять луговины. Сейчас уж все скошил.

— Так вот, — продолжал Мак. — Тысяче, а то и двум, забастовщиков некуда податься. Из садовых барачков нас выгонят, при дороге лагерь разбить запретят. А вот если бы на этих пяти акрах палатки поставить, людей это бы выручило.

Лицо у Альфа сморщилось в страхе и сомнении.

— Ой, мистер, боюсь, мой старик на такое не пойдет.

Мак тут же вставил:

— Зато у него будут собраны яблоки, все до единого и даром. А раз других яблок не будет, он свои втридорога продаст.

— Ну да, а потом городские на нем отыграются!

— Кто?

— Ну, головорезы из Легиона и прочие. Заберутся к нему да избьют до полусмерти.

— Никто его не тронет. Земля его собственная — кого хочет, того и пускает. Доктор по всем правилам разобьет там лагерь, за чистотой последит, а твоему старику задарма урожай соберут.

Альф покачал головой.

— Не знаю, право, не знаю.

— Так давай узнаем, — решил Мак. — Поехали, потолкуем с твоим стариком.

— Мне ж нельзя отлучаться. Не закрывать же кафе.

Джим только сейчас заметил, что и не прикасался к котлете, и принялся есть.

Мак, прищурившись, пристально смотрел на Альфа. Сидел за стойкой, жевал и не отводил от него взгляда. Альфу стало не по себе.

— Вы, небось, решили, что я испугался? — начал он.

— Я ничего не решаю, пока собственными глазами не увижу, — перебил его Мак. — Мне только удивительно: почему это владелец кафе не может его на часок закрыть, раз ему самому нужно.

— Но через час придут те, кто рано ужинает.

— Через час ты уже вернешься.

Альф смущенно заерзал.

— Вряд ли отец согласится. За него и заступиться-то некому.

— А на него еще никто и не нападал. Откуда тебе знать, как все обернется? — уже с холодком, недружелюбно сказал Мак.

Альф взял тряпку, вытер стойку. Встретившись с Маком взглядом, не выдержал, сразу отвел беспокойные глаза, но потом нашел в себе силы посмотреть в упор, даже шагнул навстречу.

— Хорошо, будь по-вашему. Оставлю записку на двери. Вряд ли отец согласится, но отвезти вас к нему отвезу.

Мак широко улыбнулся.

— Славный ты парень. Мы этого не забудем. В следующий раз всякого бродяжку, у кого хоть грош есть в кармане, к тебе пошлю, пусть твоих котлет отведает.

— За деньги я хорошим обедом кормлю. — Альф снял высокий поварской колпак, опустил закатанные рукава, выключил газовую плиту.

Мак, наконец, покончил с едой.

— Вкусно, ничего не скажешь!

Джиму пришлось наскоро проглотить свою порцию, чтобы не отстать.

— У меня тут недалеко машина. Небольшая, правда. Так что, вы лучше поезжайте следом

за мной на своей. И мне так безопаснее, а вам все равно.

Мак допил кофе.

— Правильно, Альф. Не водись с плохой компанией.

— Пойми меня...

— Да понял, понял. Пошли, Джим.

Альф написал объявление, приколот записку изнутри к стеклянной двери. С трудом всунул толстые руки в рукава пиджака, открыл дверь, пропуская Мака и Джима. Мак завел машину и прыгнул на сиденье, а Джиму пришлось долго дожидаться, пока Альф выведет свой «Додж» со стоянки. Джим двинулся следом, в восточном направлении; пересекли бетонный мост через реку, и взору предстал приятный сельский пейзаж. Солнце почти зашло, красные отблески легли на еще теплую пыльную дорогу, а на пропыленные яблони у обочины уже опускались сумеречные тени.

Мак повернулся, провожая взглядом ряды яблонь.

— Не видно, чтобы кто-то работал, — заметил он. Неужто все уже договорились не выходить? Ящики стоят, а сборщиков не видно.

Они свернули с шоссе на грунтовую дорогу, машина запрыгала на колдобинах. Проехав с милю, окутанная облаком пыли, машина Альфа въехала в воротца. Джим, не отставая, подогнал свою машину и поставил рядом с «Доджем». Прямо перед ними стоял высокий бак, на котором крутились блестящие на солнце крылья ветряка, он приводил в движение басовитый и ворчливый насос. Место было весьма приятным. Вплотную к маленькой белой усадьбе подступал яблоневый сад. Под баком, в лужице копошились дикие, но, очевидно, привыкшие к дому, утки. У большого сарая подле обнесенной проволокой конуры стояли два пойнтера и коротко, тоскливо лаяли на людей. Усадьба была окружена невысоким штaketным забором, за ним буйно разрослась красная герань, виргинский вьюнок, развесив красные листья, обрамлял крыльцо. По двору разгуливали крупные куры, сыто кудавали и, скособочив головы, поглядывали на чужих.

Из машины вылез Альф.

— Полюбуйтесь на собак! Лучше пойнтеров в долине не сыскать. Отец их крепче, чем меня, любит.

— А где у него свободная земля?

— Вот там, за садом, еще дорогу перейти.

— Что ж, давай твоего старика разыщем. Так, говоришь, он собак своих любит?

Альф усмехнулся.

— А ты попробуй, погладь хоть одну, так он тебя заживо сожрет.

Джим загляделся на дом, на свежепобеленный сарай.

— Хорошо здесь, — вздохнул он, — хочется остаться навсегда.

Альф покачал головой.

— А сколько труда надо, чтоб все в таком виде содержать. Отец с утра до ночи покоя не знает, и то всей работы ему не переделать.

Мак снова поинтересовался:

— Так где ж он сам? Пойдем поищем.

— Да вон он, садом идет, — показал Альф.

Мак вскинул голову, взглянул и повернул к конуре. Собаки припали к проволочной сетке, заскулили, прося ласки и внимания. Мак просунул пальцы и погладил собачьи морды.

— Ты любишь собак? — спросил Джим.

— Что нужно, то и люблю, — сердито отрезал Мак.

Подошел отец Альфа. Он совсем не походил на сына; маленький, подвижный. Казалось, неведомый источник энергии питает его руки и ноги — они ни секунды не знали покоя. Жесткие седые волосы, колючие усы, мохнатые брови. Карие глаза — точно две неугомонные пчелы. Ритмично прищелкивая пальцами, он обратился к сыну. Говорил быстро, отрывисто, беспокойно.

— Что? Беда какая? Неладно в твоём кафе?

Альф сразу же ушел в оборону.

— Извини... понимаешь... тут такое дело... — промямлил он.

— Ты ведь сам мечтал с фермы уехать, в городе дело завести. Городская жизнь, то да се. Небось, сарай побелить тебя не заставишь. Ну, так что у тебя стряслось? Взгляд его перебегал с одного приезжего на другого; он осмотрел их с головы до ног.

Мак не отрывал взгляда от собак, все гладил и гладил их по носам. Альф наконец пояснил:

— Тут двое ребят с тобой поговорить хотели, вот я их и привез.

— Ну, привез. А сам чего здесь околачиваешься? Воз возвращайся-ка в город, работа ждет.

Альф обиженно посмотрел на отца — точно собака, которую готовятся искупать, — но все же послушно забрался в машину и, приуныв, покатыл в город.

— Давно я таких красавцев пойнтеров не видел, — заметил Мак.

— Да ты отродясь таких не видел, — уже смягчившись, сказал старик и подошел к Маку.

— Часто на охоту ходите?

— Ни одного сезона не пропускаю. На птицу тоже. Некоторые на птицу с сеттерами ходят. Недоумки. Сеттер хорош, когда силки ставишь. А кто ж в наши дни силками птицу ловит? А из ружья птицу достанешь — тут пойнтер в самый раз.

— Мне вот тот, с бурой спиной, особенно по душе.

— Да, хорош. Но подружка у него хоть и невелика, а все лучше. Мэри ее зовут. Дома ласкунья и тихоня, а в поле носится сломя голову. Таких быстрых я еще не видел,

Мак погладил собачьи носы.

— Я смотрю, они под сарай подкопались. Вы их туда пускаете?

— Нет, просто они у самой стены спят. Там теплее.

— Если ваша сука приплод принесет, я бы не отказался от щенка.

— Чтоб всем желающим хватило, ей каждый день щениться надо, усмехнулся старик.

Мак повернулся к нему и в упор взглянул в карие глаза.

— Фамилия моя — Маклауд, — представился он и про тянул руку.

— А моя — Андерсон. Так что ж вам нужно?

— Прямо, без обиняков, потолковать с вами.

Солнце зашло, и кур точно ветром сдуло со двора. От деревьев уже веяло прохладой.

— Товар какой хотите предложить, мистер Маклауд? Так мне ничего не нужно.

— Товар у нас, конечно, есть, вам такого видеть не приходилось.

Было в голосе Мака нечто располагающее.

— Может, пройдем на кухню да выпьем по чашечке кофе?

— Не возражаю, — согласился Мак.

Кухня оказалась под стать всему хозяйству: все сверкало краской, чистотой, нигде ни пылинки. Никелированная окантовка плиты блестела точно зеркало.

— Один живете, мистер Андерсон?

— Иногда сын Альф приезжает, когда и переночует. Хороший он у меня.

Старик вытащил из бумажного пакета аккуратно нащепанную сосновую лучину, положил в плиту, на нее — пару смолистых ароматных веточек, а сверху несколько сухих яблоневых чурок. Так толково и ладно приготовил он растопку, что пламя занялось сразу, едва он поднес спичку. В плите затрещало, повеяло теплом. Старик поставил на огонь кофейник, насыпал, тщательно отмерив, молотого кофе, добавил яичной скорлупы из пакета.

Стол, за которым сидели Мак с Джимом, был застелен новенькой желтой клеенкой. Вот Андерсон кончил колдовать над кофейником, подошел, сел, прямо, не горбясь, положил руки на стол. Они послушно застыли так беспрекословно подчиняются собаки, даже когда им хочется совсем иного.

— Так какое же у вас дело, мистер Маклауд?

На волевое лицо Мака легла задумчивая тень.

— Видите ли, мистер Андерсон. Я, так сказать, готов выложить карты на стол, хотя мне это и невыгодно: картишки у меня не ахти какие, а сыграть мне нужно как можно лучше. Ну что ж, выгорит дело — хорошо, проиграю — разговор окончен.

— Ну, так выкладывайте, Маклауд.

— Значит, так: завтра две тысячи сборщиков яблок начинают забастовку, и урожай весь останется на деревьях.

Руки Андерсона востепенелись, напряжились, но вновь послушно замерли.

Мак продолжал:

— Бастуют они из-за того, что им срезали расценки. Хозяева, конечно, навезут поденщиков со стороны, тут-то и заварится каша. Бастующих много, хватит, чтобы выставить пикеты по всей долине. Вам ясна картинка?

— Отчасти. Но к чему вы клоните, пока не понимаю.

— Что ж, скажу еще, чтоб было и в целом ясно: конечно, правление вскорости издаст запрет на сборища на дорогах и на земле, принадлежащей округу. А хозяева не разрешат бастующим заходить в пределы их владений.

— Я один из «хозяев». Что ж вы от меня хотите?

— Альф сказал, что у вас есть пять акров луговины. Руки Андерсона чуть вздрогнули и напряглись — как собаки в стойке. — Ваша земля частная собственность. На ней можно было бы разместить людей.

Андерсон осторожно заметил:

— Что-то вы о своем товаре умалчиваете.

— Цена на яблоки подскочит, если не соберут урожай в долине Торгас, верно?

— Очевидно.

— Так вот, яблоки у вас в саду будут собраны и при том бесплатно.

Андерсон чуть ссутулился. Запыхтел кофейник на плите.

— От этой братии один только мусор да беспорядок.

— Это совсем не так. Избран комитет, он за порядок отвечает. На спиртное наложат запрет. Приедет врач будет следить за санитарными условиями. Вырастет целый палаточный городок, ряд за рядом.

Андерсон коротко втянул воздух.

— Вот что, молодой человек. Это мои земли, рядом мои соседи, и мне с ними ссориться не след. А послушай я вас, они меня со свету сживут.

— Но вы сами сказали, что это ваши земли. Ваши! Или они заложены?

— Да, заложены.

— А кто ваши соседи? — перебил его Мак. — Я вам сам скажу: Хантер, Гилрей, Мартин. А кому вы заложили землю? Местной финансовой компании? И принадлежит она тому же Хантеру, тому же Гилрею, тому же Мартину. И они вас выживают, в этом я не сомневаюсь. Долго ли вы продержитесь, с год? А потом земля ваша перейдет в собственность компании. Разве не так? Теперь, положим, вам уберут урожай и платить за это не придется. Положим, вы продадите яблоки по высокой цене. Может, и хватило бы денег заплатить по закладной?

Яркими бусинками блеснули глаза Андерсона. Щеки занялись сердитым румянцем. Руки зашевелились и спрятались под столом. Он замер, казалось, даже дыхание задержал. Наконец тихо произнес:

— Вы свои козыри не выложили, вы пытаетесь на них сыграть. Если я выкуплю землю, им это — ровно нож в бок.

— И всадить этот нож вам помогут две тысячи парней.

— Да, но соседи на мне отыграются.

— Пусть попробуют. Тогда в долине ни одного сарая не останется.

— А какая вам от этого выгода? — Андерсон стиснул зубы, выщелкнулся острый стариковский подбородок.

Мак усмехнулся.

— Что ж, таить не стану, скажу как есть. Не знаю, уж, право, поверите или нет. Так вот: мы с Джимом получаем по зубам время от времени; нас ждет два месяца тюрьмы за бродяжничество.

— Так вы из красных?

— Угадали! Мы, как вы изволили выразиться, красные.

— Ну, а забастовка вам на что?

— Поймите правильно, мистер Андерсон. Не мы эту забастовку начали, а Гилрей, Мартин да Хантер. Ведь это они навязали низкие расценки, разве не так?

— Это Ассоциация садовладельцев. А они тоже зависят от финансовой компании.

— Ну что ж, не мы начали забастовку, но раз уж она вспыхнула, мы должны помочь, повести людей к победе, удержать их от бесчинств, научить работать совместно. Если поможете нам, в рабочей силе нуждаться не будете до конца.

— Вот уж не знаю, можно ли доверять красному, — усомнился Андерсон.

— Попробуйте. Пока что вы доверяли только Финансовой компании.

Андерсон холодно улыбнулся. Руки снова появились на столе, пальцы запрыгали, точно резвые щенки.

— Сдается мне, пойду я по миру с этой затеей, но, чем черт не шутит, попробую. Может, и удастся мне Крису Хантеру насолить. Все-таки приятно.

Кофе вскипел, поднялся, зашипел, попав на плиту, запахло горелым. Кустистые седые брови и жесткие волосы отливали серебром при электрическом свете. Старик снял кофейник, аккуратно вытер плиту газетой.

— Выпейте-ка кофе, господин Красный.

Но Мак уже поднялся.

— Спасибо, нам пора. Мы обещали, все будет честно, без обмана. А сейчас нас ждет еще тысяча дел. До завтра. — И, оставив старика с кофейником в руке, Мак и Джим торопливо вышли. Через двор Мак пустился бегом, на ходу бормоча:

— Ну и положеньице, все боялся — промашку дам. А с таким упрямым стариком это конец! Охотник одно слово!

— А мне он понравился, — заметил Джим.

— Чувствам волю не давай, нам некогда тратить время на чувства.

— А откуда ты узнал, что у него земля заложена?

— Из сегодняшнего письма. Ну, и с собаками, конечно, я угадал. Влезай, Джим, и я заведу нашу колымагу.

Ночь выдалась ясная. Машина, тархтя, бежала по до роге, мигая фарами. Джим взглянул на небо.

— Какая красотища! Ты только посмотри. Мак, сколько звезд! Миллионы миллионов!

— Ты лучше на дорогу смотри, — буркнул Мак. Знаешь, о чем я сейчас думал? Вспоминал того чумазого, что днем подходил к нам. Значит, нас раскрыли. Сейчас будь предельно осторожным, в одиночку далеко не ходи. А собрался куда, бери с собой десяток ребят.

— Ты думаешь, с нами захотят расправиться?

— Конечно! Они считают, если нас уберут, то и забастовке конец.

— Мак, ну когда ж ты мне какое-нибудь задание дашь? А то я за тобой, как собачонка, бегаю.

— Ты же многому учишься, парень. Не беспокойся. Как увижу для тебя дело, резину тянуть не стану. Завтра — послезавтра начнешь пикеты организовывать. Сверни-ка налево, Джим. Нечего нам по городу разъезжать, глаза всем мозолить.

Машина запрыгала по ухабистым дорогам. Через час они подъехали к своему саду, «Форд» покотился по темной тропе меж яблонь. Мак резко сбросил скорость, отчего едва не заглох мотор, фары замигали снова. Вдруг из темноты прямо в лицо Маку и Джиму ударил ослепительный луч света и двое в плащах вышли на тропу, преградив машине путь. Джим едва успел затормозить. Из темноты раздался голос;

— Это точно те самые.

Один из стоявших на дороге как бы нехотя подошел к машине, облокотился на дверцу. Мотор нетерпеливо покашливал. Незнакомец был почти неразличим — яркий луч не доставал до него. Вот он заговорил.

— Чтоб завтра к утру вас и в помине не было в долине Торгас. Ясно?

Мак незаметно тронул ступней ногу Джима. И подобострастно проныл:

— Что мы такого сделали, мистер? За что с нами так?

Незнакомец сердито ответил!

— Ты дурочку-то не валяй. Мы знаем, кто вы, и хотим, чтоб вы убрались отсюда!

Мак не переменял тона.

— Если вы из полиции, то у нас, простых граждан, гоже права есть. Мы в суд можем подать. Налоги-то не зря платим у себя дома.

— Вот домой и катитесь. Мы не из полиции, мы из комитета «бдительных». Вы, сволота красная, вообразили, будто вам везде, куда ни приедете, разрешат народ будоражить. Как бы не так! Либо вы на своей таратайке отсюда уберетесь, либо вас черный воронок увезет. Ясно?

Джим почувствовал, как нога Мака тянется к педали газа Джим чуть подтолкнул приятеля, дескать, все понял сам. Старенький мотор все порывивал. Порой отказывал один цилиндр, порой — два. Мак продолжал:

— Вы, мистер, нас неверно поняли. Никого будоражить мы не хотим. Мы простые бедняки-сборщики.

— Вы слышали — вон отсюда!

— Дайте хоть вещи собрать.

— Ладно, чтоб живо обернулись и марш отсюда!

— Трусые вы и больше ничего! — вдруг выкрикнул Мак. — Поди, у вас человек двадцать в засаде. Одно слово — трусы!

— Это мы — трусы?! Здесь нас всего трое. Но если к утру из долины не уберетесь, будет с полсотни.

— Давай, Джим, гони!

Мотор взревел. «Форд», точно застоявшаяся лошадь, вздыбился и рванул вперед. Стоявший у дверцы отпрыгнул в сторону, а светивший чудом не попал под колеса. «Форд» несся по дороге, внутри у него лязгало и скрежетало — того и гляди рассыплется.

Мак обернулся.

— Ишь, не светят больше! — крикнул он.

Джим подогнал машину к длинному барaku. Друзья бегом бросились ко входу. У дверей кучками стояли люди и тихо переговаривались. На порогах сидели женщины, то и дело поправляя юбки, чтобы не оголялись колени. Каждая кучка людей — точно маленький гудящий рой. Собралось с полтысячи человек, пришли из других садов.

Рядом оказался ершистый парень, с которым Джим разговаривал утром.

— То-то! Не верил мне? Ну, а теперь что скажешь?

Мак спросил парня:

— А Лондона ты видел?

— Ну а как же. Мы его в председатели выбрали. Он сейчас с комитетом совещается. А ты, небось, решил, что я совсем спятил, да? опять обратился парень к Джиму. — Говорил же тебе, что я не последняя спица в колеснице.

Мак с Джимом пробрались меж гомонящих людей к двери Лондона. Она была закрыта, окно — тоже. Под ним столпились люди, и каждый старался подглядеть, что делается в освещенной комнате. Двое преградили Маку путь.

— Какого черта прешь?

— Нам нужно Лондона повидать.

— Вон оно что! А захочет ли он?

— Спросите, чего ж вы?

— Как зовут-то?

— Скажите Лондону, что док и Джим хотят его по видать.

— Это ты, что ль, роды принимал?

— Кто же еще?!

— Ладно, доложу. — И он скрылся за дверью. Почти тут же снова появился на пороге и распахнул дверь.

— Заходите, ребята. Лондон вас ждет.

Клетушка Лондона была спешно переделана в «кабинет», то есть притащили несколько ящиков, чтоб было где сидеть. Сам Лондон восседал на кровати, наклонив вперед голову с круглой проплешиной. Семеро членов комитета, дымя сигаретами, расположились кто сидя, кто стоя. Все разом обернулись на Джима и Мака. Лондон, похоже, был не в духе.

— Привет, док. Привет, Джим. Рад вас видеть. Новости знаете?

— Ничего не знаем, — Мак плюхнулся на ящик. — Мы с Джимом все разъезжали. Так что случилось?

— Да все вроде бы в порядке. Ребята Дейкина тоже забастовали. И в садах Гилрея председателя выбрали, Бэрк его фамилия. Завтра намечаем всеобщее собрание.

— Отлично, — обрадовался Мак, — отлично сработано! Но много мы не сделаем, пока не выберем исполнительный комитет и единого руководителя.

— Ну, как вы съездили по своим делам? — спросил Лондон. — Я пока ребятам ничего не говорил, вдруг, думаю, не выйдет.

— Значит, так, — Мак повернулся к семерым. — Нам разрешили разбить лагерь на участке в пять акров. Земля эта частная, так что никто, кроме санитарного управления, нас оттуда не попрет. А у нас будет свой врач, ему и карты в руки.

Члены комитета чистосердечно обрадовались новости, заулыбались.

Мак продолжал:

— Я пообещал этому фермеру, что наши ребята ему бесплатно урожай соберут. В два счета управимся. Место удобное, посередине долины, воды много.

Один из комитетчиков, не утерпев, вскочил на ноги.

— Лондон, можно я сейчас всем ребятам расскажу?

— Конечно, валяй. А что это за ферма, док? Мы, может, там общее собрание завтра и проведем.

— Это ферма Андерсона, сразу за городом.

Вслед за первым членом комитета на улицу выскочили еще двое. Поначалу было тихо, потом поднялся говор, шумный и взволнованный, но никто не кричал. Шум рос и ширился, казалось, он заполнил все вокруг.

— А что случилось со старым Даном? — спросил Джим.

Лондон поднял голову.

— Его сначала хотели в больницу. Да что ему там без толку валяться. Врач у нас есть, проследит, как нота срастается. Здесь же, чуть дальше меня живет. А за стариком женщины

приглядывают. Так что ему совсем неплохо. Отсюда его теперь и не выгонишь. Он сейчас всю команду, гоняет всех, и своих сиделок в том числе, почему зря.

Мак спросил:

— Ну, а от хозяев ничего не слышно?

— Как же, управляющий приезжал. Спрашивал, не собираемся ли вновь за работу браться. Мы ему — ни за что! Тогда, говорит, выметайтесь к утру. Говорит, целый поезд желающих работать утром приедет.

— Не приедет, — перебил его Мак. — Раньше послезавтра он работников не соберет. Времени не хватит. Ну, а мы успеем к достойной встрече подготовиться. Кстати, Лондон, какие-то парни — назвались тоже комитетом хотели нас с Джимом из долины убрать. Так что предупреди ребят, чтоб поодиночке не ходили. Пусть друзей за компанию берут.

— Займись этим, Сэм, скажи ребятам, — кивнул одному из комитетчиков Лондон, и тот вышел. Снова с улицы донеслись громкие голоса, словно волна прокатилась по галечному дну. На этот раз голоса звучали грозно и гневно.

Мак неторопливо скатал бурую самокрутку.

— Устал, — признался он. — А дел еще непочатый край. Ну, ничего, до завтра подождут.

— Ложись-ка спать, — посоветовал Лондон, — набегался за день-то.

— И верно. После рабочего дня особенно тяжело. Враги наши вооружены. Нам оружия держать нельзя. У них деньги. Они могут наших ребят подкупить. Для наших изголодавшихся бродяг и пять долларов богатство. По этому, Лондон, когда говоришь с ребятами, взвешивай каждое слово. Ведь тех, кто продается, и судить-то строго нельзя. Мы должны действовать умно, безжалостно и быстро, — говорил Мак невесело. — Не победим сейчас, придется все заново начинать. Как это ни прискорбно. Мы бы без труда победили, держись ребята сплоченно, заодно. В порошок бы всех хозяев стерли. И не надо нам ни оружия, ни денег. Голыми руками душили бы, зубами бы грызли. — Мак упрямо вскинул голову. Лондон сочувственно и смущенно улыбнулся, как будто кто из друзей очень уж разоткровенничался.

Массивное лицо Мака залилось краской стыда.

— Устал я, ребята. Вы продолжайте, а мы с Джимом немножко вздремнем. Да, вот еще, Лондон. В завтрашней почте придет посылка на имя Алекса Литла. Там листовки. Почта приходит в восемь утра. Пошли кого-нибудь из ребят, ладно? И проследи, чтоб листовки быстро распространили. Они нам в помощь. Пошли, Джим. Пора и поспать.

Они легли, не зажигая света. За стеной сидели люди, им не до сна. Гул голосов проникал сквозь тонкие стены, распространялся, казалось, по всему миру. Со стороны городка доносился лязг буферов и пыхтенье манежного паровоза. Прогрохотали по шоссе грузовики-молоковозы. Затем нежданно-негаданно раздались звуки губной гармоники — голоса за стеной враз смолкли, люди прислушивались. Но лишь гармоника нарушала ночную тишину. Еще Джим услышал, как закукарекал петух, и крепко заснул.

7

Занималось холодное серое утро, Джима разбудили голоса за дверью.

— Здесь они, спят еще, наверное.

Дверь распахнулась. Мак резко сел на постели.

— Мак, ты дома? — услышал он знакомый голос.

— Дик! Как это ты умудрился в такую рань поехать?

— С доком Бертоном за компанию.

— И док здесь?

— Под дверью стоит.

Мак чиркнул спичкой, зажег свечу на щербатом блюде. Дик повернулся к Джиму.

— Здорово! Ну, как у тебя дела?

— Отлично! А чего ради ты так разоделся? Ишь, на брюках стрелка, рубашка свежая.

Дик улыбнулся, подавляя смущение.

— Должен же кто-то в этой дыре выглядеть прилично.

Мак объяснил:

— Дику предстоит «внедриться» в каждый дом Торгаса, где хоть мало-мальски нам сочувствуют. У меня есть список. В первую очередь нам нужны деньги, а еще — палатки, брезент, кровати. Запомни: палатки. Вот список Адресов много. Как полезное знакомство завяжется, дашь знать, мы за барахлом машины пришлем. У многих наших ребят машины.

— Понял, Мак. Ну, а как забастовка?

— Набирает обороты. И мы как белки в колесе, — он завязал ботинок. — А где док? Чего ж ты его не позовешь? Заходите, док.

В комнату вошел молодой человек. Золотистые волосы, нежное, почти девичье лицо, во взгляде больших глаз тихая печаль как у породистого пса. Водной руке он держал и докторский саквояж, и портфель.

— Здравствуйте, Мак. Дик получил вашу телеграмму и вот привез меня.

— Отлично, вы быстро приехали, док. Вы нам очень нужны. Познакомьтесь, это Джим Нолан.

Джим поднялся, наступив Бертону на ногу.

— Рад познакомиться, док.

— Берись-ка сразу за дело, Дик, — скомандовал Мак. Перекусишь в кафе у Альфа, особенно его не объедай, по завтракай, и хватит с тебя. Нам его старик землю под лагерь уступил. Давай, Дик, двигай и запомни: нужны па латки, брезент, деньги, а в общем, ни от чего не отказывайся.

— Понял, Мак. А люди у тебя в списке надежные?

— Не знаю, сам проверишь. Или мне их для тебя сюда пригласить?

— Да пошел ты! — и Дик скрылся за дверью. Тусклая свеча и серый рассвет словно боролись — кто ярче, теряя в этой борьбе последние силы. В комнате было холодно.

— Из вашей телеграммы не очень-то понятно, что делать.

— Подождите чуток, доктор, — Мак вышел, но тут же вернулся с дымящимся котелком, аромат кофе смешивался с запахом дыма. — Там костер развели, вот кофейку сварили.

— Видно, что прямо с огня, — сказал Джим.

— Да и по запаху ясно, что на костре варили. Впрочем, док, это лучшее, что мне доводилось пить в послед ниедни. Сначала хотелось бы разработать план. Не пускать же нашу забастовку на самотек, — он отхлебнул кофе. — Садитесь, док, вон ящик. Итак, у нас есть пять акров частной земли. Во всем, док, наша помощь вам обеспечена. Можете ли вы разбить там лагерь, чтоб па латки рядами, выгребные ямы, чтоб все было чисто, чтоб для отбросов — особые места? Продумайте, где и как людям помыться. И чтоб карболкой на милю кругом воняло, чтоб вся зараза прочь! Сможете, док, все организовать?

— Очевидно, смогу, если помощников побольше дадите. — Взгляд у него еще более погрузнел. — Достаньте пять галлонов карболки, и я на весь округ такого аромата напущу!

— Отлично. Сегодня мы перебираемся. Постарайтесь побыстрее осмотреть людей. Санитарное управление, конечно же, будет выискивать, к чему бы придраться. А уж если найдет, даст нам крепкого пинка. В этом вонючем ба раке мы живем, как свиньи, и всем наплевать, а стоит нам забастовать, власти вдруг начинают из кожи лезть вон, заботясь о здоровье населения.

— Да, да, все верно.

— Расчирикался я уж больно, — смущенно сказал Мак. — Вы ведь, док, и сами прекрасно знаете, что делать. Пойдемте, я вас с Лондоном познакомлю.

На крылечке у двери Лондона сидели трое. Увидев Мака, подвинулись, пропуская. Лондон лежал на кровати, очевидно, гости разбудили его. Он приподнялся на локте.

— Что? Уже утро?

— Зима уже, а ты все спишь, — усмехнулся Мак. Вот познакомься: док Бертон, наш главный врач. Ему нужны помощники. Сколько человек, док?

— А на сколько человек лагерь планировать?

— На тысячу, а то и на полторы.

— Тогда мне понадобится человек пятнадцать — двадцать.

— Эй, ребята, зайдите-ка кто-нибудь! — гаркнул Лондон. Один из охранников открыл дверь, заглянул.

— Разыщи-ка Сэма! — велел Лондон.

— Сейчас!

Лондон сказал:

— Сегодня на десять утра мы назначили общее собрание. Всех садов, значит. Я их оповестил, что Андерсои нам разрешил на его земле палатки поставить. Скоро уж собираться начнут.

Открылась дверь, вошел Сэм, от любопытства его худое лицо, казалось, заострилось еще больше.

— Сэм, это док Бертон. Будешь его правой рукой. Иди и скажи ребятам, что доку нужны помощники-добровольцы. Выбери человек двадцать понадежнее.

— Сделаю. Когда люди нужны?

— Прямо сейчас, — ответил Бертон. — Нужно съездить, разметить все на местности. Человек восемь-девять влезут в мою машину. Найдите кого-нибудь с машиной, пусть довезет остальных.

Сэм переводил взгляд с Лондона на Бертон и обратно, пытаясь определить, большой ли Бертон начальник.

— Не сомневайся, Сэм, — угадал его взгляд Лондон. Делай все, что док ни скажет.

Бертон поднялся.

— Помогу людей отбирать.

— Обождите, — задержал его Мак. — За вами в городе грешков не водится?

— Каких грешков? — не понял Бертон.

— Ну, нет ли у них повода обвинить вас в противозаконной практике?

— Насколько мне известно, нет. Конечно, если уж очень захотят, они этот повод хоть из пальца высосут.

— Что верно, то верно, — согласился Мак. — Но повозятся они с этим не день и не два. Что ж, до свидания, док.

Бертон и Сэм вышли. Мак повернулся к Лондону.

— Хороший парень. Посмотришь, вроде маменькин сынок, а на деле твердый орешек. И работает всегда на совесть, основательно. Поесть что-нибудь найдется?

— Хлеб и сыр.

— Так что ж мы ждем? Мы с Джимом вчера поужинать позабыли.

— Я еще ночью об этом вспомнил, когда проснулся, подхватил Джим.

Лондон нашарил в углу пакет, выложил из него буханку хлеба и круг сыра. Снаружи стали доноситься разные звуки: загудели примолкнувшие было на ночь голоса, захлопали двери, кто-то кашлял, кто-то сморкался. Насту пал ясный день, красное солнце уже заглядывало в окна.

Мак, не прожевав, заговорил:

— Лондон, как думаешь, Дейкин потянет руководство всей стачкой, если его избрать председателем стачечного комитета?

— Дейкин — мужик стоящий, — чуть разочарованно ответил Лондон. — Я его давненько знаю.

Мак разгадал настроение Лондона.

— Буду с тобой откровенен. Лучше тебя председателя не найти, да уж больно ты вспыльчив. А Дейкин, похоже, из тех, кто никогда не вспылит. Ведь если наш вожак по теряет

хладнокровие, мы пропали.

Мак бил наверняка. Лондон согласился.

— Да, я, конечно, завожусь быстро. Так порой разозлюсь, что блевать тянет. Насчет Дейкина ты тоже прав: он хитрый лис. Смотрит всегда спокойно, говорит ровно. И чем хуже дела, тем он меньше дергается.

Мак предложил:

— Вот на собрании ты и подкинь его кандидатуру, ладно?

— Хорошо.

— Насчет Бэрка я определенного ничего сказать не могу, но, скорее всего, наши ребята и парни Дейкина его усмирят, если не туда гнуть будет. А сейчас пора заняться переездом, путь неблизкий.

— А когда, по-твоему, навезут новых сборщиков?

— Не раньше завтрашнего дня. По-моему, хозяева еще не верят, что мы всерьез забастовали. И не меньше дня им понадобится, чтоб набрать тех, кто на нашу работу позарится.

— Ну, привезут их, а нам тогда что делать?

— Что ж, — усмехнулся Мак, — встретим поезд, вручим им ключи от города. Мне должны телеграмму послать — предупредить. Наши ребята на биржах труда дежурят, — он поднял руку, прислушиваясь, и посмотрел на дверь. Разноголосый гомон прекратился. И в тишине вдруг раздался свист, потом — крики. За стеной заспорили.

Лондон шагнул к двери и распахнул ее. Трое охранников по-прежнему стояли у крыльца, а перед ними он увидел управляющего в тяжелых сапогах и молескиновых штанах. Справа и слева — двое помощников шерифа (судя по знакам отличия), в каждой руке у них по дробовику.

Управляющий заметил Лондона, и, не обращая более внимания на стражников, обратился к нему.

— Нужно поговорить с вами, Лондон.

— Что, оливковую ветвь принесли? — съязвил Лондон.

— Может, сначала к себе пригласите? Глядишь, и договоримся.

Лондон переглянулся с Маком, тот кивнул. Собравшаяся толпа напряженно вслушивалась. Управляющий шагнул вперед, его телохранители следом. Охрана Лондона не шелохнулась. Один сказал:

— Шеф, вы б велели им свои пушки здесь оставить.

— Правильно! — поддержал Лондон. — Если хотите со мной поговорить, дробовики только помехой будут.

Управляющий беспокойно оглянулся на молчаливую грозную толпу.

— А где гарантии, что поведете честную игру?

— Мы же с вас гарантий не спрашиваем. Управляющий решился и бросил спутникам:

— Оставайтесь здесь! Следите за порядком!

Только сейчас охранники Лондона расступились, пропустили гостя и снова сомкнулись. Телохранители управляющего чувствовали себя весьма неудобно. Они теребили ружья и бросали вокруг свирепые взгляды.

Лондон закрыл дверь.

— Не понимаю, почему бы нам не поговорить на улице, чтобы все ребята слышали.

Управляющий заметил Мака и Джима и сердито зыркнул на Лондона.

— отошлите этих людей прочь!

— Не-е, — покачал головой тот.

— Вот что, Лондон. Вы сами не ведаете, что творите. Я дам вам возможность вернуться к работе, если вы выставите этих молодчиков!

— За что? Они ребята славные.

— Красные они! Баламутят сотни хороших людей. И им плевать на вас, на всех, им лишь бы кашу заварить! Гоните их, а сами возвращайтесь к работе.

— Ну, положим, прогоним мы их. Так что, нам денег за работу прибавят? Получим мы полную плату?

— Нет. Вы просто сможете вернуться к работе без каких-либо неприятных последствий. Владельцы садов готовы простить вам этот выпад.

— Зачем же тогда мы затевали эту забастовку?

Управляющий понизил голос.

— Кое-что я могу вам предложить: уговорите всех вернуться на работу, и я беру вас к себе в помощники. Место постоянное, пять долларов в день.

— А как насчет моих друзей?

— По пятьдесят долларов на нос и пусть убираются из долины.

Джим взглянул на Лондона: на массивном лице у того читалась задумчивость. Мак зловеще ухмылялся. Наконец Лондон заговорил:

— Мне б хотелось взвесить все «за» и «против». А что, если мы с друзьями не согласимся?

— Тогда через полчаса мы вас всех вышвырнем отсюда. И каждого занесем в черный список — тогда уж никуда вам не поехать, нигде никакой работы не найти. У шерифа в помощниках человек пятьсот — всех соберем, если понадобится. Ну, как, взвесили свои «за» и «против»? И работа вам разве что в преисподней найдется. И еще: дружков ваших мы за решетку упрячем и уж постараемся подольше продержат.

— Но ведь они при деньгах, так что нищенство или бродяжничество им не впаяешь.

Управляющий надвинулся на Лондона и еще выразительнее сказал:

— Не будьте дураком. Вы же знаете, каков закон. Все, что судье не по нраву, будет вам вменено как бродяжничество. А к вашему сведению, судьей у нас Хантер. Так что, давайте-ка, Лондон, ведите людей обратно в сады, и у вас будет постоянная хорошо оплачиваемая работа.

Лондон потупился. Искоса взглянул на Мака — как по ступить? Но Мака томительная пауза, видно, не смущала.

— Ну, решайте, Лондон. Ваши красные дружки вам не помогут, вы и сами прекрасно знаете.

Джим поежился, наблюдая за разговором со стороны, но в широко открытых глазах не мелькнуло и тени беспокойства. Мак не сводил взгляда с Лондона и заметил больше, нежели управляющий: вот у Лондона расправились плечи, он чуть пригнул голову, напряжил сильную шею, руки изготвилились, как у боксера, для удара, глаза грозно сверкнули, шея и лицо покраснели.

— Не дури, Лондон! — крикнул вдруг Мак.

Лондон вздрогнул и чуть заметно сник. А Мак продол жал уже спокойнее:

— Я знаю, что нужно делать. Пока этот господин здесь, давай-ка проведем общее собрание. Расскажем ребятам, что нам предложили за них взятку. Вот и проголосуем, соглашаться ли Лондону на постоянное место за пять долларов. Ну, а потом, наверное, постараемся удержать ребят, а то ведь растерзают этого господина.

Управляющий побагровел от злобы.

— Это мое последнее слово. Либо соглашайтесь, либо катитесь отсюда!

— Что мы и собирались делать, — подхватил Мак.

— В нашей долине вам не остаться! Выдворим!

— Вот уж не удастся. Нам предложили занять частную землю. Сам хозяин предложил.

— Ложь!

— Вот что, мистер, — сказал Мак, — нам и без того будет трудно вас с вашими телохранителями отсюда вывести, так что вы уж на рожон-то не лезьте.

— Ну, и куда ж вы думаете перебраться?

Мак сел на ящик и заговорил спокойно и чуть враждебно.

— А перебираться мы думаем, мистер, на участок Андерсона. Конечно, вам бы в первую голову от нас избавиться. Все верно. Но и мы не лыком шиты. Второе: вы, конечно, вздумаете на Андерсоне отыгаться. Так вот, если хоть один из вас тронет пальцем Андерсона или нашkodит ему, если хоть одна яблонька пострадает, знайте, у каждого из тысячи наших парней окажется по коробку спичек и спалим всех вас дотла. Ясно вам, мистер? Хотите, считайте мои слова угрозой. Тронете ферму Андерсона, мы во всей долине ни дома, ни амбара не оставим. — Гневные слезы стояли в глазах у Мака. Грудь часто вздымалась, будто он вот-вот разрыдается.

Управляющий резко повернулся к Лондону.

— Вы что, не видите, с кем связались? Знаете, сколько лет тюрьмы схлопочете за поджог?

Лондон с трудом подавил ярость.

— Катитесь-ка вы отсюда, а то я за себя не отвечаю! И побыстрее! Мак, выпроводи его, выпроводи, пока до беды не дошло!

Управляющий отпрянул от надвигающегося горой Лондона, стал судорожно нашаривать ручку двери.

— Так, угроза физической расправы, — прохрипел он.

Дверь позади открылась.

— У вас свидетелей нет, чтоб угрозу подтвердить, бросил напоследок Мак.

Приспешники управляющего заглядывали через плечи охранников.

— Дурачье! — ответил управляющий. — Да я, если нужно, десяток свидетелей найду, и они подтвердят все, что захочу. А с вами у меня разговор окончен.

Охранники расступились, пропустили управляющего и его свиту, которая держалась по бокам от него. В собравшейся толпе никто не проронил ни звука, лишь молча пропускать всю троицу да провожали кто сердитыми, а кто недоуменными взглядами. Управляющий и двое его спутников с деланным спокойствием дошли до машины, стояв у угла барака, и уехали восвояси. Лишь тогда взгляды в толпе стали постепенно обращаться к открытой двери лондонской каморки. Лондон стоял, привалившись к дверному косяку, поникший и смурной.

Мак подошел к нему сзади, положил руку на плечо. Крылечко поднимало их на полметра над притихшей толпой.

— Ребята! Мы ничего не хотели вам говорить, пока гости не убрались, боялись, вы их тогда живыми не выпустите! — крикнул в толпу Мак. — Этот мордорот приезжал, чтобы толкнуть Лондона на предательство. Лондону посулили постоянную работу, а вас бы еще раз оставили в дураках.

Толпа зароптала, зарычала по-звериному. Мак поднял руку — Обождите чуток, сейчас не время яриться. Просто крепко запомните: Лондона хотели подкупить, да не смогли. А теперь помолчите, дайте сказать. Отсюда нам пора выбираться. У нас есть место на одной ферме. И переехать нам нужно организованно. Только при строжайшей дисциплине можно чего-то добиться. И дисциплина эта для всех и каждого. У кого есть машины, сажайте женщин, детей, грузите то, что вручную не дотащить. Остальные пойдут пешком. Вести себя прилично, ничего на пути не ломать. Держаться всем вместе. Итак, собирайтесь в дорогу, а Лондон пока с комитетом потолкует.

Не успел он договорить, толпа заволновалась. Всколыхнулись крики, смех; люди забегали, засуетились. Какая-то бесовская, неумная страсть овладела ими. И смеялись они недобрым смехом. Разбежавшись по клетушкам, собирали пожитки, вытаскивали, бросали прямо на землю: котелки, чайники, одеяла, узлы с одеждой. Женщины выкатывали детские коляски. Шестеро комитетчиков с трудом протолкались к двери Лондона.

Солнце уже выглянуло из-за деревьев, и сразу потеплело. За бараком заурчализакашляли старые машины. Застучал молоток — кое-кто грузил вещи в ящики. Суэта была неопишная: люди бегали туда-сюда, на бегу перебрасывались словом, вспыхивали быстрые споры, каждому не терпелось высказать и свое суждение.

Впустив шестерых, Лондон плотно прикрыл дверь, чтобы не мешал шум. Члены комитета держались молчаливо, с достоинством, сознавая свою важность. Они расселись на ящики и с серьезным видом уставились на стены. Начал Мак.

— Не возражаешь, Лондон, если я с ребятами потолкую?

— Валяй, чего там!

— Не подумайте, что я так и норовлю быть в каждой бочке затычкой, просто хотел коекаким опытом поделиться. Доводилось в переделки попадать, мог бы рассказать, где и когда не заладится, как лучше в трудные минуты держаться.

Один из шестерых кивнул.

— Говори, слушаем тебя.

— Ну, так вот. Сейчас вы загорелись, вам и удержу нет. Это беда всех нас, работяг: то кипим, прямо на части рвемся, а через минуту глядь, уже остыли, ледком подернулись. Значит, кипеть нам ни к чему да и леденеть не след. И вот что я предлагаю. Вы над моим предложением покумекаете, захотите — на общее голосование по ставьте. Почти все забастовки плохо кончаются из-за то го, что нет дисциплины. А если разбить всех на отряды, в каждом выбрать командира и чтоб он за своих людей отвечал, тогда б нам работалось легче.

Один из комитетчиков сказал:

— Многие армию прошли. И армейские порядки им вряд ли по душе.

— Их можно понять! На войне они бились за чужие интересы. Да и офицеры им обуза. А вот если б они их сами выбирали да за свое дело сражались, по-другому бы относились.

— Да они вообще ни о каких командирах и слышать не захотят!

— И все ж без командиров не обойтись. С нами в два счета разделяются, если у нас не будет дисциплины. А не понравится один командир, пусть «разжалуют» его и вы берут другого. Им это придется по душе. Потом над каждой сотней должен стоять начальник, а над ними всеми вроде как главнокомандующий. Обмозгуйте, ребята, мое предложение. Часа через два будет большое собрание, и у нас уже должен быть план действий.

Лондон поскреб лысину.

— На словах вроде хорошо получается. Увижу Дейкина — потолкуем с ним об этом.

— Вот и ладно, — заключил Мак. — А сейчас за работу. Джим, ты остаешься при мне.

— Так дай и мне какую-нибудь работу.

— Будешь при мне, сказал! В любую минуту можешь понадобиться.

8

С трех сторон участок в пять акров на ферме Андерсона был окружен старыми тенистыми яблонями. С четвертой он примыкал к узкой и пыльной проселочной дороге. Люди прибывали группами, смеясь, перекликаясь, их уже ждала размеченная для лагеря площадка. Воткнутые в рыхлую землю колышки обозначали будущие палаточные «улицы». Всего таких улиц пять, вдоль дороги, в конце каждой вырыта глубокая яма для уборной.

Перед тем, как разбивать палатки, провели собрание: избрали Дейкина председателем, утвердили комитет. Предложили людям образовать отряды, и мысль эта понравилась.

Едва-едва начали работать, как появились пять полицейских мотоциклов, остановились на дороге. Полицейские вышли и, привалившись к своим машинам, стали наблюдать за происходящим: как ставили палатки, натягивали тенты. Командовал вездесущий грустноглазый доктор Бертон. На обочине стояло не меньше сотни допотопных машин, грозно нацелив фары на дорогу: и старинные «форды» с проплешинами на сиденьях; и дряхлые «гудзоны», стреляющие точно пулемет, когда их заводили. Они выстроились как солдаты-ветераны, встретившиеся после разлуки. На фланге командиром высился грузовик-«шевроле» Дейкина, сияющий чистотой и новизной. Из всех машин лишь он был в хорошем состоянии. И всякий раз, обходя лагерь в окружении комитетчиков, хозяин старался не вы пускать из поля зрения свое сокровище. Говорил ли он, выслушивал ли кого, холодный, уклончивый взгляд неизменно нашаривал сверкающий зеленой краской грузовичок.

Натянули старые брезентовые палатки, Бертон распорядился, чтобы их вымыли с мылом. На грузовичке Дейкина съездили за водой из большого бака Андерсона, И женщины принялись орудовать старыми швабрами.

Андерсон выходил из дома и с беспокойством следил, как преобразается его участок. К полудню лагерь был готов, и девятьсот сборщиков принялись за работу в саду: яблоки собирали в котелки, в шляпы, в дерюжные мешки. Не хватало лестниц — взбирались на деревья прямо по стволам. К вечеру собрали весь урожай, разложили яблоки по ящикам и свезли в амбар.

Расторопный Дик тем временем прислал в лагерь гонца-мальчонку, попросил дать ему людей и грузовик и встретить в городе. Посланный грузовик привез палатки. Каких там только не было: и круглые, шатровые из бурого брезента; и маленькие одноместные; приземистые и островерхие; большие армейские на десять человек. А еще в грузовике оказалось два мешка плющеного овса, мешки с мукой, картофелем, луком, коробки консервов и даже целая коровья туша.

Палатки быстро разошлись по городку. Доктор Бертон взялся налаживать кухни. С городской свалки привезли три ржавые плиты, вместо конфорок — жестяные блины. Назначили поваров, наполнили водой большие котлы, разделали тушу, приготовили картофель и лук для обеда на тысячу человек. Сварили фасоль. Сборщики, вернувшись из сада, обнаружили, что их ждут огромные лохани с едой. Расселись прямо на земле, кто ел прямо из лохани, кто накладывал в кружку, кто — в котелок. К ночи моторизованную полицию сменили помощники шерифа с ружьями. Поначалу они по-солдатски, строем ходили взад-вперед по дороге, потом уселись на обочине, не спуская глаз с лагеря. Там загорелись редкие огоньки кое-где в палатках зажгли керосиновые фонари, от неровного пламени по стенам прыгали тени. В конце первой улицы, за зеленым грузовичком, стояла палатка Дейкина — большая, первоклассная, разделенная пологом надвое, внутри — складные стол и стулья. Пол застелен брезентом, в середине под потолком на шесте висел неумолчно шипящий газовый фонарь. Дейкин жил на широкую ногу и даже в дороге не отказывал себе в удобствах. Страстей и страстишек Дейкин не имел, поэтому каждый заработанный цент тратился на дом, грузовик, новое походное снаряжение.

Стемнело, и Лондон с Маком и Джимом направились к его палатке. У Дейкина они застали Бэрка — угрюмого ирландца — и как две капли воды похожих друг на друга коротышек-итальянцев. Миссис Дейкин удалилась на другую половину «дома». Под слепящим светом газового фонаря сквозь светлые волосы у Дейкина просвечивал розоватый череп. Уклончивый взгляд был сегодня спокоен.

— Привет, ребята, присаживайтесь, где найдете.

Лондон облюбовал единственный свободный стул. Мак с Джимом расположились прямо на полу. Мак достал кисет, свернул самокрутку.

— Похоже, все складывается пока как нельзя лучше, — заметил он.

Дейкин бросил на него быстрый взгляд и тут же отвел глаза.

— Да, и впрямь похоже.

— А легавые быстро явились — не запылились, — вставил Бэрк. — Эх, попортить бы кому из них вывеску.

Дейкин спокойно осадил его

— Легавых пока оставь в покое, потерпи чуток. Они ведь никого не трогают. — А как наши отряды? — поинтересовался Мак. — Вроде полный порядок. Командиров выбрали, а кое где уж и не один раз. Слушай, а молодец твой док Бертон.

— Да, он — парень что надо! — кивнул Мак. — Где он сейчас-то? Надо б к нему охрану приставить. Лишимся его — нас отсюда выпрут в два счета, скажут, что наш лагерь угрожает здоровью местного населения.

Дейкин тут же повернулся к Бэрку. — Ты уж займись этим. Выбери ребят понадежнее, пусть стерегут дока. Он, кажется, всем пришелся по душе.

Бэрк тотчас же поднялся и вышел из палатки. Лондон попросил Мака:

— Расскажи-ка теперь и Дейкину, о чем мне рассказал.

— Дейкин, ребята, похоже, думают, что мы на пикник их вывезли. Но это еще цветочки, а вот ягодки впереди завтра.

— Что, нашли все-таки нам замену?

— Да целый состав работничков приедет. У меня в городе знакомец. Он мне и телеграмму отбил. Сегодня вече ром получил. Из города идет битком набитый голытьбой товарняк. В долине ожидается завтра утром.

— Что ж, — решил Лондон, — встретим поезд, поговорим с новенькими, может, и выйдет толк. Если нет — разгоним.

— Вот и я подумал, — вставил Мак. — Раз, помню, целую армию таких субчиков вспять повернуть удалось. Объяснили им по-хорошему, что к чему.

— Мы тоже все им объясним.

— Вот что, — продолжал Мак. — Полиция нам, конечно, постарается помешать. Нельзя ли как-нибудь пораньше из лагеря улизнуть, и пусть себе легавые пустые палатки караулят.

Дейкин заморгал, хотя взгляд нимало не оживился,

— Думаете, оставим их с носом? — он даже хохотнул от радости, его поддержали и остальные. — Что ж, пойдите расскажите ребятам.

Мак возразил:

— Подождите, Дейкин. Расскажем им сегодня, до завтра об этом всякая собака узнает.

— Что вы хотите сказать?

— Неужто, думаете, у нас в лагере стукачей нет? Человек пять наберется только подсадных

уток, а болтунов, кто за доллар расколется, не счесть. Всегда так. Перед самым уходом и скажем.

— Что ж, ребятам не доверяете?

— Ну, расскажите, если хотите рискнуть. Не сомневаюсь, что тогда мы пойдём на вокзал под полицейским конвоем.

— Ну, а вы что думаете? — обратился Дейкин к остальным.

— По-моему, он прав, — сказал один из малышей итальянцев.

— Ладно. Тогда придется в лагере охрану оставить.

— Человек сто, не меньше, — согласился Мак. — Оставим без присмотра — все спялят.

— А ребята быстро управились с урожаем.

— Да и сейчас еще человек двести в соседнем саду работают. У Андерсона богатый урожай, он даже не ожидал.

— Пока идет без помех. Все еще впереди, — вздохнул Мак.

— А сколько народу-то приедет? Не узнавал?

— Завтра-с полтысячи. А потом, наверное, еще. Не забудьте ребят предупредить, чтоб камнями завтра запаслись.

— Непременно.

Вернулся Бэрк.

— Мы дока поместили в большую палатку. Там с ним ночью еще десятеро будут спать.

— А где он сейчас?

— Да нашел у одного парня лишай, вот и обрабатывает его у кухни.

В этот миг разом донеслось несколько выкриков, а по том — один, сердитый и пронзительный. Дейкин, а следом и гости выскочили наружу. У первого от дороги ряда палаток собрались люди.

Дейкин протолкался на середину.

— Что здесь происходит, черт возьми?

— А то, что ваши люди камнями швыряются, выкрикнул все тот же пронзительный голос. — Не прекратят, мы откроем огонь, и пеняйте на себя, если кого пристрелим.

Мак повернулся к Джиму и прошептал:

— Открой они огонь, было б даже кстати. наших ребят удерживать все труднее, до беды недалеко. Того и гляди, меж собой драку затеют, боевого духа у них хоть отбавляй.

Лондон решительно пошел прямо на толпу.

— Вот что, ребята, — крикнул он. — Вы что, дети малые? Вам что, заняться нечем? Ну-ка, живо все по палаткам! — Грозный тон подействовал, люди стали неохотно, ворча, расходиться.

— Держи их в узде, иначе мы их обуздаем! — помахал «винчестером» крикливый.

Дейкин презрительно бросил:

— Сбавь-ка обороты и отправляйся спать!

Мак пробормотал:

— Видать, легавые трусят, как бабы. От них сейчас всего можно ожидать! Как змея гремучая: со страху на что угодно бросится!

Люди разбрелись по палатках.

— Давай-ка заглянем к доку, — предложил Мак. — Он где-то у кухни.

Доктор Бертон сидел на ящике и бинтовал руку какому-то мужчине при тусклом свете керосиновой лампы, высвечивавшей маленький пятачок. Он скрепил повязку липким пластырем.

— Ну, вот и все. Больше так рану не запускай, не то без руки в один прекрасный день останешься.

Мужчина поблагодарил, опустил рукав и пошел прочь.

— Привет Мак, привет Джим, вот я, кажется, и освободился.

— У него и впрямь лишай?

— Да нет, поранил где-то руку, попала инфекция, вот и все. Они на царапины да порезы и внимания не обращают.

— Найди у нас доктор оспу, сразу бы открыл особую палату, установил бы карантин — и был бы рад-радешенек. Чем будете сейчас заниматься, док?

Док взглянул на Мака, в карих грустных глазах усталость.

— Похоже, на сегодня все; нет, нужно еще сходить проверить, как продезинфицировали туалеты. Я им все объяснил.

— По запаху судя — продезинфицированы что надо! А не лучше ли вам, док, соснуть? Ночью-то прошлой вы и глаз не сомкнули.

— Устал я, это верно, но спать не хочется. Мне вот что-то так захотелось пойти в сад, просто посидеть под яблоней.

— Нас с Джимом возьмете?

— С удовольствием, — Бертон поднялся. — Подождите, сейчас вымою руки. — Он тщательно намылил их зеленым мылом и долго оттирал в тазике с теплой водой. — Ну, теперь можно и в путь, — сказал он наконец, и втроем они не спеша пошли прочь от палаточного городка к темному саду. Под ногами шуршали, рассыпаясь, комочки сухой земли.

— Вы, Мак, для меня загадка, — устало заговорил Бертон. — Вы умело поддельываетесь под речь собеседника. С Лондоном и Дейкином вы говорите под стать им самим. Вы актер.

— Нет, никакой я не актер. Просто каждый собеседник создает неповторимую атмосферу, я ее чувствую и отвечаю, все происходит само собой. Я не поддельваюсь нарочно, я просто не

могу иначе. Вы ведь, док, знаете, люди не очень доверяют тем, кто говорит не на их языке. Можно обидеть человека, даже употребив незнакомое ему слово. Он, вероятно, промолчит, а в душе возненавидит вас. То есть я не про вас лично это говорю, док. С вами все наоборот, док, вы и должны отличаться от нас, как небо от земли, иначе вам доверия не будет.

Они вступили на темную аллею, высоко над головой чернели ветви, густо обсыпанные яблоками. Стихли шорохи сонного лагеря. Вдруг над головой кто-то надсадно, скрипуче вскрикнул. Мак, Джим и Бертон вздрогнули — то пролетела сипуха.

— Это сова, Джим, — пояснил Мак, — на мышей охотится. — И тут же повернулся к Бертому:

— Джим житель городской, ему многое в новинку, а нам-то привычно. Давайте-ка присядем здесь.

Мак с доктором расположились прямо на земле, под раскидистой старой яблоней. Джим, скрестив ноги, сел напротив. Тихая выдалась ночь, ни ветерка; застыли черные листья в недвижном воздухе.

Мак говорил очень тихо, словно опасаясь чуткой, заставшей дыхание ночи.

— И вы для меня загадка, док.

— Я? Загадка?

— Да, да. В партии вы не состоите, а все время нам помогаете, хотя выгоды вам никакой. Не знаю, верите ли вы в наше дело, вы об этом ни разу не обмолвились, вы просто работаете на нас. Мы не первый раз встречаемся, но я что-то сомневаюсь, заодно ли вы с нами.

Доктор Бертон тихо рассмеялся.

— Право, не знаю, что и сказать. Кое-какими мыслями мог бы и поделиться, да боюсь, они вам придутся не по вкусу. Я почти уверен.

— И все же поделитесь.

— Вот вы говорите, я не верю в ваше дело. Легче не поверить, что на небе есть луна. Коммуны были и до вас и будут впредь. Но вы почему-то вообразили, что достаточно заложить фундамент, а здание вырастет само собой. Но все так переменчиво, Мак. Допустим, завтра вам удастся осуществить свой замысел, но сразу же он начнет претерпевать кое-какие изменения. Скажем, организуете вы коммуну, но постепенно она все меньше и меньше будет соответствовать вашей задумке. — Значит, вы считаете наше дело нестоящим?

Бертон вздохнул.

— Извечный камень преткновения, все доводы о него разбиваются. Потому-то я и не люблю часто высказываться. Поймите меня. Мак, упрекаю я вас потому, что не способен многого увидеть и услышать, впрочем, выше головы не прыгнешь. Увидеть бы все дело ваших рук целиком, вот чего мне хочется. И не лепить всяких ярлыков вроде «стоящий» или «нестоящий», это — шоры, за ними не увидеть полную картину. Скажем, назову я какое-либо дело стоящим и сразу лишаю себя возможности как следует разобраться в этом деле, не дай бог в нам окажется нечто «нестоящее». Понимаете? Я хочу непредвзято рассмотреть полную картину.

Мак горячо возразил:

— А как же с социальной несправедливостью? Одни наживаются за счет других. Тут уж без оценки не обойтись!

Доктор Бертон запрокинул голову, посмотрел на небо.

— Мак, а вы обратите внимание, какая несправедливость царит в физиологии. Засилье болезней: столбняк, сифилис, а амёбная дизентерия да она похлеще любого гангстера орудует! Вот так обстоят дела в моей области.

— Революция и коммунизм искоренят социальную несправедливость!

— Так же как дезинфекция и профилактика искоренят болезни.

— Нельзя смешивать деятельность людей и микробов. Есть большая разница.

— А я вот большой разницы, Мак, не вижу.

— Какого черта, док! — вспыхнул Мак. — Болезни на каждом шагу. Сифилис и в самых роскошных районах гнездится. Чего ж вы тогда здесь ошиваетесь, если вы в душе не с нами.

— Хочу разобраться, — ответил Бертон. — Вот вы порезали палец, в рану проникли стрептококки, рука распухла, болит. Что такое опухоль? Поле битвы, а боль? — Сама борьба. Кто победит — трудно сказать, но первое сражение — как раз в ранке. Победят стрептококки, пойдут дальше, и поле битвы охватит уже всю руку. И ваши мелкие забастовки. Мак, тоже инфекция. Она поразила людей, их будто лихорадит. И я хочу в этом разобраться, поэтому я там, куда поначалу проникла инфекция.

— Значит, по-вашему, забастовка — это как рана?

— Именно. Вашего «коллективного человека» вечно лихорадит. А сейчас случай тяжелый. И я хочу разобраться. Хочу присмотреться к «коллективному человеку», это какое-то новообразование, отличное от человеческой особи. Коллективный человек несет уже не свои черты, а черты организма, клеточкой которого является. И организм этот похож на вас не больше, чем, скажем, клетки вашего тела. И вот этот организм мне хотелось бы понаблюдать, понять что к чему. Недаром говорят: толпа безумна и непредсказуема. Почему ж толпу рассматривают как целое, а не как общность разных личностей? И с точки зрения толпы, она всегда разумна.

— А какое отношение это имеет к нашему делу?

— Возможно, вот какое: когда «коллективный человек» готовится к действию, он выдвигает лозунг, например, «Господь повелевает нам освободить Святую Землю», или «Мы боремся за торжество демократии в мире», или «Коммунизм уничтожит социальную несправедливость». Но самому коллективу, толпе наплевать на землю обетованную, и на демократию и на коммунизм. Толпе главное — действовать, бороться, а лозунги — для успокоения личностей. Впрочем, это лишь мое предположение. Мак.

— К нашему делу оно не применимо! — воскликнул Мак.

— Я и не утверждаю, высказываю свое мнение, и только.

— Ваша беда, док, в том, — продолжал Мак, — что вы по взглядам даже левее, чем коммунисты. Намудрили вы с «коллективным человеком». А кто такие мы, те, кто организует, направляет? Так что неувязка у вас полу чается.

— В вашем случае причина и следствие тесно переплетаются. Вы, с одной стороны, выражаете взгляды «коллективного человека», то есть являетесь особо важной клеточкой этого организма, вы черпаете силу у него же, с другой стороны, вы направляет «коллективного человека». Как глаз: он и получает приказы мозга и посылает их ему сам.

— Это все теории! — раздраженно бросил Мак. Какое отношение наш разговор имеет к голодающим, не заслуженно уволенным и тем, кто вообще не может найти работу?

— Имеет и, возможно, немалое. Ведь совсем недавно и между разными болезнями связи не видели. Невежество сильно: наверное, и сейчас найдутся люди, которые не знают, как дети получают. Потому-то мне и хочется по больше узнать о «коллективном человеке», понять его природу, намерения, запросы. Они совсем не такие, как у нас. Мы испытываем зуд и начинаем чесать, нам прият но, а меж тем гибнут миллионы клеток. Может, и «коллективный человек» тоже получает удовольствие, когда миллионы человеческих особей гибнут в войне. Поймите, Мак, мне хочется как можно больше увидеть и понять, используя доступные мне средства.

Мак встал, отряхнул штаны.

— Некогда смотреть да рассуждать. Дело делать надо.

Бертон встал следом, беззлобно усмехнулся.

— Может, со временем... впрочем, хватит, что-то я раз болтался. Хотя, чтобы прояснить мысль, ее нужно высказать, даже если и слушать некому.

Они пошли к лагерю, сухие комья земли рассыпались под ногами.

— Док, нельзя нам стоять и глазеть по сторонам. Утром нужно будет пришлых ретивых работничков окоротить.

— Deus vult,[5] - изрек Бертон. — А вы обратили внимание на андерсоновых пойнтеров? Великолепные собаки! Я глаз от них оторвать не мог — не всякой женщиной так залюбуешься!

В палатке у Дейкина еще горел свет. А кругом в лаге ре спали. В затухающих кострах помигивали уголья.

У обочины выстроились выдавшие виды машины, а на дороге светляками высвечивали огоньки сигарет: шерифовы помощники не дремали.

— Ты слышал, Джим? Вот в этом вся суть Бертона. Видит хороших собак, всего лишь пару охотничьих собак, но для него они больше, чем просто собаки. Они будят в нем высокие чувства. А для меня собаки — и все. Зато те, кто сейчас здесь спит, — люди, им есть-пить подавай. А для доктора они — коллективный организм. Окажись у дока другая профессия не быть бы ему с нами. Без его знаний и опыта не обойтись, а с его рассуждениями одна морока.

Бертон виновато улыбнулся.

— Сам удивляюсь, с чего это меня на рассуждения потянуло. Вы люди практические и таких же, кому только есть-пить подавай, ведете. Но всякий раз что-то у вас не срабатывает, всякий раз люди не подчиняются вашей логике, поступают, казалось бы, вопреки здравому смыслу, а вы, вожаки, либо отрицаете это, либо просто не задумываетесь, почему так происходит. Но случись кому задать этот вопрос, дескать, что же понуждает людей, которым лишь есть-пить подавай, выходить за рамки ваших канонов, вы поднимаете крик: «Утопист! Мистик! Метафизик!» Впрочем, зачем я все это говорю вам, человеку практическому? Но именно такие, как вы, вовлекали простых людей, кому лишь есть-пить подавай, в самые страшные смуты, какие только помнит история.

— Нас ждет работа, — прервал его Мак. — Нам некогда всякую заумь выслушивать.

— Вот-вот, вы и беретесь за работу, понятия не имея о тех, для кого работаете. И каждый раз из-за этого впросак попадаете.

Палатки были уже совсем рядом.

— Обратись вы с такой речью к ребятам, вас бы отсюда вышвырнули, буркнул Мак.

Вдруг словно из-под земли перед ними выросла темная фигура.

— Кто идет? Ах, это вы. А я сразу-то и не признал.

— Дейкин охрану выставил? — спросил Мак.

— Ага.

— Молодец Дейкин. Молодец, нравится он мне, никогда головы не теряет.

Они остановились около большой островерхой палатки.

— Мне, пожалуй, пора, — сказал док. — Моя охрана здесь спит.

— Конечно, выспаться надо, — поддержал Мак. — Завтра, возможно, придется раненых перевязывать.

Док скрылся в палатке. Мак обратился к Джиму.

— Тебе, между прочим, тоже неплохо бы на боковую.

— А ты куда?

— Я-то? Пройдусь еще, посмотрю, все ли в порядке.

— И я с тобой. А то ничего не делаю.

— Ш-ш-ш, тише ты. — Мак медленно прошел к веренице машин. — Ты мне во многом помогаешь. Может, я уже постарушечьи сентиментален, но когда ты рядом, мне спокойнее.

— Но я же только хвостом за тобой хожу! — воскликнул Джим.

— Наверное, у страха глаза велики, но порой я боюсь, как бы с тобой чего не случилось. Мне бы вообще тебя не брать сюда. А то теперь привык, что ты всегда рядом.

— Так чем мы займемся сейчас, Мак?

— Тебе самое лучшее — идти спать. А я попробую потолковать с легавыми, которые нас караулят.

— Зачем?

— А скажи-ка, слова дока тебя не зацепили?

— Я не вслушивался.

— Чушь он порол в общем-то, хотя кое-что и по делу говорил. Для того, чтоб забастовка удалась, нужны два условия: сил в борьбе не жалеть, и население привлечь на свою сторону. Почти вся земля в долине сейчас принадлежит горстке воротил. Значит, остальной люд, считай, неимущий. И воротилам их приходится либо подкупать, либо обманывать. Ведь у этих парней на дороге хоть и должность полномочных помощников шерифа, на деле они обычные работяги, дали им шерифскую звезду, сунули ружье в руки, заплатили за две недели. Вот я и

думаю, не пойти ли потолковать с ними, прощупать, как они насчет забастовки настроены. Конечно, они с хозяйского голоса петь будут, но, как знать, может, удастся к ним подобрать ключик?

— А что если тебя арестуют? Помнишь, что нам вчера ночью наобещали?

— Ты переоцениваешь их, Джим. Они не настоящие легавые, они меня и не узнают.

— Все-таки я пойду с тобой.

— Ладно, но как только почувешь, что жареным пахнет, бегом в лагерь и ори что есть мочи.

В палатке позади них кто-то закричал во сне. Тут же его окликнули несколько голосов, разбудили. Мак с Джимом неслышно протиснулись меж двух машин. Мерцающие огоньки сигарет оказались совсем рядом, заметались, изошли искрами — их спешно тушили, заслышав незнакомых людей.

Мак первым подал голос.

— Эй, ребята, выйти-то можно?

— А сколько вас? — спросил кто-то.

— Двое.

— Валяйте, выходите.

На мгновение луч фонарика высветил их лица. Сидевшие на дороге зашевелились, поднялись на ноги.

— А что вам нужно-то? — спросил один.

— Да вот не спится. Дай, думаем, пройдемся, словом с кем перекинемся.

Спрашивавший рассмеялся.

— Везет нам на собеседников сегодня ночью.

Мак в темноте на ощупь вытащил свой знаменитый кисет.

— Хочет кто закурить?

— Свой табачок держим... Так чего тебе надо-то?

— Да вот, многие из наших интересуются, как вы к забастовке относитесь, прислали узнать. Ведь вы такие же рабочие парни, как и они. Вот наши и думают, неужто вы своим не поможете?

Слова его были встречены молчанием. Мак тревожно оглянулся.

Кто-то тихо произнес:

— Ну вот что, хватит нам мозги пудрить. Допрыгались, голубчики. Еще пикнете раз, пулю в лоб схлопочете.

— Да вы что, ребята? Что еще за шутки?

— Джек, Эд, отведите-ка этих субчиков. Чуть что — стреляйте. Ну-ка, вперед, живо!

И, подталкивая Мака с Джимом ружьями в спину, конвоиры повели их, из тьмы им вдогонку крикнули:

— Что, думали, вы так запросто всех вокруг пальца обведете? Да нам еще днем полицейские на вас указали.

Мак с Джимом под дулами ружей пересекли дорогу, спустились на обочину. Вслед им неслось:

— Просчитались, умники! Хотели втихую всех из лагеря до утра вывести, а мы — пустые палатки карауль! Да мы сразу о ваших планах узнали. Нас на мякине не проведешь!

— От кого узнали-то?

— Ишь чего захотел!

Конвоиры не отставали ни на шаг, тыча ружьями в спины Мака и Джима.

— Вы нас в тюрьму ведете?

— Как бы не так! Мы вас, краснопузых, в комитет «бдительных» доставим. Они из вас дурь-то повышибают да вышвырнут из нашего округа тогда, считай, вам повезло. А не повезет — вздернут на первом суку. Нам в долине красные ни к чему.

— Раз вы из полиции, то должны нас в тюрьму вести.

— Эх, размечтался! Тут неподалеку домик есть один, вот туда и путь держим.

За густыми кронами не видно было ни звездочки.

— Хватит, кончай разговоры!

— Беги, Мак, — крикнул Джим и рухнул наземь. Его конвоир, споткнувшись, тоже не удержался на ногах. Джим откатился за дерево, вскочил и бросился бежать. Уже во второй яблоне-аллее он проворно вскарабкался на дерево и затаился высоко в листве. Внизу послышалась возня, кто-то застонал. По яблоням запрыгал луч фонаря, потом фонарь упал на землю, выхватив из мрака гнилое яблоко. Затрещала, разрываясь, ткань, затопали тяжелые шаги. Кто-то нагнулся, подобрал фонарь, выключил. С места драки донеслись приглушенные голоса, там о чем-то спорили.

Джим неслышно слез с дерева. Всякий раз, когда колыхалась листва, он задерживал дыхание. Осторожно ступая, дошел до дороги, перебрался на другую сторону. Вот и выстроившиеся в ряд машины. Из-за них выступил патрульный.

— Уже второй раз за ночь здесь тебя вижу, парень. И чего тебе не спится?

— А Мак не возвратился? — спросил Джим.

— Как же! Пулей пролетел! Он сейчас у Дейкина.

Джим поспешил к палатке, поднял коричневый полог и вошел. Дейкин и Бэрк слушали Мака, а тот возбужденно рассказывал. Заметив Джима, осекся.

— Ух, как я рад! — придя в себя, воскликнул он. А мы уж собирались ребят на выручку посылать. Какого ж дурака я сваял! Это надо ж! Представляете, Дейкин, они нас под дулом ружья вели. Конечно, вряд ли бы стали стрелять, но кто знает. Джим, как тебе оторваться от них удалось?

— Я просто упал ему под ноги, он — на меня, ружье дулом в землю. Я так еще в школе над ребятами подшучивал.

Мак вымученно улыбнулся.

— А я, как почуял, что ружье мне в спину не целит, рванул в сторону и конвоиру — ногой в живот. Они, наверное, друг дружку боялись подстрелить, оттого и огонь не открыли.

Бэок стоял позади Мака и не заметил, как тот подмигнул Дейкину, но от Джима это не ускользнуло. Дейкин дал знак, что понял: прикрыл бесстрастные глаза, ресницы у него были светлые-светлые.

— Бэрк, сходи-ка проверь часовых, не заснул ли кто, попросил он.

— Да чего их проверять, — недовольно пробормотал тот.

— Сходи, сходи. Мало ли что. Хватит с нас налетчиков. Чем парни вооружены?

— Дубинками крепкими, вот чем.

— Сходи, сходи, проверь.

Бэрк вышел. Мак шагнул к Дейкину.

— И у стен есть уши. А мне бы хотелось поговорить с вами без свидетелей. Не хотите прогуляться?

Дейкин дважды кивнул, все трое вышли и медленно двинулись в том же направлении, где растворился в ночной мгле Бэрк.

— У нас уже завелся стукач, — сказал Мак. — Легавые пронюхали, что мы собираемся до рассвета из лагеря смыться.

— Вы подозреваете Бэрка? — холодно спросил Дейкин. — Его и при разговоре-то не было.

— Никого пока назвать не могу. Случайно кто-то у палатки мог оказаться и услышать.

— Ну, и что будем делать? Вы ведь в таких делах собаку съели, все так же холодно и бесстрастно продолжал Дейкин. — Правда, мне кажется, вы, красные, нам только в обузу. Сегодня вечером приходил один малый, обещал — если мы вас выдворим — то хозяева на серьезные переговоры пойдут.

— И вы верите? Не забываете, расценки они срезали, когда нас еще и в помине не было. Что ж, по-вашему, мы эту забастовку начали?! Сами знаете, — не мы! Мы лишь помогаем, чем можем, чтоб дело наладить, а не пускаться в авантюры.

Ровным, бесстрастным голосом Дейкин спросил:

— А вам-то какая от всего этого выгода?

— Никакой, ровным счетом! — запальчиво бросил Мак.

— А чем докажете?

— Если не верите, то и доказательства не помогут. Да и как доказать-то?

Голос у Дейкина чуть смягчился.

— Если б вам никакой выгоды не было, вот тогда бы я точно не поверил. Когда выгода — дело ясное: либо с чужого голоса поете, либо сами готовы ножку подставить. А когда нет личной выгоды, не знаешь, чего и ждать!

— Ну, ладно, — раздраженно оборвал его Мак. — К чему философию разводить! Если ребята захотят нас выбросить отсюда, пусть на собрании за это проголосуют. Вот тогда уж нам свою правоту придется доказывать. Но какой толк нам друг с другом сражаться!

— Так что ж нам делать? Ускользнуть на заре от легавых не удастся, раз они обо всем пронюхали.

— И пробовать не стоит. Пойдем открыто, не таясь, рискнем. Посмотрим, что за народец привезли, может, без драки обойдется, уговорить их удастся.

— Ну, а что вы от меня хотите? — Дейкин остановился и принялся чертить ногой на земле.

— Я просто хотел предупредить, кто-то стучит на нас. Так что берегите свои секреты, ни с кем не делитесь.

— Это я давно понял. Секретов ни от кого никаких не держу. А сейчас иду спать. А вы, ребята, хоть до утра на рожон не лезьте.

Мак с Джимом разместились в маленькой палатке прямо на земле, укутавшись старыми шерстяными шарфами. Мак прошептал:

— Дейкин не стукач, по-моему. Но уж больно упрям и слушать никого не хочет.

— А не погонит ли он нас?

— Как знать. Впрочем, вряд ли. Завтра вечером у нас будет куда больше сторонников: те, кто синяков нахватает, сложа руки сидеть не захотят. Нам, Джим, никак нельзя их пыл гасить. Так здорово все началось!

— Слышь, Мак?

— Что?

— А вдруг легавые сюда заявятся да нас заберут?

— Кишка у них тонка. Побоятся, как бы ребята не разъярились. Как тогда, с Даном. Легавые не дураки, чуют, когда нашего брата лучше в покое оставить. Давай ка спать.

— А скажи-ка, Мак, как тебе удалось там, в саду, удрать. Ты, никак, дрался?

— Не без этого. Но в темноте они и не разобрали, кого молотили. Я точно кому-то крепко вмазал.

Джим помолчал, потом снова заговорил:

— А тебе страшно было, когда нас под дулом ружья вели?

— Еще бы! Я, правда, с этими субчиками-«бдительными» — не впервой сталкиваюсь, как и бедняга Джой. Они храбрецы: вдесятером на одного навалятся и колошматят. А чтоб их не узнали потом, маски надевают. Конечно, мне страшно было. А тебе?

— Да, особенно поначалу. А когда повели, так прямо холодный пот прошиб: представил, что будет, если я наземь брошусь. Представил четко-четко, все так потом и случилось. Но страшнее всего за тебя было — вдруг подстрелят.

— Интересная штука, Джим: чем опаснее заваруха, тем меньше страха. Когда нас уже повели, страх у меня прошел. Но ружье до сих пор спиной чувствую.

Джим выглянул из палатки. Снаружи, казалось, было даже светлее, чем внутри. Прошуршали чьи-то шаги.

— Думаешь, победим, а Мак?

— Спать давай... Ладно, отвечу, после нашего сегодняшнего приключения вижу: забастовке нашей не победить, уж больно организованно действуют хозяева. Они и огонь могут открыть, им и это с рук сойдет. Победа нам не светит. Боюсь, наши ребята драпанут, как только жареным запахнет. Но ты, Джим, об этом не печалься. Забастовка не заглохнет. Все дальше и дальше пойдет. А там, в один прекрасный день, глядишь, и победим. Нужно только верить.

— Мак приподнялся на локте. А без веры нас здесь бы не было. Док правильно насчет инфекции говорил. Только идет вся зараза от капитала, он везде щупальца пустил, и пока он нас не задушил, нам его нужно скинуть. А ты, Джим, надежный парень. Не подведешь. У меня вроде даже сил прибавляется.

— Гарри предупреждал меня, к чему готовиться. Говорил, что нас невзлюбят.

— Да, тяжелее ничего не придумать: и свои ненавидят, и враги. А случись нам победить, свои же и убьют. Ради чего же мы стараемся?! А, ладно, давай-ка лучше спать.

9

Не успело рассвети, а лагерь уже пробудился: слышались голоса, кто-то колот дрова, кто-то скрежетал задвижками ржавых плит. Еще минута, и вкусно запахло костром — жгли сосновые и яблоневые чурки. Поварская команда работала вовсю. В плитах уже рокотало пламя, наготове стояли ведра с кофе, в корытах разогревалась фасоль. Из палаток вылезали люди, собирались подле плит, подступали все ближе и ближе к поварам, так что тем уже негде было повернуться.

На грузовичке Дейкина привезли от Андерсона три бочки с водой. «Дейкин собирает отрядных командиров», полетело меж людьми распоряжение. «Велел тотчас явиться». И командиры, исполнившись важности, направились к палатке Дейкина.

Небо посветлело, отчетливо проступили черные верхушки деревьев. Вереница машин растворилась в утренней дымке.

Закипал кофе в ведрах, дразняще-аппетитно потняло от корыт с фасолью. Люди подходили кто с чем: со сковородами, банками, котелками, жестяными тарелками, и повара оделяли каждого половником варева. Люди садились прямо на землю, перочинными ножами выстругивали себе палочку с широким концом и принимались за еду.

Черный, горький кофе помог продрогшим, молчаливым с ночи людям: послышался говор, смех, приветствия. Небо над деревьями уже порозовело, землю рассвет окрасил в голубовато-серые тона. Высоко-высоко шли гусиные косяки.

Дейкин вышел из палатки, справа держался Лондон, слева — Бэрк. Командиры уже дожидались, среди них были и Мак с Джимом. Мак пояснил:

— Нам нужно действовать осторожно. Негоже будет, если нас сейчас вышвырнут из лагеря.

На Дейкине была короткая хлопчатая куртка и шерстяная шапка. Бесцветные глаза шарили по лицам стоявших перед ним.

— Я скажу вам, ребята, как дела обстоят, а вы, если захотите, можете с нами не ходить. Пойдут только желающие. Мы встречаем поезд, хозяева набрали людей, чтоб вместо нас на работу поставить. Мы этих «подменщиков» не пустим) Встретимся, потолкуем сперва, а там, как знать, может, и драться придется. Ну что?

Собравшиеся одобрительно загудели.

— Что ж, отлично! Тогда в путь! Ребят своих не распускать! Идти спокойно, держаться ближе к обочине. Дейкин бесстрастно улыбнулся. — А если кто вздумает камнями карманы набить, что ж, большой беды в этом не вижу.

В толпе засмеялись.

— Ну, я вижу, вы все поняли, идите к своим ребятам и растолкуйте им, что да как. Если кто заартачится, так лучше сейчас, пока мы не выступили. Сотню ребят оставлю лагерь охранять. Идите поешьте.

Все разошлись, многие потянулись к кухне. Мак с Джимом подошли к жожакам. До них донеслись слова Лондона:

— ...по-моему, очень большой драки не затеют, злобы в ребятах еще не скопилось.

— Больно час ранний, — вступил Мак. — Вот попьют кофе, позавтракают, и вы их не узнаете.

Дейкин строго спросил:

— Вы с нами идете?

— Ну, а как же! Да, и вот еще что, — вспомнил Мак, — наши люди сейчас достают жратву, кое-что для лагеря. Как дадут знать — выделите несколько машин, пусть все добро привезут.

— Очень кстати. На ужин фасоли уже не хватит. На такую ораву жратвы не напасешься.

Заговорил Бэрк:

— А я за то, чтоб сразу незванным гостям всыпать! Как только из вагонов повылезут. Чтоб неповадно соваться было!

— Сначала попробуем договориться, — возразил Мак. — Помню, как-то полсостава таких вот субчиков на сторону забастовщиков перешло — так с ними поговорили. А наброситесь на них, кто испугается, а кто ведь и сдачи даст.

Дейкин не сводил с Мака недоверчивого взгляда.

— Ладно, пора собираться, — подытожил он. — Мне еще охрану лагеря выбирать. Док с ними хоть порядок наведет. Я поеду на своем грузовике, Лондон и Бэрк со мной. А с этими развалюхами- легковушками лучше не связываться.

Солнце еще только-только поднималось, а неровная длинная колонна уже двинулась в путь. Люди, направляемые командирами, держались обочины. Джим услышал, как кто-то из старших советовал товарищам: «Комья земли не подбирайте. Вот подойдем кстанции, там на насыпи гранитные камушки — лучше не придумать!»

В колонне нестройно затагнули песню. Впереди на самой малой скорости ехал зеленый «шевроле» Дейкина. Позади остался лагерь, стихли прощальные возгласы женщин.

Едва они тронулись, как сбоку к ним пристроились, растянувшись вдоль всей колонны, десять полицейских на мотоциклах. Прошли с полмили, их обогнала большая открытая машина, битком набитая людьми. Она резко затормозила посреди дороги. У сидевших в ней были в руках ружья, у каждого красовался знак — «помощник шерифа». Водитель взобрался на сиденье и обратился к колонне.

— Смотрите, чтоб порядка не нарушать! Шагайте сколько вашей душеньке угодно, только движению не мешайте! — прокричал он. — Драк не затевать! Ясно? — он снова уселся за руль, обогнал зеленый грузовик и возглавил шествие.

Джим с Маком шли метрах в пятидесяти позади. Мак усмехнулся.

— Видишь, какую встречу нам устроили? Все честь по чести.

Кое-кто вокруг заулыбался, а Мак продолжал:

— Право бастовать у нас вроде бы есть, а вот пикеты выставлять запрещено, хотя яснее ясного, что забастовка без пикетов бессмысленна.

Настроение у слушающих переменялось, поднялась воркотня, правда, пока довольно беззлобная. Мак тревожно взглянул на Джима.

— Не нравятся мне они! — тихо бросил он. — Какие то вареные. Молю бога, чтоб они встряхнулись, чтоб злоба проснулась. Если нам случай не поможет, считай, все впустую.

Нестройными рядами вступили забастовщики в городок, держась тротуаров. Враз притихли, многие стыдливо потупились. Из окон домов их провожали долгими взглядами, детишки на лужайках замороженно смотрели на них, родители хватали их за руку и уводили домой, крепко накрепко заперев за собой дверь. Прохожих можно было сосчитать по пальцам. Мотоциклы ехали так медленно, что ездокам-полицейским приходилось то и дело выставлять ногу и отталкиваться от земли, чтобы сохранить равновесие. Так, ведомые шерифской машиной, шеренги бастующих окраинными улицами добрались до станции. Остановиться пришлось чуть поодаль от путей, так как их сторожило человек двадцать с ружьями и гранатами со слезоточивым газом.

Дейкин поставил грузовичок на обочине. Шеренги рабочих смешались, они стеной надвинулись на полицейских. Дейкин и Лондон прошли перед ними, на ходу давая указания: по возможности стычек с полицией не затевать. А с приезжими сперва нужно поговорить, и не больше.

На дальних путях стояли два состава с вагонами-холодильниками.

Джим повернулся к Маку и, чтобы не услышали Другие, сказал:

— А что, если наших «подменщиков» до станции не довезут, а высадят поблизости? Тогда наша затея — насмарку.

Мак лишь покрутил головой.

— Сейчас они так не поступят. Им важно показать, сколь они сильны, запугать хотят. Только бы поезд пришел! Пока ребята ждут, изведутся. Появится неуверенность, страх.

Кое-кто из забастовщиков присел у насыпи. Разговаривали все тихо, сбившись тесной кучей: с одной стороны станционная охрана, с другой шерифские приспешники. Неуютно и беспокойно людям в таком соседстве. Сидевшие в машинах не выпускали из рук ружей, прижимая их к груди.

— Похоже, легавым тоже не по себе, — заметил Мак.

А Лондон тем временем успокаивал кого-то из своих.

— Не будут они стрелять, ни за что не будут. Не посмеют.

Его прервал возглас:

— Едет!

Далеко впереди поднялось крыло семафора. Над кронами яблонь за клубился дым, донесся перестук вагонных колес. Все повскакали на ноги и напряженно, вытянув шеи, стали всматриваться: не появится ли поезд.

— Ребят близко не подпускать! — крикнул Лондон.

Медленно вполз на станцию состав: черный локомотив, за ним цепочка товарных вагонов, в открытых дверях сидели, свесив ноги, люди. С лязганьем и шипеньем, обдав всех паром из-под колес, локомотив затормозил. Вагоны дернуло, в составе заскрежетало, запыхтело, и он остановился.

За шлагбаумом на пристанционной улочке на первых этажах домов размещались лавки и рестораны, на верхних — меблированные комнаты. Мак бросил взгляд через плечо: из окон выглядывало множество любопытных.

— Не нравятся мне эти рыла, — пробормотал он.

— С чего это? — спросил Джим.

— Не знаю. Обрати внимание: только мужчины. Ни одной женщины не видно.

«Подменщики», сидевшие в дверях вагонов и стоявшие у них за спинами, не торопились вылезать, тревожно поглядывая на собравшихся.

Вперед вышел Лондон. Он подошел почти вплотную к охраннику, тому пришлось даже попятиться, уперев в живот Лондону ружейное дуло. Локомотив, словно огромный, загнанный зверь, тяжело пыхтел, стараясь отдышаться.

Лондон сложил ладони рупором и пророкотал:

— Вот что, ребята! Вам с нами воевать не след! И легавым незачем помогать! — Машинист выпустил пар, заглушая его голос, сбоку из локомотива вырвалось белое облако, свистом и шипеньем своим поглотив все остальные звуки.

Толпу забастовщиков вспучило, повлекло прямо на охрану. Дула ружей нацелились на рабочих со всех сторон. Лица у охранников напряженно застыли, но угроза подействовала: толпа остановилась. А пар не унимался: клубами разлетался по сторонам, заглушал все и вся.

Вот у двери одного из вагонов поднялась возня- слов но муравейник разорили. Вперед протолкался плюгавый человечек и спрыгнул наземь.

— Ты только посмотри! Это же Джой! — прокричал Мак прямо в ухо Джиму.

Маленький нелепый человечек обратился лицом к сидевшим в дверях, судорожно взмахнул руками. За неистовым свистом и шипеньем не понять, говорил он или нет. Сидевшие в дверях попрыгали на землю, окружили Джоя тот все отчаянно жестикулировал. Изуродованное шрамами лицо еще больше исказилось. Он собрал пять-шесть человек и

повел к толпе забастовщиков. Охранники беспokoйно озирались, трудно уследить за теми и за другими.

И вдруг, перекрывая шум, ударили три резких хлопка. Мак обернулся — в окна домов враз исчезли ружейные стволы и лица, тут же опустились шторы.

Джой стоял как вкопанный, глаза у него выпучились. Рот широко открылся, по подбородку побежала струйка крови. Бессмысленным взглядом обвел он толпу и рухнул лицом вниз, рукой заскреб по земле. Охранники уставились на бьющееся в судорогах тело — они не верили своим глазам. Шум и свист стихли, теперь на людей так же страшно давила тишина. Забастовщики стояли не шелохнувшись, оцепенело уставясь на умирающего. Вот Джой приподнялся на руках — точно огромная ящерица — и снова рухнул на землю. По щебеночной насыпи расползлась лужица крови.

Толпа тяжело заколыхалась. Лондон, как в полусне, выступил вперед, и толпа двинулась следом; застывшие лица, оцепенелый взор. Охранники вскинули ружья, но забастовщики все надвигались, надвигались. Охранникам пришлось спешно расступиться: с другой стороны из дверей вагонов потоком хлынули люди. Шеренга забастовщиков изогнулась по краям, сомкнулась с набежавшими из вагонов, и вокруг убитого образовался круг, — так собирается паства вокруг пастыря.

Джим, не в силах унять дрожь, крепко вцепился Маку в рукав. Мак повернулся к нему.

— Бедняга Джой! Все ж и ему выпало кое-какую пользу принести. Знай он об этом, обрадовался бы. Ты, Джим, полюбуешься-ка на легавых! Да отпусти, наконец, рукав! Посмотри-ка, сдрейфили блюстителю порядка!

И верно: шерифова свита растерялась. Подавить мятеж, разнять драку — дела привычные. А здесь на них движется стеной множество людей, и глаза у них невидящие, как у лунатиков, — есть чего испугаться. Но позиции сдали не сразу, хотя шериф уже завел машину, да и полицейские мало-помалу отступали к своим мотоциклам.

А те, кого привезли сюда, чтобы сломить забастовку, уже выбрались из вагонов. Коекто тишком пробрался под вагонами на другую сторону, большинство же стояло, сучившись, подле Джоя.

Мак заметил у края толпы Дейкина, маленькие блеклые глазки на этот раз не бегали, смотрел он прямо, не мигая. Мак подошел к нему.

— Надо б убитого к вам на грузовичок — и в лагерь.

Дейкин медленно повернулся.

— Нам его трогать нельзя. Его увезет полиция.

Мак не выдержал:

— А что ж полиция мешкала, не схватила тех, кто из окна стрелял? Да посмотрите, стражи порядка сами напуганы до смерти. Давайте увезем тело. Он еще поможет нам сплотить ребят, поднять их на борьбу. А все вместе они почувствуют свою силу, будут до последнего сражаться.

Дейкина передернуло.

— Сердца у вас нет! Одни забастовки на уме.

— Дейкин, этот человек жизнь отдал, чтобы помочь нам, — вмешался Джим. — Так не

отказывайтесь от его помощи!

Дейкин медленно перевел взгляд на Джима, потом снова на Мака.

— А откуда вы знаете, что он собирался делать? Из за этого проклятого шума ничего не услышать.

— Мы его знаем, — ответил Мак, — он наш приятель.

Взгляд у Дейкина сделался неприязненным.

— Ваш приятель! И вы даже сейчас его в покое не оставляете, даже из мертвого пользу извлечь хотите. Сукины дети! Сердца у вас нет!

— Да что вы о Джое знаете?! — вскипел Мак. — Плевать он хотел на покой! Ему дело подавай, он только не всегда умел правильно за него взяться! — И совсем уже вне себя прокричал: — А теперь он может нам помочь, а вы отказываетесь!

Кое-кто обернулся на крик, но равнодушно, почти без любопытства. Дейкин внимательно и долго смотрел на Мака.

— Ладно, не буду мешать, — только и сказал он. Мак с Джимом немедля стали проталкиваться сквозь плотную толпу, расступались перед ними не враз и неохотно.

— Ну-ка, пропустите, ребята! — прикрикнул Мак. Надо ж нашего товарища унести.

С трудом подавшись назад, люди чуть расступились.

К Джиму с Маком протискался Лондон, сам принялся прокладывать путь. Джой больше не шевелился. Чуть ото двинув людей, Лондон перевернул Джоя, смахнул с его губ налипшую землю. В глазах убитого еще таилось лисье лукавство, на губах застыла страшная улыбка.

— Не трогай его, Лондон, — попросил Мак. — Оставь как есть.

Лондон взял Джоя на руки. В могучих руках тело казалось особенно невидным. На этот раз перед Лондоном расступились сразу, нестройной колонной двинулись следом.

У зеленой машины Дейкина стоял шериф в окружении свиты. Лондон остановился, за ним — все остальные.

— Мы заберем тело, — сказал шериф.

— Нет, его вам никто не отдаст.

— Вы, забастовщики, застрелили своего противника. Мы возбудим против вас дело, а труп я отвезу следователю.

В глазах у Лондона полыхнул огонь.

— Вы что, не поняли, мистер?! Не уберетесь подобру-поздорову, убьют вас, убьют, понятно? И больше ни слова! Ясно?!

Толпа, казалось, разом вздохнула.

— Ладно. Я с вами еще разберусь! — пригрозил шериф. Однако и он, и его свита отступили. По толпе про шел легкий ропот, словно стон. Лондон поднял тело Джоя в кузов машины, залез сам, подвинул мертвеца, прислонив его к кабине.

Дейкин завел мотор, развернул грузовик, вывел на улицу, угрюмая и грозная толпа — следом. Шли молча, тяжело, слышалось лишь шарканье ног.

На этот раз мотоциклисты их не сопровождали. Так и двигалась процессия по пустынным улицам. Мак с Джимом шагали чуть сбоку.

— Его убили «бдительные»? — спросил Джим.

— Да. Но они перестарались.пустили пар, народ выстрелов не услышал — иначе, наверное бы, разбежались. А тут — шумит, свистит. Да и произошло все в одно мгновение, люди просто не успели испугаться. Одним словом, маху дали «бдительные».

Они брели по дороге чуть в стороне от толпы.

— А кто такие «бдительные». Мак? Что вообще за люди?

— В любом городе это самый дерьмовый народ. Такие вот сжигали дома стариков немцев во время войны. Такие, как они, линчуют негров. Зверства им по душе. Терзать людей для них удовольствие, причем всякий раз они прикрываются красивыми фразами: то ими движет патриотизм, то стремление отстоять конституцию. А на деле душегубы и мучители! Хозяева их ловко используют, говорят, к примеру, «народ нужно защитить от красных». И «бдительные» начинают безнаказанно жечь дома, избивать людей. Ничего другого им и не надо. Сами они — подлые трусы: стреляют из-за угла, на одного в десятером наваливаются. По-моему, на всем белом свете таких подонков не сыскать. — Взгляд Мака скользнул по грузовику, задержался на теле Джоя. — Во время войны у нас в городке жил маленький толстячок немец, портной. Так вот, человек пятьдесят «патриотов» собрались у его дома, подожгли, а самого избили так, что живого места не осталось. «Бдительные» — молодцы против овцы!

Недавно прострелили трассирующими пулями бак с керосином загорелся склад. У них даже смелости не хватило подойти и спичкой чиркнуть!

Процессия свернула на грунтовую дорогу, подняв облако пыли. Мало-помалу оцепенение отпускало людей, кое-где занялся тихий разговор. Тяжело ступали натруженные ноги.

— Бедняга Джой! Такой был славный малый. Сколь ко ж ему в жизни тумачков досталось! — вздохнул Джим. — Как и мой отец, такой же неумный.

— Не к чему Джоя жалеть! — сурово бросил Мак. Знай он, что делу послужил, был бы горд. Ему всегда хотелось вести людей за собой. Так вот, люди за ним пойдут, хотя он уже будет в гробу.

— А как насчет приезжих. Мак? Кое-кто из них с нами увязался.

— Конечно, кто-то сразу к нам примкнул, а остальные предпочли смыться поскорее. Да и из наших не все возвращаются. Так что, сколько нас было, столько, примерно, и осталось. А разве ты сам не видел, как некоторые — шмыг под вагон и наутек? А теперь посмотри на тех, кто с нами. Их будто сперва сонным газом одурманили, а сейчас вот просыпаются. Очнутся — и их не удержать, все сметут.

— Похоже, легавые это почуяли, — согласился Джим.

— Еще бы! Раз толпа идет тихо, раз морды у всех алые, полиции самое время сматываться.

Они уже подходили к ферме Андерсона.

— Что будем сейчас делать, Мак?

— Сначала надо устроить похороны, потом выставим пикеты в садах. Сейчас все ясно: наших «подменщиков» впредь на грузовиках будут доставлять.

— Мак, ты по-прежнему считаешь, что нам не победить?

— Да кто его знает. Уж больно в этой долине у хозяев организация хороша. Кучка людей почти все к рукам прибрала: и землю, и суд, и банки — попробуй подступишься. Они сразу все рычаги в ход пустят: кому в кредите откажут, кого за решетку упрячут, а остальных подкупят.

Грузовик Дейкина подъехал к стоявшим при дороге машинам и затормозил. Набежали охранявшие лагерь, толпа смешалась. Около очевидцев собирались люди послушать, как было дело. К машине спешил доктор Бертон. Лондон, ехавший в кузове, встал во весь рост. Голубая рубашка спереди окрасилась кровью Джоя. Бертон взглянул на тело.

— Мертв?

— Да, его пристрелили.

— Перенесите тело ко мне в палатку, — распорядился Бертон.—Я его осмотрю.

Вдруг из-за палаток раздался неистовый визг, потом что-то забулькало. Все как один обернулись на крик и замерли.

— Свиныю режут, — пояснил Бертон. — Сегодня из города живую свинью привезли. Тело несите ко мне в палатку, — повторил он.

Лондон устало нагнулся, снова взял Джоя на руки. За ним направилось множество людей. У большой армейской палатки доктора они остановились, а Мак с Джимом последовали за Бертоном. Молча глядели они, как расстегивал он окровавленную рубашку на застывшем теле, как осматривал рану на груди.

— Так, все понятно.

— Док, вы его не узнали?

Бертон всмотрелся в искаженное лицо.

— Я встречал его раньше.

— Конечно. Это же Джой. Вы едва ли не каждую косточку ему вправляли.

— Ну, вот и отмучился. Настырный был малый. В город тело отвезти все же придется. Следователь должен дать заключение.

— Отвезти-то мы отвезем, а что если они его тишком и захоронят? усомнился Лондон.

— Пошлем сопровождающих, чтоб обратно его привезли. Пусть оцепят морг, и пока тело не отдадут, никого не впускают. Дураки эти «бдительные», небось и сами видят теперь, что просчитались.

Приподняв полог, в палатку вошел Дейкин.

— Быстренько они со свиньей управились. Уже жарят.

— Дейкин, попросите ребят, пусть сколотят помост. Нужно на него гроб поставить и с речью к людям обратиться.

— Представление хотите устроить, да?

— Как же, представление! Вы неверно поняли меня, Дейкин. Подумайте сами, чем нам воевать? Камнями да дубинками. У индейцев и то были луки да стрелы. А возьми мы хоть ружьишко, чтоб за себя постоять, тут же войска вызовут. Закричат — революция! У нас почти нечем воевать, потому и приходится использовать все средства. Погибший был моим другом. Поверьте, он бы церемониться не стал, в любом качестве помочь был бы рад. И выбора сейчас у нас нет — без его помощи не обойтись. — Он немного помолчал. — Неужели вы, Дейкин, не понимаете? Мы привлечем на свою сторону множество народа, если на людях Джоя похороним. Нам важно их мнение.

Лондон медленно кивал тяжелой головой.

— Ребята дело говорят.

— Что ж, Лондон, коли и ты с ними, решай сам, Кому-то придется выступить с речью, только на меня не рассчитывайте.

— Ничего, я сам выступлю! — повысил голос Лондон. — Я видел, как этот малый к нам направлялся. Я видел, как его подстрелили. Так что найду что сказать, если ты не хочешь!

— «Я видел, кто убил дрозда», — продекламировал Бертон.

— Чего?

— Да так. Стишок детский вспомнил. Давайте-ка тело поскорее к следователю.

— Ребят с ним пошлю, чтоб ни на минуту не оставляли без присмотра.

Снаружи позвал Джим:

— Мак, выходи. С тобой Андерсон хочет поговорить.

Мак спешно вышел из палатки. Андерсон стоял рядом с Джимом поникший и состарившийся.

— Что вы натворили! — яростно заговорил он.

— А что случилось, мистер Андерсон?

— Так-то вы нас защищаете?

— Как? Наши ребята вас в обиду не дадут. Так что же случилось?

— Случилось! Сожгли у моего Альфа фургончик вчера вечером! Несколько человек на него набросилось, руку сломали да шесть ребер. А кафе дотла спалили!

— Надо ж! — воскликнул Мак. — Я думал, они на это не пойдут!

— Пока вы думали, они дело делали.

— А где Альф сейчас?

— Дома лежит. Мне пришлось его из больницы забрать.

— Доктора мы дадим. Сходим проведаем.

— Почти две тысячи долларов! — воскликнул старик. Альф копил-копил, да и я ему помог. И тут вы заявились! И вот он — нищий!

— Я вам очень сочувствую, — сказал Мак.

— Толку-то от вашего сочувствия! Альфу кафе не вернешь! Руку да ребра ему новые не поставишь! И где та ваша защита? Ведь они в следующий раз мой дом спалют.

— Мы выставим охрану.

— Охрану? Да на шиша мне ваши голодранцы! И за чем я только вас пустил. Я из-за вас по миру пойду! закончил он на высокой фальцетной ноте, в глазах старика стояли слезы. — Что вы натворили! Вот как мы расплачиваемся за то, что с красной поганью стакнулись!

Мак попытался успокоить его.

— Пойдемте проведаем Альфа, — предложил он. Альф — отличный парень, мне хотелось бы его навестить.

— Да на нем живого места нет! Ему и голову-то всю разбили!

Мак мало-помалу оттеснял старика в сторону — на громкие крики стал собираться народ.

— В чем вы нас-то вините? — спросил Мак. — Не мы ж вам зло причинили, а ваши разлюбезные соседи.

— Да никакой беды б не случилось, не свяжись мы с вами!

Терпение у Мака лопнуло.

— Вот что, мистер! Нам жалко, конечно, что вам так крепко досталось! Но маленьким людям вроде нас с вами всегда достается. Так мы и боремся за то, чтобы больше не страдать.

— Кафе Альфа стоило тысячу восемьсот долларов! Да мне теперь и в городе-то не показаться — ребятами камнями забрасывают. Вы нас по миру пустили, вот что!

— А что Альф об этом думает? — спросил Мак.

— Да Альф такой же, как и вы, красный! Винит во всем лишь тех, кто с ним расправился.

— У Альфа светлая голова, — заметил Мак. — Он видит в частностях закономерность. Вам, конечно, нелегко на своих плечах беду такую вынести. Во всяком случае, сейчас вас не тронут, за вами — сотни наших ребят. И они не забудут, что вы для них сделали. Сегодня же ночью выставим охрану около вашего дома. А доктору я скажу, он скоро заглянет к вам, осмотрит Альфа.

Старик повернулся и понуро зашагал прочь.

Низко над землей стелился дым от плит. Запахло жареной свининой, стали собираться люди. Мак все глядел вслед Андерсону.

— Ну как, Джим, понял, каково быть партийным? Об этом только в книгах красиво пишут — романтика. Дамочки щебечут о «правлящем классе», который «попирает интересы рабочих». А быть партийным — тяжкая ноша. Ведь для этого несчастного старика тот фургончик милее всего на свете. А спрос с меня! Я-то думал, что привезу тебя сюда, обучу кое-чему, чтоб ты уверенности набрался, а сам, видишь, только жалуюсь, ною без конца. Вместо того, чтоб тебя подбадривать, наоборот... Что за черт! За малыми заботами так трудно главное не потерять. Ну, чего ты все молчишь да молчишь?

— Да ты мне и слова сказать не даешь.

— И верно. Ну, говори! Пока у меня все мысли о бедняге Джое, о том, как его подстрелили. Он, конечно, не ахти какой умник, но уж отваги хоть отбавляй.

— Славный мужичок был.

— Помнишь, как он говорил? «Меня бьют, а я им все одно: суки вы!» Ох, Джим, как паршиво, пусто на душе, не дай тебе бог это испытать.

— Может, подкрепишься жареной свининой и по легчает.

— Пожалуй, ты прав. Утром-то я толком и не поел. Пойдем перекусим.

От шоссе к веренице машин подъехал большой грузовой фургон. Из кабины суетливо выскочил человек и направился к лагерю.

— Кто у вас здесь главный? — начальственным тоном спросил он у Мака.

— Дейкин. Вон он, там, в большой палатке.

— Я — следователь. Приехал за телом.

— А где ж ваша охрана?

Человечек лишь фыркнул.

— На что мне охрана? Я следователь. Так где покойный?

— Вон в той белой палатке. Вас дожидается.

— Что ж сразу не сказал? — И, фыркая и пыхтя, точно паровоз, он отошел.

— Слава богу, что среди наших противников таких мало, — вздохнул Мак. — Этот недомерок не трус. Один приехал. Даже на Джоя чем-то смахивает.

Они подошли к кухне. Двое мужчин пронесли мимо них тело Джоя, позади важно вышагивал следователь.

У плит каждому прямо в руки давали кусок жирной свинины. Поевшие обтирали губы рукавом. На плитах еще шипели, дожариваясь, куски мяса.

— Пахнет аппетитно! — сказал Мак. — Давай-ка отведаем. Я голодный как волк.

Повара сунули им по куску непрожаренной свинины, и друзья отошли, мясо оказалось не таким уж жестким.

— То, что не прожарилось, не ешь, — предупредил Мак. — Доку бы сказать: пусть запретит сырую свинину есть. Заболеют же люди.

— Изголодались, ждать им уже не вмоготу, — ответил Джим.

10

Полное безразличие овладело людьми. Они безучастно глядели прямо перед собой. Казалось, нет сил даже говорить. Хмурые оборванные женщины вяло и равнодушно жевали мясо, и поев, вытирали руки о платя. Их мрачным безразличием напитался сам воздух окрест.

Мак с Джимом обошли лагерь, и Мак тоже помрачнел.

— Их нужно чем-то занять, неважно чем. Нельзя, чтоб они вот так сидели. Тогда забастовке, считай, конец. Эх! Ну что ж это с ними, а?! Ведь утром убили их товарища, и решимости должно прибавиться. А сейчас уже к вечеру идет, а они точно вареные. Надо де лом их занять. Ты посмотри, Джим, какие у них глаза!

— Да, пустые и равнодушные.

— И у каждого только за себя душа болит, каждый только и думает, как ему плохо, вспоминает небось, сколько денег на войне загребал. Вроде Андерсона. Каждый сам по себе.

— Надо что-то делать, чтоб расшевелить их. Ну что бы придумать?

— Уж и не знаю. Хоть яму заставляй всех рыть — чем не дело? Главное, чтоб все вместе — тянули, поднимали, тащили или просто шли плечом к плечу; а само дело не так уж и важно. Если их не расшевелить сейчас, они примутся друг друга колошматить. Скоро в них злоба закипит.

Проходивший мимо Лондон подхватил конец фразы.

— В ком это злоба закипит?

Мак обернулся.

— Привет, Лондон. Это мы о ребятах. Сейчас их ни на что не настроить — всяк сам по себе.

— Знаю. Я уж с этими бедолагами не первый день.

— Я к тому, что если мы их делом не займем, они передерутся.

— Уже дерутся. Те, что остались в лагере, утром затеяли потасовку. Один парень стал приставать к жене приятеля. Ну а тот — возьми и пырни наглеца ножницами. Доктору пришлось с ним повозиться, а то, поди, кровью б изошел.

— Видишь, Джим, я же говорил. Слышь, Лондон, Дейкин на меня сердит. Говорить со мной не станет. Ребят надо занять делом, пока бед не натворили. Пусть по кругу ходят, пусть хоть копают яму, а потом засыпают — что угодно, это неважно.

— Я все понимаю. А что, если составить из них сторожевые отряды, вроде пикетов?

— Мысль хорошая. Но суть ее мы до ребят еще не донесли.

— Ну и что, лишь бы их растрясти.

— Ты, Лондон — голова! Попробуй уговорить Дейкина, чтоб выслал в разные концы отряды человек по пятьдесят. Пошастают по дорогам, увидят где сборщиков яблок — пусть гонят в шею.

— Сейчас же и поговорю. — Лондон повернулся и за шагал к палатке Дейкина.

— Мак, я, пожалуй, пойду с пикетчиками, — предложил Джим.

— Нет, оставайся-ка при мне.

— Но, Мак, и мне нужно понюхать пороху.

— Ладно, иди с каким-нибудь отрядом. Но не отходи от ребят ни на шаг. Нас ведь уже здесь засекли, так хоть сам на рожон не лезь.

Вот Лондон и Дейкин вышли из палатки. Лондон что то быстро говорил.

— А знаешь, мы, пожалуй, дали маху, выбрав Дейкина вожаком. Уж очень крепко любит он свой грузовичок, свою палатку, детишек. Такой рисковать не станет. Лондона надо было главным. Ему терять нечего. Да только попробуй теперь уговори ребят сместить Дейки на и поставь Лондона. Правда, он им ближе, по-моему. А у Дейкина барахлишка многовато. Видишь, у него походная плита? Дейкин даже есть со своими людьми не садится. Давай-ка начнем с ребятами толковать, может, и удастся Лондона выдвинуть. А у Дейкина д уша за дело, видать, не болит. Нам же нужен человек, чтоб всех зажечь сумел.

— Мне пора, — сказал Джим, — вон Дейкин уже строит людей.

И он примкнул к группе человек в пятьдесят, отряд двинулся по дороге в противоположную от городка сторону. И враз пропала мрачность и безучастность. Бодро, хотя и не в ногу, шагал отряд.

Во главе шел худолыцый Сэм, на ходу он поучал своих людей.

— Запасайтесь камнями. Чтоб карманы не пустовали. С яблонь глаз не спускайте: нет ли кого меж деревьями.

Но в садах не было ни души. В отряде нестройно затянули песню.

Рождество пришло на наши острова.

А на островах — одни лишь острога.

Люди подтянулись, зашагали ровнее. Миновали перекресток, взметнув бурое пыльное облако.

— Как во Франции, — заметил кто-то. — Там тоже пылица, да грязница, ну точь-в-точь Франция.

— Да ты небось и во Франции-то не был.

— Был. Целых пять месяцев.

— На солдата не очень-то смахиваешь.

— А я и смахивать не хочу, хватит, нашагался строим то. Да и ранен шрапнелью был.

— Так где ж вся эта сволота? Ни души в садах не видно!

— Похоже, с ними покончено. Никто работать не вышел. И забастовке нашей скоро конец.

— Ты, никак, уж победителем себя видишь? Задницу от земли не оторвешь, а победить хочешь? Дурак ты дураком! — А что, утром мы и блюстителем порядка страху нагнали. Видишь, ни одного кругом не видно.

— Подожди, приятель, еще насмотришься, пока бастуем, — усмехнулся Сэм. — Вся голытьба на один лад, и ты туда же: сейчас тебе море по колено; глазом моргнуть не успеешь — а ты уж со страху в штаны наложил; а там глядишь — тебя уж и след простыл.

Нестройным хором всколыхнулись сердитые голоса:

— Ты нам мозги не пудри, скажи лучше, что делать?

— А кто ты такой, чтоб нас попрекать? Лучше о своем геройстве расскажи.

Сэм сплюнул на дорогу.

— Ну что ж, и расскажу. Я как раз был во Фриско в Кровавый Четверг. Двинул одному легавому так, что с лошади сшиб. Я был среди тех, кто стащил полицейские дубинки из столярной мастерской. Одну прихватил на память.

— Врешь ты, как сивый мерин! Никогда ты в порту не работал, всю жизнь бродяжничал да фрукты собирал.

— Да, бродяжничал, да, фрукты собирал. А знаешь, почему? Меня на всех судоверфях в черный список внесли.

— Так вот, — заносчиво бросил Сэм. Спорить с его последним заявлением никто не стал, и Сэм продолжал: Да я столько раз в переделки попадал, что вам, бродягам голозадым, и не снилось! — Его презрение подействовало: скептики присмирели. — А сейчас кончайте болтовню да смотрите в оба!

Некоторое время шагали молча.

— Глянь! Вон ящики.

— Где?

— Во-он там. У черта на рогах. В дальнем ряду.

Джим взглянул, куда указывали.

— Э-э, да там кто-то копошится! — воскликнул он.

— Ну, портовик, давай, покажи, на что ты способен! бросил кто-то.

Сэм остановился.

— Так как, ребята, будете слушать мою команду?

— Будем-будем, был бы толк.

— Ну что ж. Сейчас главное — спокойствие. Первыми не лезть, а то, случись подвох какой, вы сразу — деру! Пошли, ну-ка, не отставать!

Они свернули с дороги, перебрались через канаву и зашагали меж яблоневых рядов. Подошли к куче ящиков; с яблонь уже слезали сборщики, пугливо жались друг к другу.

У ящиков стоял учетчик. Когда пикетчики приблизились, он достал из ящика двустволку-дробовик и шагнул навстречу.

— Что, ребята, поработать захотелось? — крикнул он.

В ответ — лишь презрительные выкрики. Кто-то, сунув в рот два пальца, пронзительно свистнул.

— Уходите-ка вы отсюда подобру-поздорову, — предупредил учетчик. На этой земле вам находиться недозволено.

Пикетчики неспешно надвигались все ближе и ближе. Учетчик попятился к груде ящиков, там же столпились и сборщики, лица у них были обеспокоенные и испуганные.

Сэм бросил через плечо:

— Стой, ребята, дальше не надо. — Сам же выступил вперед. — Вот что, работяги, — обратился он к сборщикам, — переходите на нашу сторону. А то выходит, что вы, как последние предатели, исподтишка бьете. Идите к нам, будем вместе отстаивать свои права!

Учетчик не унимался:

— Уведи людей, пока я всю вашу шайку за решетку не упрятал.

Снова в рядах возмущенно закричали, засвистели. Сэм резко повернулся.

— Кончай базарить! Молчок, дурьи головы!

Сборщики пугливо озирались, готовясь к бегству. Учетчик старался их успокоить.

— Ребята, не поддавайтесь, они вас просто запугивают. У вас полное право здесь работать, коли охота есть.

Сэм заговорил снова:

— Послушайте, ребята, мы вас зовем с собой, не упускайте возможность!

— Ребята, он вас запугивает! — крикнул учетчик. Кто они такие, чтоб за вас решать.

Сборщики стояли молча.

— Ну так как? — спросил Сэм.

Те промолчали. Сэм медленно пошел в их сторону.

Дорогу ему преградил учетчик.

— Ружье у меня заряжено крупной дробью. Если не уберешься подобру-поздорову, пристрелю.

Сэм, не останавливаясь, спокойно проговорил:

— Никого ты не пристрелишь. Ну, пальнешь в одного, а остальные тебя в лепешку раскатают!
— голос звучал ровно и бесстрастно.

Пикетчики, держась метрах в трех от Сэма, медленно наступали на учетчика. Вот Сэм подошел едва ли не вплотную, в грудь ему уперлось ходившее ходуном ружейное дуло.

— Мы просто хотим потолковать, — сказал он и вдруг резко нырнул вниз и в сторону, в ноги учетчику. Ахнул выстрел, заряд ударил в землю. Сэм ловко перевернулся, саданул учетчика коленом в пах и вскочил на ноги — его противник хрипло стонал от боли и кат ался по земле.

На мгновение пикетчики и сборщики замерли друг перед другом, потом последние пустились наутек, но слишком поздно: ребята Сэма с криками и руганью налетели на них, быстро сломили сопротивление и, не скупясь на удары, погнались прочь.

Джим стоял чуть поодаль. Вот он увидел, что один из сборщиков собирается улизнуть, поднял с земли твердый ком, запустил в беглеца и угодил тому прямо в крестец. Человек упал, его тут же окружили пикетчики, принялись бить ногами, топтать, слышались лишь крики поверженного. А Джим равнодушно созерцал учетчика: лицо у того побелело от боли, покрылось испариной.

Сэм выбрался из толпы дерущихся и подбежал к тем, кто затапывал упавшего.

— Кончай, ребята, вы что, спятили?! — заорал он.

А они все били и били, и из глоток их вырывался рык, на губах выступила пена, Сэм схватил пустой ящик, двинул кому-то по голове.

— До смерти не бейте! — крикнул он. — Не бить до смерти!

Слепая ярость как нахлынула, так и схлынула — враз. Пикетчики, тяжело дыша, отошли от своих жертв. Джим с холодным сердцем посмотрел на лежавших и стонавших, их было человек десять, лица у всех расквашены. У одного разорвана губа, видны окровавленные десны и зубы; другой горько, по-детски плакал — ему вывихнули руку в локте. Сейчас злоба спала и пикетчикам было тошно смотреть, что натворили они, точно ядом, налитые гневом. И силы оставили их: вот один схватился за голову, будто от нестерпимой мигрени и. А другой неожиданно завертелся волчком и захрипел. С дальнего конца яблоневого аллеи хлопнул ружейный выстрел. Оттуда бежали пятеро, приостанавливались, стреляли и бежали дальше, вперед.

Пикетчики бросились врассыпную, стараясь меж яблонями скрыться от пуль.

Джим побежал вместе со всеми. В душе у него поднимался крик: «Против ружей нам не выстоять!» — Слезы застили глаза. Вот что-то крепко ударило в плечо, он едва не упал.

Пикетчики добежали до дороги, перескочили за обочину, то и дело оглядываясь.

Последним бежал Сэм, рядом — Джим.

— Все! Они отстали! — крикнул он.

Однако, поддавшись слепому страху, многие пикетчики бежали дальше, искали спасение за поворотом. Сэм догнал основную группу.

— Да остановитесь же вы! Успокойтесь! Никто больше за вами не гонится!

Они остановились на обочине, перевели дух.

— Кто из наших пострадал? — спросил Сэм.

Пикетчики лишь переглядывались. Джим сказал:

— Я видел, как одного подстрелили.

— Ну, ничего, авось оправится. Его в грудь ранили. — Сэм пристально взглянул на Джима. — А с тобой-то что, парень? Вон кровячки сколько.

— Где?

— Да вся спина в крови.

— Может, на сук напоролся?

— Как бы не так! — Сэм стянул голубую куртку с плеч Джима. — Тебя кое-что пострашней оцарапало. Рукой двинуть можешь?

— Могу, только онемела чуток.

— Значит, кость не задета. Только сухожилие. Крепкая у тебя броня, парень. И крови, видно, не так уж много потерял. Ну, что, ребята, возвращаемся? Сейчас легавых целая стая налетит.

Пикетчики быстро зашагали вдоль дороги. Сэм обратился к Джиму:

— Если сил маловато, давай помогу.

— У меня-то сил хватит. А вот у всех у нас маловато.

Сэм горько вздохнул.

— Да, мы смельчаки, когда нас в пять раз больше: отбивных понаделали из предателей.

Джим спросил:

— Убили кого?

— Вроде нет. Хотя кое-кто долго себя не узнает.

— Господи! Страшно смотреть! Ты видел того, что с порванной губой?

— Не беда, зашьют. А что нам оставалось делать? Что? Если «незваные гости» на нашу сторону не перейдут, так надо их хоть поугаить.

— Понятно, я вовсе о них и не беспокоюсь, — бросил Джим.

Далеко впереди завывала сирена. Сэм приказал:

— Прыгайте в канаву, ребята! Всем живо в канаву! Легавые едут! — и оглянулся, проверяя, все ли затаились в глубокой придорожной канаве. Мимо пророкотали полицейские мотоциклы, скрылись за поворотом, следом проехала машина «скорой помощи». Никто не поднял головы, пока за поворотом не смолк шум моторов. Сэм вскочил первым.

— Вставай, ребята! Сматываемся!

Быстро, едва ли не бегом, продолжали путь. Близился закат, и на дороге обозначились голубоватые сумеречные тени. Тяжелая туча напознала на солнце носом огромного корабля, на котором играли пурпурные блики. Протарахтела, возвращаясь, «скорая помощь», и пикетчикам вновь пришлось нырнуть в канаву. Потом проехали мотоциклы, медленнее на этот раз, полицейские осматривали междурядья, в придорожную канаву они не заглянули.

К вечеру пикетчики возвратились в лагерь. Джим едва держался на ногах. Плечо жгло огнем — казалось, в ране обнажился каждый нерв. Люди разбрелись по палаткам.

К Джиму направился Мак, заметив, что тот бледен, прибавил шагу.

— Что стряслось, Джим? Тебя ранили?

— Так, пустяки. Сэм говорит, плечо прострелили. Мне-то не видно. Ничего, терпеть можно.

Мак потемнел лицом.

— Не нужно было тебя посылать, словно предчувствовал.

— Это почему же? Что ж, сидеть сложа руки?

— Да как бы лежать сложа руки не пришлось! За тобой глаз да глаз нужен. Пошли, доктор тебя осмотрит. Только что здесь был. А, вон он. Эй, док!

И они отвели Джима в белую палатку.

— Мы ее только что получили. Решили под госпиталь определить, пояснил Мак.

Быстро надвинулась осенняя ночь, да к тому же небо на западе заволокла огромная туча. Мак держал фонарь, а Бертон, закатав рукав рубашки раненого, промыл рану теплой водой с марганцовкой.

— Повезло вам, — сказал он. — Попади пуля в кость, все плечо бы разнесло. А так она насквозь прошла, только мышцу пробуравила. Конечно, пока рукой не очень-то пошевелишь.

Он сноровисто прочистил рану с помощью зонда, перевязал, залепил сверху пластырем.

— Здоровее здорового будете. Денька два потерпите. Я, Мак, собираюсь проведать Альфа Андерсона. Пойдете со мной?

— О чем речь, конечно! А Джим пусть кофе выпьет, и сунул тому в руку жестяную кружку с черным, скверным кофе. — Садись, — предложил он. Придвинул ящик и усадил Джима, сам устроился подле него на земле. Ну, так что у вас там случилось?

— Мы на этих пришлых иуд наткнулись, ну и ребята давай их лупить. Удержу не знали. Сколько морд расквасили.

— Знаю, — тихо проговорил Мак. — Ужасно, но что поделать, они к нам переходить не хотели. Мы вынуждены так поступать. Конечно, неприятно смотреть, когда режут овцу, но ведь нам нужна баранина... Ну, а дальше что?

— Потом прибежали пятеро и открыли стрельбу. Наши — деру, только пятки засверкали. Не устояли.

— Да и как им устоять, Джим? Против ружей голыми руками не повоюешь.

— Я и не заметил, как меня ранило. Видел, как один из наших упал. Не знаю, убит или ранен.

— Да, картинка что надо. Другие пикеты удачливее: привели с собой человек тридцать из «подменщиков», что на нашу работу позарились. Просто позвали с собой, те и пошли. — Мак тронул Джима за ногу. — Ну, как плечо-то, болит?

— Немного.

— Да, чуть не забыл. Похоже, у нас вожак сменится.

— Что, Дейкина сместили?

— Нет, но считай, его уже нет. Дик сообщил, кто достал одеяла. Ну, отрядил Дейкин шестерых и поехал с ними на своем новехоньком грузовичке. Один из этих шестерых потом вернулся и рассказал, как дело было. Погрузили, значит, они эти одеяла и обратно. Не успели из города выехать, шину прокололи — на дороге кто-то гвоздей понатыкал. Остановились шину сменить. Тут откуда ни возьмись — дюжина молодчиков с винтовками, одни их окружили, не пускают, а другие в пух и прах разнесли грузовик, даже остов сожгли. А Дейкин стоит, — на него ружье нацелено, сначала побледнел, как смерть, потом посинел, да как завоет — ни дать, ни взять — волк, — да как бросится на своих обидчиков; его в ногу ранили, а ему хоть бы что! Бежать не может, так пополз, на губах — пена, как у бешеной собаки, в общем, свихнулся мужик, понимаешь, свихнулся! Видать, он этот грузовик пуще жизни любил. Парень тот, что вернулся, говорит, смотреть на это нет сил: как он полз за ними, хотел укусить. Рычал — ну, точно, бешеный. Потом полиция появилась, и молодчиков этих, «бдительных», как корова языком слизнула. Подняли Дейкина, потащили с собой. Парень, что рассказывал, сам за эвкалиптом схоронился. Говорит, Дейкин как вцепится зубами легавому в руку точно клещами, намертво, пришлось отверткой ему в зубы ткнуть, чтобы отпустил. Да, а я еще про него говорил, вот, дескать, железный человек, не дрогнет. Сейчас он в тюрьге. Я думаю, на его место Лондона выберут.

— Да, Дейкин и мне казался волевым человеком. Слава богу, я до его грузовика и пальцем не дотронулся.

Мак наскреб рукой кучку земли, пришлепнул сверху.

— Беспокоюсь я, Джим. Дик сегодня продуктов не прислал. И весточки никакой, одни только одеяла. Сегодня еще сварят остатки фасоли со свиными костями, а завтра — лишь немного маисовой каши.

— Ты думаешь, он попался?

Мак похлопал рукой по земляной пирамидке.

— Дик — парень не промах. Вряд ли его схватили. Что случилось — не знаю. А жратву раздобыть надо. Если ребят вовремя не покормишь — пиши пропало.

— Может, он ничего не сумел набрать. Прислал утром свинью — и все.

— Да, и ее уже съели с фасолью. Дик знает, как много нужно, чтобы прокормить такую ораву. Он уже должен был собрать на подмогу наших сторонников.

— Ну, а как настроение у ребят?

— Сейчас получше. Сегодня они получили хорошую встряску. Конечно, боевого запала надолго не хватит, но завтра похороны убитого товарища тоже на время их дух поднимет, — он выглянул из палатки. — Ты только посмотри, какая тучища! — Выбрался наружу, за драл голову. Огромная черная туча заполонила небо. Набежал колючий ветер, погнал пыль, дым костров, захлопал брезентом палаток, всколыхнул кроны яблонь окрест.

— Похоже, не обойдется без дождя, — заметил Мак. Эх, до чего ж некстати! Зальет наш лагерь как крысиную нору.

— Мак, что ты все волнуешься: то ли будет, то ли нет. Чего беспокоиться? Ребята и под открытым небом ночевали, не привыкать. И от дождя не размокнут. Ты напрасно дергаешься.

Мак снова уселся на землю.

— Может, и напрасно. Ты прав, Джим. Может, мне уже мерещится, только я очень боюсь за нашу забастовку. Столько раз наши труды шли насмарку.

— Ну и что? Ну и что ж, что насмарку? Ты сам говорил, главное, чтоб волнения не затухали.

— Да помню. Не в том дело, продержимся мы еще день-другой или нет. Главное, ребята не забудут, как убили Джоя, как разбили грузовик Дейкина.

— Ты, Мак, прямо как старуха причитаешь.

— Понимаешь, это моя забастовка, вроде как детище. И вот сейчас на моих глазах оно гибнет.

— Да не придумывай!

— Не тебе судить!

— Я как раз думал об этом утром. Ты хорошо знаешь историю?

— Так, чуть-чуть. Чему в школе научили. А что?

— Помнишь, как греки победили при Саламине?

— Учил, наверное, но не помню.

— Так вот, греческий флот оказался заперт в тесной бухте. Охота на край света сбежать. А тут на них персидская армада прет. Ну, командир греков видит, что настроение у людей совсем не боевое, и шлет персам совет, чтоб те все пути к отступлению им, грек ам, отрезали. Смотрят греки утром: без боя не убежать, не увильнуть И дали персам бой. Разбили их флот наголову. — Джим замолчал.

Мимо стали проходить люди — на плитах разогревалась еда.

Мак похлопал ладонью по земле.

— Я понял тебя, Джим. Пока еще не время, но, как знать, вдруг и твой совет пригодится. Мысль хорошая, и грустно добавил: — Я взял тебя сюда, чтобы учить, а, выходит, сам учусь у тебя.

— Чушь!

— Ну, чушь, так чушь! Любопытно, как это люди всегда точно определяют, когда еда готова. Прямо телепатия какая-то. А может, и у людей такое же, как у стервятников, чутье? Видишь, потянулись. Пойдем-ка и мы с тобой, Джим, перекусим.

11

Их ждала фасоль, сваренная в свином сале. Захватив в палатке котелки, Мак и Джим встали в очередь; им плеснули немного варева, они отошли. Джим достал из кармана деревянную лопаточку, ткнул в котелок, попробовал.

— Это невозможно есть.

— Раньше тебя лучше кормили, а? Хочешь — не хочешь, а съешь, сказал Мак, попробовал из своего котелка и тут же выплеснул все наземь. — Выбрось, Джим, от этого наизнанку вывернет, один жир. Да, ребята шум поднимут.

Они посмотрели на сидящих подле палаток — люди давились, но ели. Грозовая туча поглотила зажегшиеся звезды.

— Ну и достанется нашим поварам. Пойдем-ка в палатку к Лондону.

— А где палатка Дейкина, что-то не видно.

— И не увидишь. Его жена забрала все вещи и вернулась в город. И палатку захватила. Чудной парень этот Дейкин: еле-еле душа в теле, а о добре не забывает. Идем разыщем Лондона.

Они пошли вдоль палаточной улочки. Вот и серая палатка Лондона. У него горел свет. Откинув полог. Мак вошел. Лондон сидел на ящике и держал в руке открытую банку сардин. Его невестка, смуглянка Лиза сидела на циновке и кормила малыша. Увидев Джима и Ма ка, она прикрыла его и грудь лоскутом одеяла, улыбнулась гостям и вновь занялась ребенком.

— Вовремя пришли, прямо к обеду! — усмехнулся Мак.

Лондон смутился.

— У меня кое-что осталось...

— Ты пробовал, что нам приготовили?

— Ага.

— Надеюсь, что и у ребят тоже кое-что осталось. Их надо лучше кормить, иначе они на нас бочку покатают.

— А кормить-то их, похоже, больше нечем. У меня есть еще банка сардин. Хотите?

— Не откажемся. — Мак проворно выхватил протянутую банку и мигом открыл. — Доставай-ка нож, Джим. Уговорим на пару эту баночку.

— Как у тебя рука? — спросил Лондон.

— Ничего не чувствует, — ответил Джим.

Снаружи слышались голоса.

— Вот здесь, где свет горит.

Полог приподнялся, и вошел Дик. Волосы аккуратно расчесаны, в руках — серая кепка. Серый костюм — без пятнышка, только слегка помят. И лишь по запыленным башмакам можно догадаться, что он немало прошел по сельским дорогам. Он постоял у входа, огляделся.

— Привет, Мак. Привет, Джим, — потом повернулся к кормящей. — Как дела, крошка?

У той сразу потеплели глаза, зарумянились щеки. Она кокетливо накинула одеяльный лоскут на плечи.

Мак повел рукой.

— Знакомьтесь, это — Лондон, это — Дик.

— Привет, — бросил Дик и приподнял руку. — А в городе все ж таки смекнули, что к чему.

— Не понимаю. Ты-то что здесь делаешь?

Дик вытащил из нагрудного кармана газету, протянул Маку. Тот развернул ее, и Лондон с Джимом вперились в страницу.

— Это утренний выпуск, — пояснил Дик.

— Ишь, пострел, везде поспел! — воскликнул Мак. Заголовок гласил: «Администрация поддерживает забастовку! На общем собрании окружного Совета было единогласно принято решение — обеспечить продовольствием бастующих сборщиков яблок».

— Да, похоже, смекнули, это точно! Ну и как. Дик, есть уже результаты?

— Еще бы!

Вмешался Лондон:

— Думаю, нам брыкаться не след. Хотят нас ветчиной да яйцами кормить — я не возражаю.

— Было бы чему возражать! — язвительно бросил Мак. — Они, видите ли, хотят! А не пишут в газете, что часом позже собрались снова и отменили первое решение.

— Что еще за шутки? — рыкнул Лондон. — Какого черта тогда вся болтовня?

— Знаешь, Лондон, — обратился к нему Мак, — это старый проверенный трюк. Дик бросил клич среди тех, кто нам сочувствует. И стали нам присылать еду, одеяла, деньги. А тут — эта газета. Дик, по привычке — с шапкой по кругу, а ему и говорят: «А с какой стати мы? Вон, округ вас кормит». Дик им: «Вранье все». А ему газеты в нос тычут, да упрекают, дескать, ты и сам, небось, на этом руки греешь. Вот как это делается. Лондон, сегодня нам какие-нибудь продукты от округа привозили?

— Нет.

— Ну, вот, и Дик с пустыми руками пришел. Теперь понимаешь? Нас хотят взять измором. И поверь, им это-раз плюнуть, если только нам не помогут. — Он по вернулся к Дику. — Надеюсь, ты хорошо поработал с нашими доброхотами.

— Лучше некуда, — кивнул Дик. — Работа — легче легкого. Чуток бы еще поднажать. Мне от вас, ребята, нужна бумаженция, удостоверяющая, что никаких продуктов вы не получаете. И чтоб подписал самый главный.

— Идет! — согласился Лондон.

— У нас много сторонников в Торгасе. Конечно, ассоциация садовладельцев так настроила местных, что наши радетели и пикнуть в открытую боятся — попрятались, как мыши в норы. Но я до их кладовок доберусь.

— До сих пор у тебя как по маслу все шло.

— Еще бы! Правда, с одной старой девой заминка вышла. Уж очень ей хотелось помочь нашему делу, а помощь — не приведи господь!

Мак рассмеялся.

— Да тебе стоит до съестного добраться — ничто и никто не остановит, куда ж там бедной старой деве. Может, и впрямь она решила последнее отдать для нашего дела?

Дик поежился.

— Ну да, «последнее» у нее оказалось- шестнадцать топорщ.

— Вот что, сейчас получишь бумажку, что просил, и — в путь. На дорогах тебя не засекли?

— Не знаю, может, и засекли. Я на всякий случай вызвал Боба Шварца. Если меня за бродяжничество схватят — а дело, похоже, к этому идет, — Боб меня заменит.

Лондон порылся в ящике, достал бумагу, карандаш, протянул Маку, и тот написал «справку».

— Красиво у тебя получается! — восхищенно заметил Лондон.

— Правда? Ну, то-то. Может, мне и подписать за тебя, а, Лондон?

— Валяй!

— Ну и дела! — крикнул Дик. — Я и без вас мог не хуже написать! Он взял листок, тщательно сложил. Послушай-ка, Мак, говорят, одного парня кокнули?

— А ты и не знал? Джоя убили.

— Не может быть!

— Ей-богу. Он приехал с этими подонками — «подменщиками», решил было их на нашу сторону перетащить.

— Бедняга!

— Его сразу — наповал. Он и минуты не мучился.

Дик вздохнул.

— Да, от судьбы не убежишь. А Джою рано или поздно пули было не миновать. Похороны-то устройте?

— Завтра.

— Все выйдут?

Мак взглянул на Лондона.

— Какие могут быть сомнения! — фыркнул тот. Глядишь, и в городке нам посочувствуют.

— Да, Джой был бы доволен. Еще как доволен! Жаль, что он уж не увидит! Ну, мне пора. До встречи! — И, повернувшись, направился к выходу. Лиза подняла на него глаза. — До свидания, крошка. Может, и встретимся еще.

Лиза снова зарумянилась, рот чуть приоткрылся. Дик уже скрылся за пологом, а Лиза все смотрела ему вслед.

Мак снова заволновался.

— Господи! Да у них здесь круговая порука. Дик малый не промах, но если он еду не раздобудет, нам се ждать неоткуда.

— Ну что, будем помост строить к завтрашним выступлениям? спросил Джим.

Мак повернулся к Лондону:

— Ты уже распорядился?

— Завтра утром ребята его сколотят. Досок нет. Раздобыли пока только штакетины от забора. Большого помоста не выйдет.

— Не беда. Главное, чтоб всем ребятам Джоя было видно.

По лицу Лондона скользнула тревога.

— А что мне завтра говорить? Ты ж хочешь, чтоб я с речью выступал.

— К завтрашнему дню у тебя настрой будет самый боевой. Скажешь, что этот парень умер ради них всех. А если уж он жизни не пожалел, им и подавно сил щадить не надо — за себя же сражаются.

— Я речи держать не мастак, — посетовал Лондон.

— Ладно, пусть не речь. Просто поговори с ребятами. Не впервой. Просто поговори, лучше всякой речи получится.

— Ну, попробую.

Мак повернулся к молодой матери.

— Как там малыш?

Лиза покраснела, плотнее закуталась в одеяло. От длинных ресниц на щеки упала тень.

— Лучше некуда, — прошептала она. — Почти совсем и не плачет.

Полог палатки резко вздернулся, и вошел доктор, двигался он быстро и решительно, что никак не вязалось с печальным собачьим взглядом.

— Пойдете со мной, Мак? Я собираюсь проведать Андерсона-младшего.

— Непременно, док! — воскликнул Мак и бросил Лондону: — Охрану у дома Андерсона выставили?

— Выставить-то выставили, да добровольцев не нашлось, чуть не силой заставлял.

— Ничего не поделаешь. Пошли, док, и ты, Джим, если сил хватит.

— Да я уже здоров!

Бертон пристально взглянул на Джима.

— Вам бы сейчас в постели лежать.

Мак усмехнулся.

— Я уж боюсь его одного оставлять, не успеешь глазом моргнуть, он таких дел натворит. Пока, Лондон.

Ночь выдалась темная — ни звездочки — все небо заволочла огромная туча. В лагере тихо, лишь перешептываются мужчины подле небольших костров. Теплый недвижный воздух напитан влагой. Бертон и Мак с Джимом, не привлекая внимания, выбрались из лагеря и скрылись в ночной мгле.

— Боюсь, дождь пойдет, — вздохнул Мак. — И будут наши парни ровно мокрые курицы. Под дождем быстрее, чем под огнем, боевой дух исчезает. Палатки-то, поди, все протекают.

— Это уж точно, — подтвердил Бертон.

Они дошли до сада и зашагали меж рядами яблонь. Было так темно, что приходилось идти, вытянув вперед руки.

— Вы по-прежнему довольны забастовкой? — спросил доктор.

— Сейчас чуть меньше. Тут в долине людишки крепко друг за дружку держатся. Сейчас мы без пищи остались. Не раздобудем — наше дело труба. Ливанет дождь, и завтра же наша братия нас продаст ни за грош. Устали они просто. Чудно получается, док. Вот вы в наше дело не верите, а, похоже, до последнего с нами. Не понимаю я вас.

— Да я и сам себя не понимаю, — пробормотал доктор. — Я не верю в ваше дело, а вот в людей верю.

— Это как понимать?

— Трудно объяснить. Просто я верю, что они люди, а не скоты. Случись я на псарне, где собаки голодные, больные, неухоженные, я б им непременно помог, будь в силах. Ведь они ж не виноваты в том, что им плохо. Вы ж не попрекнете их, дескать, потому им т ак живется, что честолюбия ни на грош, осмотрительности — никакой, собаки и есть собаки. Не попрекнете же, верно? А постараетесь накормить, отмыть. Вот и я так. Кое в чем научился помогать людям, и как вижу обездоленного помогаю, особенно не раздумываю. Увидит художник холст. краски под рукой, и ему захочется рисовать; не станет он голову ломать, докапываться, откуда у него такое желание.

— Ага, ну теперь, вроде, понятно. Хотя надо уж очень бесчувственным быть, чтоб вот так стоять в стороне и только смотреть на людишек, а не жить с ними одной жизнью. Но, с другой стороны, док, чертовски умно придумано, рук не замараете.

— Кстати, Мак, у меня карболка кончается. Если не достанете, в лагере не больницей будет пахнуть, а кое-чем похуже.

— Постараюсь.

Метрах в ста засветил желтый огонек.

— Это и есть дом Андерсона? — спросил Джим.

— Похоже. Сейчас, наверное, на охрану наткнетесь

Но они дошли до калитки дома, а их так никто и не окликнул.

Мак вскипел:

— Черт побери, где же ребята? Вы, док, в дом идите а я пока похожу, поищу этих охранничков.

Бертон направился по тропинке к дому и вошел в ярко освещенную кухню. А Мак с Джимом пошли к сараю. Там они и застали охрану: мужики курили, развалясь на охапках сена. С крюка на стене свисала керосиновая лампа, тускло освещая пустые отсеки да множеств о ящиков с яблоками урожай Андерсона готов к отправке.

Мак вскипел было, но быстро унял гнев, заговорил спокойно и доброжелательно:

— Ребята, вас ведь не шутки ради послали. Мы узнали, что «бдительные» затевают коечто против Андерсона, вроде, отомстить хотят за то, что он нас на свою землю пустил. А представьте, если б не пустил? Гоняли бы нас сейчас по всему округу. Андерсон- сл авный старик, и мы его в обиду не должны давать.

— Да вокруг — ни души, — заговорил один из охраны. — Что ж нам всю ночь на ногах? Мы уж сегодня в пикетах нашатались.

— Ну, что ж, валяйте! — в сердцах крикнул Мак. Пусть усадьбу хоть с землей сравняют. Тогда уж Андерсон вышвырнет нас вон. Куда вы только денетесь?

— У реки лагерь разобьем.

— Черта с два! Да вас мигом за пределы округа выдворят! Будто сами не знаете!

Один из мужиков поднялся.

— Парень дело говорит, — проворчал он. — Пойдемте ка отсюда. У меня в лагере старуха осталась, и я не хочу ей зла.

— Оцепите дом и никого не пропускайте. Знаете, что они с сыном Андерсона сотворили? Сожгли его передвижное кафе, а самого избили до полусмерти.

— Альф всегда вкусно кормил, — припомнил кто-то.

Мужчины устало поднялись и вышли из сарая. Мак задул лампу.

— «Бдительные» любят по огоньку палить, — пояснил он. — Таких подставок они не упускают. Надо б и Андерсону сказать, пусть шторы опустит.

Охранники один за другим растаяли в темноте.

— Думаешь, они и впрямь будут сторожить? — спросил Джим.

— Эх, если бы! Минут через десять снова сюда припрутся. В армии расстреливают, если заснешь на посту. Мы ж так не можем. А без наказаний дисциплину не сохранишь.

Вот затихли и шаги охраны.

— Я их еще разок прищучу, когда обратно пойдем, пообещал Мак.

Они взошли на крыльцо, постучали в кухонную дверь. В ответ залаяли, запрыгали собаки. Слышно было, как они бросаются на дверь и как Андерсон успокаивает их. Вот дверь чуть приоткрылась.

— Это мы, мистер Андерсон.

— Заходите, — угрюмо бросил тот.

Собаки волчком закрутились подле гостей, замолотили длинными, твердыми хвостами, повизгивая от радости. Мак потрепал каждую за ушами, взялся за поводки.

— Вам бы их у дома держать, они б хорошо сторожили. Нашей-то охране никого не разглядеть — тьма кромешная, а собаки сразу почуют, если кто идет.

На кровати у плиты лежал Альф. Бледный, изможденный, казалось, он даже похудел: щеки обвисли. Он лежал на спине, одна рука у него покоилась на груди, на перевязи. На стуле рядом сидел док.

— Привет, Альф! — тихо поздоровался Мак. — Ну, как житуха?

Взгляд у того прояснился.

— Да нормально. Только болит все. Док говорит, придется мне в постели поваляться.

Мак наклонился и пожал Альфу здоровую руку.

— Полегче, полегче, — попросил тот. — С этого бока у меня ребра поломаны.

Подошел Андерсен — старший, глаза у него горели.

— Теперь сами убедились! Убедились, чем все кончилось! Фургон спалили, Альфа изувечили! Убедились теперь?

— Ради бога, перестань, отец, — невнятно пробормотал Альф. — К чему все снова ворошить? А тебя, вроде, зовут Мак?

— Верно.

— Так вот. Мак, как по-твоему, примут меня в партию?

— Ты, никак, хочешь бороться по-настоящему?

— Да. Как думаешь — примут?

— Думаю, примут, — медленно проговорил Мак. Я дам тебе бланк, напишешь заявление. Ради чего ты вступаешь, Альф?

Массивное лицо исказилось. Альф покрутил головой.

— Я все думаю и думаю, — начал он. — С той минуты, как меня поколотили. Думаю об этих парнях, никак мне их не забыть: дотла сожгли мой фургончик, меня ногами топтали, а на углу двое полицейских, стоят и смотрят. И пальцем не шевельнут. Нет, мне их не з абыть.

— И поэтому ты хочешь вступить в партию?

— Я хочу бороться с ними. Готов до последнего дня сражаться. Хочу быть с теми, кто против них.

— Сразу тебя предупреждаю, Альф, синяков и зуботычин ты схлопочешь куда больше. Тебя будут бить так. что живого места не останется.

— Что ж, пусть, но и им от меня пощады не будет. Бороться — так бороться. До сих пор я жил тихо-мирно, держал маленькое кафе, подкармливал босяков от случая к случаю...Голос у него прервался. На глазах показались слезы.

Доктор Бертон легонько коснулся его щеки.

— Вам, Альф, много разговаривать вредно.

— Я достану тебе бланк заявления, — пообещал Мак. — Чудно все-таки. Кого ни возьми из тех, кто к нам приходит, всех «благословила» полицейская дубинка. Стоит легавым отдубасить дюжину ребят, у нас сразу пачка заявлений о приеме. Да, нашим агитаторам за полицией не угнаться, а в Лос-Анджелесе прямо «красная» полицейская бригада орудует — такое они нам пополнение дали. Не знаю, примут ли тебя, но я постараюсь, чтоб приняли. — Мак хлопнул Альфа по здоровому плечу. — Надеюсь, все будет, как надо. Ты парень славный. И не вини меня за фургончик.

— Ну что ты. Мак! Я знаю, кого винить.

Снова вмешался Бертон.

— Альф, тебе нельзя волноваться. Тебе нужен покой.

А старик Андерсон все не находил себе места. Собаки не отставали ни на шаг, подняв коричневые носы, принюхивались, помахивали упругими, точно хлысты, хвостами.

— Ну, теперь-то вы довольны? — в отчаянье бросил он. — Поручили все, что я нажил! Даже Альфа у меня отнимаете! Ну, рады-радешеньки небось?

— Не беспокойтесь, мистер Андерсон, — вступил Джим, — дом ваш охраняется; во всей долине только у вас собраны яблоки.

Мак спросил:

— Когда думаете вывозить?

— Послезавтра.

— Охрану с грузовиками послать?

— Как хотите, — смущенно пробормотал Андерсон.

— Думаю, с охраной надежнее, — решил Мак, — мало ли кому взбредет в голову вас от урожая избавить. Ну, а сейчас нам пора. Спокойной ночи, мистер Андерсон. Пока, Альф. Может, и не совсем плохо, что все так обернулось.

Альф улыбнулся.

— Спокойной ночи, ребята. Мак, не забудь бланк раздобыть.

— Не забуду. Мистер Андерсон, вам лучше опустить шторы. Вряд ли, конечно, они отважатся стрелять, но чем черт не шутит. Кое-где ружьишками баловались.

Дверь за гостями захлопнулась. Светлый квадрат на земле под кухонным окном исчез — в доме опустили шторы. Мак вслепую добрался до калитки, вывел спутников, вышел сам, закрыл.

— Подождите меня здесь, — попросил он, — пойду проверю охранников. — И растворился во тьме.

Джим с доктором стояли рядом.

— Берегите плечо, — посоветовал Бертон, — а то бед с ним не оберетесь.

— Я бед не боюсь. Они только на пользу.

— Да, я и предполагал, что вы из таких.

— Из каких — таких?

— А у вас, Джим, глаза, как у очень религиозного человека. Я и раньше среди ваших ребят таких встречал.

Джим вспыхнул.

— Какой же из меня религиозный человек! На что мне эта религия сдалась!

— Вы, пожалуй, правы, простите, что морочу вам голову, играю словами. Неважно, какой вы свою жизнь назовете, главное — она у вас достойная.

— И счастливая, — подхватил Джим. — Впервые я счастлив. Душа поет!

— Понимаю. Сохраните это чувство. Это дар господень.

— Не верю я в бога! И в религию вашу не верю!

— Ладно, ладно, спорить больше не буду. Не думайте, что я очень уж завидую вам. И я порой люблю людей не меньше вашего, только выражаю по-иному.

— У вас такое было, док? Вроде как целые полки идут и идут, прямо к вам в сердце. И всех нужно принять, приветить.

— Нечто похожее. Особенно, когда глупостей наделают, а потом за свои же ошибки жизнью расплачиваются... Да, Джим, я такое испытывал. И не раз.

Из тьмы донесся оклик Мака:

— Эй, ребята, где вы? Ни черта не видно,

— Здесь.

Мак подошел, и все трое нырнули под темные кроны яблонь.

— В сарае наших сторожей нет, — сказал Мак. — Видно, и впрямь караулят. Может, не сбегут.

Далеко по дороге ехал, урча мотором, грузовик.

— Жаль мне Андерсона, — тихо обронил доктор. Сейчас все против него: и то, что он привык ценить, и то, чего он страшится. Не знаю, что ему делать. Ведь его непременно выживут из этих мест.

— Мы тут ни при чем! — сердито бросил Мак. — Просто Андерсону выпало пожертвовать своим благополучием ради других. Когда стадо вырывается с бойни, кому-то и рога посшибает. Но горевать об одном обиженном мы не можем, это суровая необходимость, док.

— Да я ведь сейчас не о ваших побуждениях или целях говорю. Просто жалко старика. Ударили по его достоинству. Разве это не больно. Мак?

— Мне некогда рассуждать о чувствах отдельных людей. На мне судьбы сотен и тысяч, — отрезал Мак.

— С тем плюгавым человечком, которого убили, совсем иное дело, задумчиво произнес доктор, — ему то занятие было по душе. И по-другому он ни жить, ни умереть не мог.

— Док, вы, того гляди, меня разжалобите, — Мак уже сердился не на шутку. — Несете сентиментальную чушь без разбора. У нас есть настоящая цель, и ваша болтовня о человеческом достоинстве тут ни при чем. Нам надо накормить людей. Понимаете: накормить. Эт о не просто болтовня о высоких материях, это насущная забота. А как дела у старика, который ногу сломал?

— Да, переменить тему не мешает. Старик ярится, поносит всех и вся. Его можно понять: поначалу с ним носились как с писаной торбой, он и заважничал, а сейчас никто не навещает, его рассказы не слушает.

— Схожу утром, проведаю, — пообещал Джим, — неплохой старикашка.

Мак прислушался.

— Тише! Никак грузовик остановился!

— Верно, и похоже, около нашего лагеря.

— С чего бы? Пойдем-ка поживее, посмотрим. Осторожно, на дерево не наткнись.

Они прошли совсем немного, как мотор рыкнул, что-то скрипнуло, клацнуло, и грузовик тронулся. Вот уже и не слышно его, канул в ночную тишину.

— Ну, кажись, пронесло, — вздохнул Мак.

Они быстро прошли сад, миновали большую поляну. В палатке Лондона еще горел свет, у входа копошились люди. Мак подбежал, откинул полог, вошел. На земле стоял грубо сколоченный из сосновых досок продолговатый ящик. На нем восседал Лондон и угрюмо

взира л на пришельцев. Невестка его съежилась на матрасе, подле нее сидел чернявый сын Лондона и гладил жену по голове. Лицо у него было бледное. Лондон ткнул большим пальцем в ящик.

— Что мне с этим делать прикажете? — спросил он. Девка, вон, ни жива ни мертва от страха. Здесь я его держать не стану.

— Привезли Джоя, — догадался Мак.

— Ну да. Только что.

Мак вытянул губы трубочкой и задумчиво посмотрел на гроб.

— Можно и вынести на ночь. Или ваших ребят в больничную палатку пока переселить, а гроб пусть здесь стоит. Если, конечно, вам, Лондон, самому не страшно.

— Мне-то что! Мертвецов я за свою жизнь повидал.

— Ну, тогда пусть остается. Мы с Джимом у вас заночуем, ведь Джой был нашим другом.

За его спиной кашлянул доктор. Мак покраснел и обернулся.

— Допустим, док, правда на вашей стороне? Ну и что с того? Я с Джоем давно знаком.

— Да я вам и слова не сказал, — удивился Бертон.

Лондон что-то бросил невестке и чернявому сыну, и тех словно ветром сдуло. Молодая мать все куталась в одеяло и крепко прижимала к груди младенца.

Мак тоже присел на край ящика, поковырял пальцем шершавую доску. По ней ручейками бежали прожилки. Джим выглядывал из-за спины друга. Лондон беспокойно ходил по палатке, отводил взгляд от гроба. Мак сказал:

— Неважный товар поставляет нам государство.

— А что бы ты хотел задарма? — хмыкнул Лондон.

— Для себя мне ничего не надо, — ответил Мак, — хоть на костре мой труп сожгите, чтоб не смердел подле вас, и дело с концом.

Он встал и пошарил в карманах джинсов, вытащил большой складной нож с отверткой и принялся откручивать шуруп на крышке гроба.

Лондон крикнул:

— Зачем открываешь? Ради чего? Оставь!

— Хочу взглянуть.

— Зачем? Он мертв... просто куча праха.

Доктор тихо заметил:

— Порой мне кажется, что сентиментальнее вас, реалистов, не сыскать людей на белом свете.

Мак хмыкнул и осторожно положил отвертку на земляной пол.

— Если по-вашему, док, я сентиментален, вы ни черта не смыслите. Я должен убедиться,

полезно ли будет завтра ребятам взглянуть на него. Их надо хорошенько встряхнуть, а то они прямо на ходу засыпают.

— Порезвиться у тела захотелось? — вставил Бертон.

— Нужно каждую возможность использовать, все в орудие пропаганды обращать, — сурово пояснил Джим.

Мак одобрительно взглянул на товарища.

— Верная мысль! Так и есть. Если Джой нам и после смерти послужить может, пусть послужит. У толпы личных привязанностей нет. И быть не может. Как нет и понятия о всяких там приличиях, не забывайте!

Лондон стоял, слушал и одобрительно кивал большой головой.

— Точно, ребята! Вот и Дейкин, к примеру, голову потерял совсем из-за своего любимого грузовика. Говорят, завтра его судить будут за «нападение на должностное лицо».

Мак проворно отвернул болты, бережно сложил на землю. Крышка не открывалась. Тогда он наподдал каблуком.

Джой лежал усохший, маленький, жалостливо прибранный: в чистой голубой рубашке, промасленных голубых джинсах. Стылые руки замерли на груди.

— Ему всего-навсего формальдегид вкололи, — сказал Мак.

На серых, точно восковых щеках Джоя проросла щетина, она казалась иссиня-черной. Лицо спокойное, умиротворенное, извечное недовольство исчезло.

— Уж очень смирный на вид, — посетовал Джим.

— Да, в этом-то и беда, — согласился Мак. — Какой толк его ребятам показывать. Лежит себе, довольнешенек, глядишь, и остальным за ним захочется.

Подошел доктор, мельком посмотрел, отошел к ящику, сел. Большие печальные глаза вперились в Мака. А тот не сводил взгляда с Джоя.

— Славный был малый. Бескорыстный. Ума не ахти какого, однако докумекал, что в жизни много несправедливости. Не мог взять в толк, почему продукты выбрасывают на свалку, вместо того чтоб голодных накормить. Глупыш, ему было невдомек. Решил, что может чем-то помочь. А велика ль его помощь? Сейчас и не скажешь. Может — никакой, может велика. Точно не определить, — голос у Мака задрожал. Доктор все смотрел на Мака, и губы скривились в улыбке: в ней и язвительность, и сочувствие.

— Джой ничего не боялся, — добавил Джим.

Мак поднял крышку и накрыл гроб.

— Не понимаю, почему мы его «бедным малым» называем. И в маленьких людях бывает величие. Только он этого не знал, да и не задавался таким вопросом. Он никогда не жалел себя, даже если его дубасили. — Мак поднял и завернул болт.

— Ты прямо речь говоришь, — похвалил Лондон. Может, и завтра скажешь? Я-то и двух слов не свяжу. А у тебя складно получилось. Заслушаешься.

Мак смущенно взглянул на Лондона — небось тот смеется, — но Лондон был серьезен.

— Какая ж это речь? — тихо возразил он. — Можно, конечно, и речь. Но я лишь хотел сказать Джою, что умер он не напрасно.

— Так вот и сказал бы завтра речь. Ты говорить мастак.

— Не выйдет. Ты — главный. Ребята меня и слушать не станут, им твое слово важно.

— А что ж мне говорить?

Мак закрутил все болты.

— Ну, как обычно. Что Джой погиб ради них, что хотел им помочь. И что сейчас нужно сплотиться — этим мы лучше всего почтим его память.

— Так, ясно.

Мак поднялся, еще раз оглядел неструганую крышку.

— Вот бы встал кто завтра у нас на пути! Может, «бдительные» сунутся, не захотят нас через город пропустить.

— Так, ясно, — повторил Лондон.

Глаза у Джима сверкнули. Он подхватил слова Мака:

— Вот бы сунулись!

— Ребята им спуска не дадут, — продолжал Мак. У них вся душа к тому времени изболит. И нужно будет разрядиться. А у «бдительных» ума-то — кот наплакал, непременно сунутся завтра, дурачье.

Бертон устало поднялся со своего ящика, подошел к Маку, тронул за плечо.

— Как причудливо сочетаются в вас жестокость и бюргерская сентиментальность, трезвость и запредельный оптимизм. Такого я еще не видел. И как вам только удастся столько в себе сочетать?!

— Чушь! — бросил Мак.

— Ну, ладно, сойдемся на том, что чушь, и оставим это, — доктор зевнул. — Я отправляюсь спать. Вы знаете, где меня искать, хотя и надеюсь, что не понадобится.

Мак вскинул голову. С брезентового потолка лениво упала капля, другая и вот уже посыпал барабанной дробью дождь. Мак вздохнул.

— Эх, не оправдались мои надежды. Завтра к утру ребята промокнут до нитки. Боевого настроения у них будет столько же, сколько и у морской свинки.

— А я все-таки отправляюсь спать, — повторил доктор и вышел, резко откинув полог.

Мак понуро уселся на гроб. Дождь забарабанил сильнее. Из палаток понеслись возгласы, но из-за дождя слов не разобрать.

— Вряд ли найдется в лагере хоть одна крепкая палатка, — проворчал Мак, — разок бы передохнуть, так нет! И почему нам всегда невзгоды выпадают?

Джим присел на продолговатый ящик подле приятеля.

— Не сокрушайся ты так! Иной раз беда припрет, и дерешься до конца. Со мной так было. Мак. Умирала моя мать, а мне — ни слова. И до того мне горько стало, в те минуты я на все был готов. Так что не очень-то сокрушайся.

Мак напустился на него.

— Опять подлавливаешь, да? Я ведь и вправду рассержусь, если ты меня без конца дураком выставлять будешь. Иди-ка ложись на девчонкин матрац. У тебя же рука больная. Небось покоя не дает?

— Немного жжет, а так ничего.

— Давай, ложись. Попробуй заснуть.

Джим сначала было возразил, но все же направился к матрацу, расстеленному на полу, улегся. Раненую руну дергало, боль отдавала в плечо. Дождь пошел еще сильнее, потом полил как из ведра. На брезентовом потолке набралась лужа, и капли забарабанили по крышке гроба.

Мак все сидел около него, обхватив голову руками. Острые рысьи глаза Лондона не мигая смотрели на лампу. Лагерь затих, в безветренной ночи слышался лишь шум дождя. Скоро Джим заснул тревожным горячечным сном. А дождь все не унимался. Вот мигнула и догорела лампа на столбе посреди палатки. Последняя голубоватая вспышка и — мрак.

12

Джим пробудился, ему показалось, что он спал в тесном ящике: плечо и бок онемели и болели. Он открыл глаза, огляделся. За окном — скучный серый рассвет. Гроб стоял на прежнем месте. Лондона и Мака в палатке не было. Снаружи кто-то колотил молотком по дереву, наверное, от этого стука он и проснулся. Он немного полежал, осматриваясь, попытался сесть. Но боль держала крепкими тисками. Он перевернулся на живот, поднялся на колени, встал во весь рост, стараясь не двигать больным плечом.

Полог приподнялся, и вошел Мак. Голубая куртка мокро блестела.

— Доброе утро. Соснул немножко? Как рука?

— Онемела. А что, дождь все идет?

— Моросит проклятый. Сейчас придет док, посмотрит твоё плечо! Ну и развезло на дворе! А ходить по лагерю начнут, намесят грязищи еще больше.

— А что за стук?

— Помост для Джоя строили. Даже флаг вот раздобыли, как героя накроём, — и он вытащил замызганную свернутую тряпку, развернул потрепанный и засаленный американский флаг. Бережно разложил на крышке гроба. — Нет, пожалуй, звезды должны быть слева.

— В какой помойке ты его откопал? — спросил Джим.

— Ничего, эффект будет что надо. Что ж доктор не идет?

— Я голодный как волк, — признался Джим.

— А кто, по-твоему, сыт? На завтрак нас ждет только овсянка, ни сахара, ни молока нет, голая овсянка.

— Да я и на овсянку согласен. А ты. Мак, вроде пободрее сегодня.

— Да не во мне дело. Просто я думал, что ребята совсем расклеятся, а нет. Женщины, конечно, ругают их на чем свет стоит, а мужчины в основном держатся молодцом.

В палатку завернул Бертон.

— Как рука, Джим?

— Болит, покоя не дает.

— Присядь-ка, я сменю повязку.

Джим уселся на ящик и приготовился терпеть, однако доктор очень сноровисто снял старую тряпицу, перевязал чистой, и Джим даже не почувствовал боли.

— Старый Дан расстроился, — говорил меж тем доктор, — боится, что на похороны Джоя не попадет. Ворчит, дескать, я забастовку затеял, а теперь меня все забыли.

Мак предложил:

— А может, посадить старика на грузовик, и будет он вместе со всеми. Что скажете. Док? Да и для всего дела польза огромная.

— Так-то оно так, но для старика это может плохо кончиться. Мало ли, всякие осложнения. Ведь лет-то ему немало... Не ерзайте, Джим, я уже заканчиваю... Может, лучше так сделать: скажем, что берем с собой, а как начнем с постели поднимать, он сам откажет. Ведь у него лишь самолюбие уязвлено. Как же: все внимание сейчас Джою. — Док похлопал по перевязанной руке. Ну вот и все, Джим. Полегчало?

Джим осторожно подвигал плечом.

— Еще бы. Конечно, полегчало.

— Слушай, а что бы тебе проведать старика, а Джим? Поешь и иди. Ведь он и твой знакомец.

— Ладно, схожу.

— Он чуток не в себе, — предупредил Бертон. — Волновать его не следует. Он и без того перевозбужден.

Джим кивнул.

— Понял, буду лишь кивать да поддакивать, — он поднялся. — Ну, сейчас почти и не болит.

— Поешь каши, — предложил Мак. — Хоронить мы пойдем к полудню, как и собирались, если удастся, все движение в городке остановим.

Доктор хмыкнул.

— Так-то вы печетесь о людях! Сколько же в вас злобы! Будь я вожаком ваших врагов, выследил бы вас и пристрелил!

— Думаю, они именно так и поступят в один прекрасный день, ответил Мак. — Они уж по-

всякому пробовали со мной разделаться.

Друг за другом вышли из палатки. Серой дымкой висела изморось дождь все не унимался, — словно кисеей окутывая сад. Джим оглядел ряды замызганных палаток, проходы меж ними — грязное месиво, взбитое сотнями ног: люди беспрестанно сновали взад и вперед — не найти сухого пятка, чтобы присесть. В конце каждого палаточного ряда около уборных выстроились очереди.

Бертон и Мак с Джимом направились к кухне. Из труб валил голубой дым, видно, топили сырыми дровами. На плитах стояли прачечные чаны, и в них булькала каша. Повара размешивали ее длинными палками. Холодные дождевые капли скатывались Джиму за шиворот. Он плотнее запахнул куртку и застегнул все пуговицы.

— Помыться бы неплохо, — вздохнул он.

— Мокрой губкой оботрешься — и хватит с тебя. Большого предложить не могу. Держи, я твой котелок прихватил.

Они встали в очередь у плиты. Повара едва успевали наполнять протянутые посудыны. Джим подцепил на палочку, служившую ложкой, каши и подул, остужая.

— Вполне съедобно, — похвалил он. — Я сейчас голодный как волк.

— Неудивительно. Вон, Лондон помост осматривает. Пойдем-ка и мы! и они зашагали по грязи, стараясь не попадать в чужие следы. За кухонными плитами высился помост метра в полтора высотой, сколоченный из штакетин и досок из дренажных штолен. Лондон прибавал перила.

— Привет! — кивнул он. — Ну, как позавтракали?

— Да сегодня хоть из грязи блины пеки, все одно съедим за милую душу, — ответил Мак. — Больше ничего у нас не осталось?

— Ни крошечки. Все до крупинки сварили.

— Может, Дику хоть сегодня удача улыбнется, — с надеждой сказал Джим. — Мак, отпустил бы ты меня, глядишь, я б чего и раздобыл. Все равно без дела сижу.

— Оставайся здесь, — бросил Мак и пояснил Лондону: — Этого парня уже взяли на заметку. Дважды чуть не сцапали, а он — на тебе! — хочет в одиночку в городе объявиться.

— Не валяй дурака. Мы тебя на грузовик посадим, рядом с гробом. Куда тебе с больной рукой? Поедешь на грузовике, — решил Лондон.

— И не подумаю! — взъерепенился Джим.

Лондон лишь зыркнул на него.

— Ты, парень, со мной не очень-то своевольничай. Главный здесь я! Придет твой черед, буду твои команды слушать. А пока командую я.

В глазах у Джима мелькнули бунтарские искорки. Он бросил взгляд на Мака, тот выжидающе улыбался.

— Что ж, будь по-твоему! Подчиняюсь.

— И для тебя, Джим, есть дело, — сказал Мак, — если ты, Лондон, конечно, не против. Пусть Джим повернется меж ребят, потолкует с ними, прикинет, как они настроены. Нам нужно

знать, на что рассчитывать в забастовке. По-моему, ребята Джиму доверятся.

— Так что ж ты хочешь узнать? — не понял Лондон.

— Как ребята относятся к забастовке теперь.

— Не возражаю, — согласился Лондон.

Мак повернулся к Джиму.

— Сходи, проведай старого Дана и начинай с ребятами говорить. Где кучка соберется, туда и иди. Никаких идей им не толкай. Кивай да поддакивай, а сам на ус мотай, как они настроены. Справишься, Джим?

— Справлюсь. А куда старого Дана упрятали?

— Значит, так. Во втором ряду видишь палатку, что посвежее других? Доктор там больницу устроил. Скорее всего. Дана там отыщешь.

— Что ж, пошел. — Джим соскреб остатки каши деревянной лопаточкой и отправил в рот. Зачерпнул на ходу воды в бочке, ополоснул котелок и, проходя мимо своей крошечной палатки, забросил его туда. В палатке послышался шорох. Джим опустился на колени и вполз в палатку. Там он увидел Лизу — она, видно, кормила младенца, но сразу же прикрыла грудь.

— Привет.

Лиза покраснела и прошептала:

— Привет.

— Я думал, ты в больничной палатке ночуешь.

— Там мужчины.

— Не промокла ночью-то у нас?

Лиза еще плотнее прикрыла грудь, спустив одеяло с плеч.

— Нет, у вас не протекает.

— Чего ты боишься? Не обижу. Ведь однажды даже помог тебе вместе с Маком.

— Я помню. Поэтому и боюсь.

— Что-то не пойму я тебя.

Она опустила голову, уткнув нос в одеяло.

— Ты же меня видел, ну, без всего, — едва слышно проронила она.

Джим засмеялся было, но быстро осекся.

— Ну и что же? Ничего в этом стыдного нет. Просто нужно было тебе помочь.

— Понимаю, — на миг она взглянула на Джима. Только мне все равно не по себе.

— Выбрось ты это из головы! Как малыш?

— Хорошо.

— Кормить не тяжело?

— Ничуть, — Лиза покраснела и пробормотала. — Мне нравится кормить грудью.

— Что ж удивительного!

— Мне нравится, приятно так. — Она опустила голову. — И с чего это Я тебе все рассказываю?

— Почему б и не рассказать?

— Не знаю, не нужно, наверное... неприлично, а? Никому не говори, ладно?

— Само собой, — Джим отвернулся, посмотрел за низкий полог. Мало-помалу дымка рассеивалась. С полога ниткой прозрачных бус свисали крупные капли. Джим намеренно не переводил взгляда, он чувствовал, что Лизе хочется взглянуть ему в лицо, но пока не удаётся.

Ей виден был лишь его темный профиль в свете занимающегося дня да неуклюже перевязанное плечо.

— А что у тебя с рукой? — спросила она.

Он повернулся, и их взгляды встретились.

— Ранили вчера.

— Да ты что! Болит?

— Чуть-чуть.

— Странно — ранили! Вот так, ни с того, ни с сего — ранили?

— Мы с изменниками драку затеяли. А один из хозяев возьми да и пальни из ружья.

— Ты — дрался? Ты?

— А что тут такого?

Она смотрела на него во все глаза, зачарованно следила за его лицом.

— И у тебя не было ружья?

— Не было.

Она тяжело вздохнула.

— А что за парень приходил вчера вечером?

— Молодой такой? Это Дик, мой приятель.

— Очень славный.

— Еще бы! — усмехнулся Джим.

— Только уж очень дерзок. Моему мужу, Джо, такие не по душе. А мне понравился.

Джим снова опустился на колени и пополз к выходу.

— А ты завтракала?

— Джо сейчас принесет, — взгляд Лизы осмелел. Идешь на похороны?

— Конечно.

— А мне нельзя. Джо не велит.

— Погода мерзкая, сыро, — Джим выбрался наружу. Ну, пока. Будь здорова.

— До свидания, — она немного помолчала. — Ты уж никому только не говори, ладно?

— Чего — не говори? — Джим снова просунул голову в палатку. — О родах, что ли? Не скажу, конечно.

— Ты ж меня такой видел! Я же говорила, мне стыдно. Сама не знаю, почему.

— И я не знаю. Ну, пока.

Джим поднялся на ноги и зашагал прочь. В туманной дымке ему попало не так уж много людей. Большинство, получив кашу, разбрелось по своим палаткам. Дым от плит стлался по земле. Налетел ветерок и неспешно погнал мелкий и редкий дождь наискось. Проходя мимо палатки Лондона, Джим заглянул и увидел, что вокруг гроба стоят, потупившись, человек десять. Джим хотел было подойти, но вспомнил о задании и зашагал к белой больничной палатке в конце ряда. Внутри — непривычная, но столь необходимая чистота; кое-какие медицинские инструменты, бинты, пузырьки с йодом, большая банка лечебной соли, докторский саквояж — все аккуратно разложено на большом ящике.

Старик полулежал на койке, рядом стояла широкогорлая бутылка туда он мочился — и допотопный ночной горшок. Борода у Дана отросла и свирепо топорщилась, щеки еще больше запали. И на Джима старик зыркнул свирепо.

— Наконец-то! Пришел! Чертовы молокососы, я вам все устроил, а теперь чихать вы на меня хотели!

— Как чувствуешь себя? — примирительно сиротил Джим.

— А, да не все ли тебе равно! Доктор — единственный приличный человек в вашем клоповнике!

— Ну, не сердись, Дан! Видишь, мне тоже досталось: плечо прострелили.

— И поделом! Вы, сукины дети, даже себя убересть не можете! Чудо еще, что вас всех не укокошили!

Джим промолчал.

— Бросили меня здесь! — не унимался старик. — Думаешь, я все забыл? И как ты на яблоне сидел, и все разговоры у тебя только о стачке. Но черта лысого ты ее начал! Как бы не так! Я почин дал! Думаешь, не понимаю? Упал я с дерева, ногу сломал. Вот откуда все и началось. А вы бросили меня! Одного!

— Мы все помним, Дан. Никто тебя не забыл.

— А чего ж тогда со мной не считаются? Как с несмышленишем разговаривают, — он неистово замахал руками, но вдруг сморщился. — Надо ж, бросили меня здесь, а сами все на

похороны пошли! Никому до меня дела нет!

— Все совсем не так, Дан, — прервал его Джим. — Мы посадим тебя на грузовик, и ты поедешь рядом со всеми, даже впереди всех.

От изумления у старика раззявился рот, обнажились четыре крупных резца. Руки, наконец, спокойно улеглись на одеяло.

— Не врешь? На грузовик посадите?

— Так наш старший решил. Он сказал. Дан — истинный зачинщик, без него не обойтись.

Старик напыжился. Губы поджались, подбородок воинственно выпятился.

— Иначе он и не мог решить. Уж он-то помнит и перевел взгляд на руки, враз смягчился, стал похож на ребенка. — Я поведу ребят, прошептал он. — Уж сколько веков бьется рабочий человек, а повести его некому. Я их выведу из тьмы к солнцу. Только бы слушались. Скажу: «Делать так-то!» — и они сделают. Скажу: «Идите туда-то» — и пойдут, пойдут как миленькие. Неслухов да лентяев не потерплю. Навытяжку должны стоять, когда я говорю, — и неожиданно добродушно улыбнулся. Бедные глупые мышата. Никто-то никогда им не говорит, что делать да как. Вожака хорошего не было.

— Это верно, — согласился Джим.

— Ничего, сейчас все по-другому пойдет! — снова разгорячился Дан. — Ты им скажи, я план разрабатываю. Через денек-другой на ноги встану, пусть уж потерпят немножко, а там я их поведу!

— Непременно скажу, — кивнул Джим.

В палатку вошел Бертон.

— Доброе утро. Дан. Привет, Джим. А где, Дан, тот парень, кому я велел присматривать за тобой?

— Ушел, — жалостливо протянул старик. — Ушел за завтраком, да так и не вернулся.

— На горшок хочешь?

— Нет.

— Клизму он тебе ставил?

— Нет.

— Придется, Дан, другую сиделку подыскать.

— Слышь, док, этот щенок говорит, меня на похороны возьмут, на грузовике поеду. Правда, что ли?

— Конечно, правда. Захочешь — поедешь.

Дан откинулся на спинку кровати, довольно улыбнулся.

— Наконец-то и обо мне вспомнили.

Джим поднялся.

— До скорого, Дан.

Бертон вышел вместе с ним.

Джим спросил:

— Он что, чуток тронулся?

— Да нет. Просто старик. Перенес сильное потрясение. Кости плохо срастаются.

— Но он болтает как умалишенный.

— Я поручил тут одному приглядеть за ним, а он, видишь, даже клизмы ему не сделал. А от запора, порой, и ум помрачиться может. Впрочем, Дан — обыкновенный старик. Вы крепко его порадовали. Заходите почаще!

— По-вашему, он поедет на похороны?

— Нет. Его в грузовике растрясет, только разбередит ногу. Придется что-то иное придумать. Как рука?

— Да я уж о ней и забыл.

— Вот и отлично. Старайтесь не студить. Застудите — намучаетесь. Ну, до встречи. У нас карболка кончилась. Хоть из-под земли, а надо достать. А то ребята уборные чистить откажутся. — И он заторопился прочь, на ходу что-то бормоча себе под нос.

Джим огляделся: с кем бы поговорить. Но те, кто попадались на глаза, не задерживались под дождем, перебежали от палатки к палатке по вконец раскисшей черной земле. Рядом в просторной армейской палатке слышались голоса. Джим вошел. В тусклом свете примре тил он с десятков мужчин, сидевших на одеялах. Все разом замолчали и выжидающе уставились на вошедшего. Джим достал из кармана кисет, подаренный Маком.

— Здорово, ребята. У меня вот рука не работает. Не свернет ли кто самокрутку?

Все по-прежнему настороженно молчали. Мужчина, сидевший у входа, протянул руку за кисетом и проворно скатал самокрутку. Джим взял ее и кивнул на кисет.

— Пусти-ка по кругу. Как знать, может, и табачок у нас в лагере на исходе.

Кисет пошел по рукам. Толстяк с маленькими усиками предложил:

— Присаживайся-ка, паренек, ко мне. Это не тебя вчера подстрелили?

— Подстрелили, но не пристрелили, — усмехнулся Джим. — Нас двое подстреленных. Только я, видишь, легко отделался.

Сидевшие одобрительно заулыбались. Мужчина со впалыми щеками даже засмеялся в голос.

— А к чему это надумали того плюгавого сегодня хоронить?

— А почему б и не похоронить?

— Да у всех людей на третий день хоронят.

Толстяк затаился и выпустил клубы дыма.

— Мертвяк и есть мертвяк, ему без разницы.

Худосочный мужчина со впалыми щеками мрачно возразил:

— А вдруг он не умер? Вдруг вроде как отключился? А мы его заживо — в землю. Помоему, надо три дня обождать, как у всех делается.

Ответил ему ровный, насмешливый голос. Джим взглянул в ту сторону: говорил высокий мужчина, лоб у него был белый и гладкий, без морщин.

— Не бойся, не спит он, будь уверен. Знал бы ты, что с трупами в морге делают, сомневаться бы не стал.

— Мало ли что! А вдруг? — не сдавался худосочный. — Если обождем чуток, хуже не будет.

Белолобый фыркнул.

— Парню в вены чего только не накачали, чтоб не про тух, а он, по-твоему, все спит. На зависть крепкий сон!

— Неужто накачали?

— А то как же! У меня знакомый в морге работал, такое рассказывал — уши вянут.

— Лучше и вовсе не слушать, — решил худосочный, одна только срамота.

— А кто он, ну тот, плюгавый, которого убили? спросил толстяк. Он, по-моему, хотел этих субчиков, что приехали у нас хлеб отнимать, сагитировать, дескать, нам палки в колеса не вставляйте. Уж и говорить начал, да тут — бах! — смотрю, уж он на земле ле жит.

Джим собирался было закурить, но так и не зажег самокрутку.

— Я знал его, — ответил он. — Хороший был малый. Вроде как рабочий вожак.

Белолобый заметил:

— За головы вожаков государство неплохо платит. Так что долго они не живут. Взять хотя бы этого Сэма, тощий, ровно змеюка. Говорит, в порту работал. А я спорю, что он и полугода не протянет — кокнут.

Смуглый парень спросил:

— А как же с Лондоном? С ним, как с Дейкином, могут расправиться.

— Ну, уж нет, Лондона голыми руками не возьмешь У него голова на плечах есть, — вступил худосочный.

— А если у него голова на плечах, чего ж мы сидим сложа руки?! взъерепенился белолобый.
— С этой забастовкой одна морока. А кто-то на этом денежки зарабатывает. Как туго придется, так непременно кто-нибудь нас заложит, сам — в кусты, а нам — расхлебыва ть всю эту кашу.

Крепкий, плечистый мужчина встал на колени, надвинулся на говорившего, по-волчьи ощерившись. Глаза недобро заблестели.

— Ну, вот что, умник, послушали тебя, и хватит. Я Лондона давно знаю. Если ведешь к тому, что он нас заложит, давай выйдем. Я тебе объясню, что к чему. Я мало что в этой забастовке смыслю. Но раз Лондон сказал: «Дело стоящее», — я делаю, как он велит. И ты свои штучки

брось!

Белолобый неприязненно смерил его взглядом.

— Грозный ты больно.

— Грозный не грозный, а тебя вздуть сумею.

— Кончай, ребята, — вмешался Джим. — Чего нам друг с другом-то воевать? Не терпится кулаки почесать, подождите чуток, еще надоест.

Плечистый пробурчал что-то, но сел обратно, на свое одеяло.

— Чтоб я ни словечка больше о Лондоне за его спиной не слышал!

Толстяк взглянул на Джима.

— А как тебя, сынок, подстрелили-то?

— На бегу. Побежал, а меня — на мушку.

— Говорят, вы дали прикурить нашим «подменникам».

— Верно.

— А еще говорят, их теперь не на поезде, а в грузовиках привезут, — заговорил сразу белолобый. — И вроде каждому дали по гранате со слезоточивым газом.

— Вранье! — оборвал его Джим. — Чтоб нас запугать, чего только не придумают.

Белолобый угрюмо продолжал:

— Хозяева, кажись, Лондона предупредили, что, пока у нас в лагере красные, никаких переговоров не будет.

— Ну, и где ж эти красные? — зашевелился плечистый. — Уж не ты ли сам, по разговору похоже.

— Сдается мне, что доктор из красных, — говорил белолобый. — Чего ему здесь надо? Он же ведь ни гроша не получает. Кто ж ему платит? Он-то уж небось не прогадает, — белолобый хитро прищурился. — А, может, ему Москва платит.

Джим, побледнев, сплюнул на землю и, как мог спокойно, сказал:

— Таких сволочей, как ты, я отродясь не встречал! И в каждом ты такого же подонка видишь!

Плечистый снова подался вперед.

— Парень дело говорит! Он-то тебя «причесать» не сможет, а уж я постараюсь, если хлебало не заткнешь.

Белолобый медленно поднялся и пошел к выходу. Обернулся.

— Смотрите, ребята, вспомните мои слова. Не сегодня-завтра скажет вам Лондон: «Кончай бастовать!» А у самого, глядишь, новая машина появится, работа постоянная. Помянете мое слово!

Плечистый резко приподнялся, но белолобый уже выскользнул из палатки.

— Что это за парень? — спросил Джим. — Спит с вами в одной палатке?

— Нет, совсем недавно только объявился.

— А раньше вы его видели?

Каждый лишь покачал головой.

— Не видел.

— И мне не доводилось.

— Так его ж подослали! — догадался Джим.

— Кто? — не понял толстяк.

— Хозяева. Велели Лондона оговорить, чтоб вы, ребята, ему верить перестали. Неужто не ясно? Пойдет раскол. Так что хорошо б этого хмыря из лагеря выставить.

Плечистый вскочил на ноги.

— Сам этим займусь! Лучше развлечения не придумать! — и вышел из палатки.

— А вы, ребята, бдительность не теряйте. Такие вот субчики наговорят вам, что забастовка, дескать, выдохлась. Вранье это все, и слушать нечего.

Толстяк выглянул из палатки.

— А то, что жратва кончилась, это не вранье. И что кормить ребят одной травой, как коров, нельзя — тоже правда. Каждый это видит, и подсылать никого не надо.

— Сейчас нам важно единство! — воскликнул Джим. Просто необходимо! Не будет единства, и мы пропали. И не только мы. Ни одному работяге в стране не станет легче.

Толстяк кивнул.

— Мы все одной веревочкой связаны, а не всяк сам по себе. Вот хотят наши ребята получше жить, но ведь только для них одних лучшей жизни не получится, пока все лучше не заживут.

В дальнем углу палатки приподнялся мужчина средних лет.

— Знаете, в чем беда рабочего человека? — спросил он. — Так вот я вам скажу. Языком почесать любит наш брат. Кабы больше дел, да меньше слов, глядишь, что-нибудь вышло бы, — он замолчал. Все в палатке вдруг насторожились, прислушиваясь.

Снаружи послышалась какая-то возня, приглушенные быстрые шаги, тихие голоса — словно запахи, проникли они в палатку. Никто из сидящих не шелохнулся, каждый прислушивался. Звуки близились, надвигались: шлепали по грязи ноги. Вот люди миновали палатку.

Джим встал, подошел к выходу, и в этот миг раздвинулся полог и снаружи сунулась чья-то голова.

— Сейчас гроб будут выносить. Пойдемте, ребята.

Джим вышел из палатки. Утренняя дымка, точно облако бесплотных снежинок, расходилась по сторонам. Кое где ветром трепало пологи палаток. Джим взглянул в конец ряда — из палаток вылезали мужчины и женщины, видно, известие облетело всех быстро. Людские ручейки стекались к помосту. Все плотнее и плотнее смыкались люди вокруг помоста, их

гомон сливался в единый глас, то пот и шарканье — в шумливую суету. В глазах, отметил Джим, — пустота и отрешенность. Головы запрокинуты, люди точно принохивались или прислушивались. Плотным кольцом окружили они помост.

Из палатки Лондона вышли шестеро и вынесли гроб. Ручек не было, поэтому, попарно сцепив руки под гробом, люди придерживали его плечами. Затоптались на месте, стараясь шагать в ногу и не раскачивать свой груз. Двинулись по раскисшей земле к помосту. Шли они с непокрытыми головами, на волосах жемчужинками застыли капли. Легкий ветерок принялся играть краем замызганного флага. Люди расступились, оставив узкий проход к помосту. Лица у всех посерьезнели, головы чуть опустились — обязывала церемония. Те, к то стоял ближе к проходу, неотрывно смотрели на гроб, враз присмирив, а когда гроб миновал их, начинали перешептываться. Кое-кто крестился. Вот гроб уже у помоста, опустили изголовье, сзади подтолкнули.

Джим торопливо зашагал к палатке Лондона. Там он застал и Мака.

— Слушай, может, ты говорить будешь? У меня язык к небу прилип.

— Ничего, справишься. Помни, что я тебе советовал. Постарайся завязать с ними беседу. Если хоть один раз тебе ответят, дальше все как по маслу пойдет. Этот прием не новый на таких собраниях, но результаты отличные, когда народа много.

Лондон, похоже, немного робел.

— Лучше тебе. Мак, выступить. Ей-богу, не получится у меня. Да я и покойного-то не знал.

Мак насупился.

— Ты все-таки залезь на помост, скажи хоть пару слов. А если уж не удержишься, вниз потянет, так я подсоблю.

Лондон застегнул ворот голубой рубашки, поднял отвороты. Застегнул и оправил старый черный пиджак. Пятерней пригладил волосы сзади и по бокам круглой проплешины. Да и сам, казалось, переменялся, посуровел, посерьезнел, набычился. Худолицый Сэм встал ря дом, готовый сопровождать командира. Лондон, исполненный сознания собственной власти, вышел, следом — Мак, Джим и Сэм. Так и шлепали они по грязи; впереди, в гордом одиночестве, Лондон, чуть позади — маленькая свита. Собравшиеся у помоста поворачивали головы, приметив своего жоака. Шумок голосов, стлавшийся над толпой, стих. Тут же образовался проход для Лондона, к помосту его провожали многочисленные взгляды.

Лондон взобрался на помост, замер, одиноко высаясь над толпой. На него уставились пустые, бесстрастные, словно стеклянные, глаза.

Лондон взглянул на дощатый гроб, расправил плечи. Как трудно ему было заговорить в напряженной тишине, лишь дыхание сотен людей нарушало ее. Начал он негромко и с достоинством.

— Я сюда пришел, чтобы речь говорить, но в речах я мало что смыслю. — Он помолчал, оглядел нацеленные на него лица. — Вчера убили этого малого, вы все видели. Он хотел перейти на нашу сторону, тут его и уколошили. Никому зла этот парень не причинил. — Лондон снова замолчал, на лице отобразилось замешательство. — Ну, что еще-то сказать? Вот мы собрались его похоронить, он наш товарищ, убили вот его. Ну, что еще-то? Пройдем процессией по городу, все вместе, и похороним его, ведь он один из нас. Такой же, как и мы. И каждый из вас мог так же голову сложить, — Лондон умолк, открыл рот, собираясь еще что-то сказать. — Я... я мало что смыслю в речах, — смущенно повторил он. — Но тут есть парень, друг убитого. Пусть он еще скажет. — Он медленно повернул голову в сторону Мака.

— Давай, Мак. Расскажи им об этом малом.

Мак стряхнул с себя оцепенение, мигом взлетел на помост. Плечи заходили, как у боксера.

— Что ж! И расскажу! — выкрикнул он неистово. — Звали его Джой. И был он из левых. Из самых что ни на есть левых! Ясно? Он мечтал, чтоб каждый из вас досыта ел, имел крышу над головой, чтоб не страшиться дождя. Он старался не ради себя. Вот такой он — левый! Ясно? Власти таких как огня боятся, ругают почему зря! Вы сейчас, поди, и лица-то его не разглядели. А на нем живого места нет — все в шрамах. Это ему от полиции в подарок за то, что он левый. Руки переломаны, челюсть свернута — сломали, когда он в пик етах ходил. Тогда и за решетку угодил. А тюремный врач посмотрел и говорит: «Я красную сволочь лечить не стану». Так и валялся Джой со сломанной челюстью. Да, власти его не напрасно боялись, ведь он хотел накормить досыта таких, как вы, — начав с крика, Мак говорил все тише и тише, глаза пытливно шарили по лицам, люди ожили, напряглись, стараясь не пропустить ни слова, подались вперед. — Да, я знал его. — И вдруг снова взорвался. — А вы, что вы будете делать сейчас?! Опустите его в яму, забросаете землей! И забудете!

Кто-то из женщин разрыдался.

— Он сражался за вас, — прокричал Мак. — Вы и об этом забудете?!

— Ни за что! — раздался возглас из толпы.

А Мак безжалостно бил словами:

— Значит, пусть его убивают, а вы смиритесь и шею в ярмо?

— Не бывать такому! — отозвалось уже несколько голосов.

Мак перешел с резких выкриков на плавную речь.

— Значит, в яму его, и дело с концом?

— Нет! — пронеслось по рядам, и народ заколыхался.

— Он сражался за вас! А вы о нем и не вспомните!

— Не-е-т!

— Мы пойдем через весь городок. Позволим легавым нас задержать?

— Нет! — мощно пророкотала толпа и дружно качнулась в сторону, ожидая следующего вопроса.

Но Мак этот ритм нарушил, спокойно сказав:

— В этом тщедушном человечке — дух нашей борьбы. Но молиться на него мы не станем! Не нужны ему молитвы. Да и нам тоже. А нужны нам сейчас дубинки!

И снова закачалась, заволновалась толпа.

— Ду-бинки! Ду-бин-ки! — скандировали люди. Потом выжидающе примолкли.

— Что ж, — бросил Мак. — Зароем этого красного, но все одно: он останется с нами. И не дай бог кому становиться у нас сейчас на пути! Он неожиданно спрыгнул с помоста, хотя люди ждали большего и остались недовольны. Они переглядывались, словно ища недоговоренного ответа.

Слез с помоста и Лондон. Тем, кто нес гроб, он сказал:

— Положите его на грузовик Альберта Джонсона. Минута-две, и мы поедем. — И пошел за Маком, тот с трудом прокладывал путь в толпе. Не успел он выбраться, как рядом замаячил Бертон.

— Да, Мак, умеете вы народ дрессировать, — тихо заметил он. Любой проповедник позавидует, в два счета из людей сострадание и скорбь выжали. Еще бы минутку поговорили, глядишь, на них бы и дух святой сошел, они б пророчествовать начали.

Мак огрызнулся:

— Хватит, док, покусывать меня исподтишка. Мне дело делать, и для этого я всякую возможность использую.

— А где вы этому научились?

— Чему?

— Да всем этим хитростям.

— Не все ли равно, док? — устало проговорил Мак. — Мне нужно было их встряхнуть. Вот я и встряхнул. Теперь они горы свернут. И неважно, как я этого добился

— Я-то знаю, как, — ответил доктор, — мне просто любопытно, как вы этому научились. Да, чуть не забыл, старый Дан сам отказался ехать на похороны. Мы его уже подняли, а ему, видать, не под силу.

Их догнали Лондон и Джим. Мак обратился к Лондону.

— В лагере нужно бы оставить большую охрану.

— Хорошо. Я оставлю Сэма, а с ним сотню ребят. Ты, Мак, здорово говорил!

— У меня времени не было все продумать загодя. А выступить нам неплохо бы поскорее, пока у ребят запал не кончился. Главное выступить, а в пути они боевой настрой не растеряют. Промедлим, они остынут.

Все четверо обернулись. Гроб уже выносили из толпы, несли тяжело, покачиваясь, поддерживая плечами. Толпа потянулась следом. Утренняя дымка уже рассеивалась. На западе проглянул лоскутик голубого неба, а ветер где то там, в вышине, рвал тучи и расшвыривал их в стороны.

— Погода сегодня разгуляется, — определил, глядя на небо. Мак и повернулся к Джиму: — Едва не забыл о тебе. Как рука-то?

— Отлично!

— Вот что, я все же думаю, пешком тебе идти не следует. Садись-ка на грузовик.

— Нет, пойду на своих двоих. Как-то ребята посмотрят, если я на грузовике поеду?

— Я все учел. Те, кто гроб нес, тоже в кузове сядут, так что все в порядке. Ну что, Лондон, выступаем?

— Выступаем!

Гроб поставили в кузов «доджа», борта опустили; по бокам, свесив ноги, уселись те, кто нес

гроб, и Джим. Мотор задышался и кашлял. Альберт Джонсон вывел машину со стоянки на дорогу, дождался, пока за ним выстроится колонна по восемь человек в ряд, включил малую скорость и медленно поехал вперед. Следом, шаркая, двинулись люди. А сотня оставшихся охранять лагерь взглядом провожала процессию.

Поначалу старались идти в ногу, ритмично отбивая: «Левой! Левой!», но скоро всем надоело. Шаркая и спотыкаясь, двигались они по гравиевой дороге, тихий гул летел над толпой — говорить все старались тихо, как никак похороны. На бетонном — собственности штата — шоссе уже поджидала дюжина полицейских на мотоциклах. Их командир крикнул с машины:

— Мы вам, ребята, не мешаем! Просто положено процессии сопровождать!

Затопали, застучали каблуки по бетону. Шеренги смешались и лишь на подступах к городу подровнялись. С тротуаров и из-за заборов на них глазели обыватели. Многие, увидев гроб, обнажали головы. Мак просчитался: на пути процессии по перекресткам были выставлены полицейские, они останавливали движение или направляли машины в обход, пропуская похоронное шествие. Вышли к деловым кварталам, солнце уже светило вовсю, отражаясь в лужах. Потеплело, и от промокшей одежды шел пар. Любопытных на тротуарах прибави лось: они глазели на гроб и на подтянувшихся людей, те шагали ровнее, в ногу, лица сделались важными. Никто не попадался им на пути, ни прохожие, ни машины.

Так вслед за грузовиком и прошагали через центр городка, миновали окраины, направляясь к окружному кладбищу. Идти пришлось еще с милю. Маленькое кладбище потонуло в траве. Над недавними могилами высились блестящие металлические столбики сименами и дата ми. На задах у свежерырытой ямы высилась куча не просохшей еще земли. Грузовик остановился у ворот. Сидевшие в кузове соскочили наземь, вновь взяли гроб на руки. Полицейские на мотоциклах выжидательно остановились на дороге.

Альберт Джонсон достал из-под водительского сиденья моток буксировочного троса и пошел к могиле. Толпа, смешав ряды, двинулась следом. Джим выпрыгнул из кузова и хотел было присоединиться к остальным, но его остановил Мак.

— Там они и без нас разберутся. Главное мы сделали — шествие организовали. Подождем здесь.

Рыжий парень, миновав кладбищенские ворота, подошел к Маку.

— Не знаешь тут такого, Маком зовут?

— Ну, положим, меня Маком зовут.

— А приятель — Диком зовут — у тебя есть?

— Конечно.

— А как его фамилия?

— Холсинг. Что случилось-то?

— Ничего. Он вот записку просил передать.

Мак развернул листок, прочитал.

— Чудеса в решете! — воскликнул он. — Прочти-ка, Джим.

Джим взял записку. В ней говорилось:

«Не смог отказать даме — благодетельнице. У нее дешевенький домик, э 212, Салинасская дорога. Высылайте грузовик незамедлительно: она дает двух коров, бычка, десять мешков лимской фасоли. Пришлите ребят, чтоб забили коров.

Дик.

P. S. Вчера вечером едва не попался.

P. P. S. Топорищ оказалось лишь двенадцать.

Мак рассмеялся.

— Ну, надо ж! Только подумать! Две коровы, бычок и фасоль! Живем! Беги-ка, Джим, разыщи Лондона, пусть скорее сюда идет.

Джим нырнул в толпу и уже через минуту вернулся, за ним торопливо шагал Лондон.

— Он, Лондон, уже рассказал? Или нет еще? — с ходу крикнул Мак.

— Сказал только, что теперь у нас жратва есть.

— И немало! Две коровы и теленок. Десять мешков фасоли! Пусть ребята прямо сейчас на грузовике и едут за всем добром.

Слышно было, как застучали комья земли по крышке соснового гроба.

— У ребят сразу настроение поднимется, если их мясом да фасолью накормить.

— Да и я б от кусочка мяса не отказался.

— На грузовике, Лондон, поеду я сам. Дай мне человек десять на охрану. Хочешь, Джим, поедем вместе. — Мак призадумался. — Нам же дров нужно раздобыть. В лагере почти ничего не осталось. Вот что, Лондон, пусть каждый из ребят прихватит хоть щепку, хоть ветку, хоть доску от забора или дренажной штольни — что угодно. Растолкуй, зачем это. Приедете в лагерь, выройте яму, на дне костер разложите. Ну, а большой жестяной лист мы где-нибудь в хламе отыщем. Чтоб к нашему приходу костер вовсю горел. Повернулся к рыжему парню и спросил: — А где эта Салинасская дорога?

— С милю отсюда. И меня подбросите — нам по пути.

— Схожу-ка за Альбертом Джонсоном и ребятами, — решил Лондон и тут же исчез в толпе.

А Мак все не мог нарадоваться.

— Вот уж повезло, так повезло! — приговаривал он. Теперь хоть с голоду не умрем! Ай да Дик, молодчага! Чудо-парень!

Джим заметил, что толпа оживилась, заволновалась, засуетилась. Люди вразнойой двинулись обратно. Впереди шагал Лондон и указывал, кому ехать с Маком. Люди, смеясь, перекликиваясь, окружили грузовик. Альберт Джонсон положил грязный трос обратно под сиденье, взобрался в кабину сам. Мак сел рядом, помог залезть и Джиму.

— Лондон, пусть люди не расходятся, — крикнул Мак.

Его сопровождающие запрыгнули в кузов.

И тут в толпе принялись куражиться. Ухватили все разом машину за борта и она не смогла двинуться с места, лишь беспомощно пробуксовывали колеса; швыряли катышками мокрой

земли в кузов. А полицейские на дороге бесстрастно наблюдали за происходящим.

Альберт Джонсон поддал газу и вырвался с машиной из толпы. Мотор надсадно гудел; вот грузовик выскочил на дорогу. Двое полицейских тут же оседлали мотоциклы и поехали следом. Мак обернулся и посмотрел в заднее окошечко. Толпа бурливой волной выкатила с кладбища и быстро заполонила дорогу. Полицейские напрасно пытались освободить проезжую часть. Ликующие люди лишь посмеивались над ними, подталкивали их, прыгали вокруг точно дети. Грузовик вместе с эскортом завернул за угол и вмиг исчез из виду.

Альберт безнадежно взглянул на спидометр.

— Чего доброго, эти молодчики нам превышение скорости припаяют.

— И то правда, — согласился Мак и повернулся к Джиму. — Если кто попадетсся навстречу, Джим, пригнись, — и снова обратился к Альберту: — А если нас кто вздумает остановить, гони, не сбавляя скорости. Не забывай, что стало с грузовиком Дейкина.

Альберт кивнул и сбавил скорость до сорока миль.

— Меня не остановишь, я баранку кручу сызмальства, была б только машина.

Поехали они не центром города, а окраиной, перебрались через речушку по деревянному мосту и выехали на Салинасскую дорогу. Альберт замедлил ход, высадил рыжего парня, тот весело помахал им, и машина поехала дальше. Мили через три, уже у подножия холмов, сады стали редеть, уступая полям со жнивьем. Джим засмотрелся на вереницу блестящих почтовых ящиков у обочины.

— Тут уже номер двести восемнадцатый. Скоро приедем.

Один из полицейских повернул и поехал к городу, второй же неотступно следовал за грузовиком.

— Ну, вот, приехали. Вон и большие белые ворота, определил Джим.

Альберт остановил машину, один из провожатых соскочил на землю, открыл ворота. Полицейский заглушил мотор и поставил мотоцикл, прислонив к воротам.

— Эй, это частная собственность! — крикнул ему Мак.

— Не бойся, я на дороге побуду, просто рядом постою и все.

Впереди метрах в ста под раскидистым деревом виднелся белый домик, а за ним высился большой белый сарай.

Из дома сутулясь вышел фермер с пшеничными усами, остановился, поджидая гостей. Альберт подъехал ближе. Мак заговорил с фермером.

— Добрый день, мистер. Хозяйка разрешила кое-что забрать.

— Знаю, — кивнул фермер. — Она предупредила. Две старые дойные коровы да телок.

— А можно ли их здесь же и забить?

— Валяйте. Но занимайтесь этим сами, а потом приберите, чтоб все чисто было.

— А где они, мистер?

— В сарае. Только там не забивайте — грязищу развезете.

— Ясное дело! Поставь-ка машину к сараю.

Грузовик подъехал, и Мак подошел к кузову.

— Ребята, кому-нибудь из вас доводилось забивать корову?

Ответил ему Джим.

— У меня ж отец на бойне работал. Могу показать, что и как. Самому-то не справиться — рука болит.

— Давай, давай, — кивнул Мак.

К ним подошел фермер.

— А кувалда у вас найдется? — спросил Джим.

Фермер ткнул пальцем в сторону маленькой пристройки к сараю.

— А нож?

— Найдется и нож. Хороший нож. Только вернуть не забудьте. — И он зашагал к дому.

Джим повернулся к товарищам.

— Двое идите в сарай, выводите сперва теленка. Он, должно быть, самый резвый.

Вернулся поспешая фермер. В одной руке он нес тяжелый молот на короткой ручке, в другой — нож. Джим взял его, осмотрел. Лезвие сточено: тонкое, узкое, конец заострился, как игла. Он потрогал его пальцем.

— Острый, острый, некогда ему тупиться, — проворчал фермер, забрал нож, обтер о рукав, поймал лучик света, поиграл им. — Сталь отменная, германская.

Четверо мужчин выволокли из сарая теленка, едва поспевая за ним, придерживая за веревку на шее, то подталкивали его боками и плечами, осаживали — он все норовил вырваться.

— Вот здесь забивайте, — указал фермер. — Тут кровь в землю впитается.

Мак возразил:

— Нет, кровь нам пригодится. Это ж питательный продукт. В чем бы только ее довести?

— Отец ее пил, — вставил Джим. — А я не могу, тошнит. Бери, Мак, кувалду и бей вот сюда, да посильнее. — Нож он протянул Альберту Джонсону. — Последите за моей рукой. Вот здесь, как только Мак кувалдой огреет, вы ножом и полоснете. Здесь большая артерия, ее нужно вскрыть.

— А как узнать, вскрыл ты ее или нет?

— И узнавать нечего, кровь фонтаном ударит. А вы, ребята, чуть в сторону отойдите.

Двое встали по бокам, придерживая бычка. Мак ахнул молотом ему по голове, бычок припал на передние ноги. Альберт резанул ножом и отпрыгнул в сторону — из артерии хлынула кровь. Теленок подпрыгнул и медленно осел. Мордой он ткнулся в землю, ноги подкосились. По сырой земле растекалась лужа густой алой крови.

— Какая досада, что сседить не во что, — посетовал Мак. — Будь у нас бочонок...

— С этим все! — крикнул Джим. — Выводите следующую! Сюда давай!

Помощникам его было в диковинку, как забивают бычка, но разделались они с двумя коровами, и любопытства у них поубавилось. Коровы лежали на земле, из голов сочилась кровь, Альберт вытер липкий нож куском мешковины и протянул его фермеру. Потом подогнал грузовик к тушам, помощники с натугой втащили их в кузов, свесив вялые коровьи головы за борт, чтобы кровь стекала на землю. В последнюю очередь погрузили десять мешков фасоли, сгрудив у кабины, сами уселись сверху.

Мак повернулся к фермеру.

— Спасибо, мистер.

— Это не моя ферма. И корова не моя. Я здесь издольщиком.

— Все равно спасибо. За то, что нож одолжили. — Мак помог Джиму взобраться в кабину, и тот сел рядом с водителем. Рукав рубашки у Альберта Джонсона до самого плеча побурел от крови. Альберт завел мотор, и, тяжело пыхтя, машина двинулась по проселочной до роге. Полицейский у ворот фермы поджидал их, и как только они выехали на дорогу, пристроился сзади.

Сидевшие, на мешках в кузове затаили песню.

Лишь супа просим на обед дать!

Лишь супа мы хотим отведать!

Полицейский лишь усмехнулся, а из кузова уже пропели и ему:

Слезы лить тебе весь век,

Твой начальник — гомосек!

Мак, перегнувшись через Джима, бросил Альберту:

— Городом не поедем. Нам нужно груз в целостности и сохранности в лагерь доставить. Не беда, если придется круг дать.

Альберт угрюмо кивнул.

Небо очистилось, но высокое солнце не грело.

— То-то ребята обрадуются! — сказал Джим.

Альберт снова кивнул.

— Дай им вволю мяса нажраться, так они тут же спать завалятся.

Мак рассмеялся.

— Удивляюсь тебе, Альберт. У тебя что же, нет высоких представлений о благородстве

рабочего класса?

— У меня вообще ничего нет, ни представлений, ни чего понасущнее.

— И терять нечего, кроме цепей, — вставил Джим.

— Как это нечего? Вон, волосы еще остались.

— Да и грузовик еще, — напомнил Мак. — Без грузовика мы б ни за что не управились.

— Доконал меня этот грузовик, — с сердцем сказал Альберт. — Чтоб ему пусто было, я с ним по миру пойду! — Альберт не сводил взгляда с дороги, но глаза у него погрузнели. Сквозь зубы он процедил: — Когда работенка есть, заработаешь, бывало, три доллара, ну, думаешь, сейчас девочку какую-никакую подцеплю. И всякий раз, как нарочно, упрется мой тарантас, закапризничает. И починка ровно в три доллара обходится. Этот чертов драндулет почище ревнивой жены.

— Живи мы в справедливом обществе, была б у тебя хорошая машина, — без тени шутливости сказал Джим.

— Да живи я в справедливом обществе, у меня б девчонка была. Я ведь не Дейкин. Это он на своем грузовике помешался, больше ничего в жизни ему не надо.

Мак повернулся к Джиму.

— Да, сразу видно, этот парень знает, чего хочет. Вовсе не машина ему нужна.

— Это ты верно подметил! — сказал Альберт. — Насмотрелся, как коров кончают, так сразу и прозрел.

13

Они уже ехали безбрежными садами. Листья яблонь потемнели после дождя, почернела и земля. По придорожным канавам бежали бурливые мутные ручейки. Полицейский не отставал, он повернул вслед за Альбертом раз, другой — грузовик дал крюк, объезжая город. За деревьями мелькали дома, там хозяйничали либо сами фермеры, либо издольщики.

— Кабы у ребят от дождя не портилось настроение, я б не возражал, чтоб и дальше лило как из ведра. То-то яблочки на деревьях погниют.

— И наши одеяла заодно, — угрюмо ввернул Альберт.

А в кузове затянули новую песню.

Честь и слава добрым людям!

Мы вовек их не забудем!

Альберт резко повернул и выехал на дорогу к ферме Андерсона.

— Отлично! Городок за милю объехали. Вдруг бы нас задержали немного б мы тогда привезли! Даже подумать страшно!

— Смотри, дымят, — указал Джим, — видно костер уже разожгли. — Меж яблонями вился, не поднимаясь выше крон, голубой дымок.

— Ставь машину в самом конце, у деревьев, — посоветовал Мак. Ведь туши-то придется разделать, а куски развешивать негде, разве что на ветках.

Их уже поджидали. Сидевшие в кузове на мешках махали шляпами, вскакивали, отвешивали поклоны. Альберт сбавил скорость и медленно повел машину через толпу в конец лагеря, там уже начинались яблони.

Лондон, а за ним и Сэм пытались протолкаться к машине. Люди вокруг заходились в радостном крике.

— Туши повесить! — скомандовал Мак. — Лондон, скажи поварам, пусть мясо потоньше нарезают — быстрее изжарится. А то ребята проголодались.

Глаза у Лондона блестели так же радостно, как и у всех вокруг.

— Господи, неужели поедим досыта! — приговаривал он. — Мы уж было вас и ждать перестали.

Сквозь толпу пробрались повара. Туши повесили на нижних ветках, освежевали, выпотрошили.

Мак крикнул:

— Лондон, надо чтобы все в дело пошло. Кости, головы и ноги пригодятся для супа.

На большой противень нарубили мяса, понесли к земляной жаровне, и вся толпа двинулась следом, освободив поварам место. Мак стоял на подножке грузовика и созерцал всеобщую суету. Джим все еще сидел в кабине, рычаг передач приходился ему меж ног.

Мак тревожно заглянул в кабину.

— Ты чего, Джим? Плохо себя чувствуешь?

— Да нет, все в порядке. Правда, плечо совсем затекло, не пошевелить.

— Тебя, небось, просквозило. Может, док чем подсобит. — Он помог Джиму выбраться, поддерживая под руку, повел к жаровне. Запах жарившегося мяса разносился по всему лагерю. С противня на угли капал жир, маленькие язычки-всполохи враз слизывали его. Толпа так тесно окружила жаровню, что поварам — а они переворачивали мясо длинными лучинами — приходилось проталкиваться к противню. Мак дошел с Джимом до палатки Лондона.

— Ты посиди здесь, а я за доком схожу. А приготовят мясо принесу.

В палатке было сумрачно. Брезентовые стены почти не пропускали света. Глаза у Джима постепенно привыкли к полумраку, и он увидел, что на матрасе, накинув на плечи одеяло и закутав им младенца, сидит черноглазая Лиза и открыто, без любопытства, смотрит на него.

— Привет! Как дела?

— Хорошо.

— Можно к тебе на матрац присесть? Мне чуток нездоровится.

Она подобрала ноги и отодвинулась. Джим сел рядом.

— Чем это так вкусно пахнет? — спросила она.

— Мясом. У нас столько мяса, ешь — не хочу!

— Я мясо люблю! Одним бы мясом кормилась!

Вошел, откинув полог палатки, темноволосый худой сын Лондона. Остановился, уставясь на Лизу с Джимом.

— Он чувствует себя плохо, — поспешила объяснить Лиза. — Он ничего такого не делает. Его в плечо ранили.

— А-а, вон что, — протянул парень. — А я «ничего такого» и не подумал, — обратился он уже к Джиму. — Жене все время кажется, что я ее ревную, а этого и в помине нет. — И назидательно добавил: — Не веришь женщине, так смотри за ней, не смотри — все без толку. Гулящая гулящей и останется. А Лиза у меня — жена верная. С чего бы ей не доверять. Он помолчал. — Там мясо жарят, много мяса. А еще фасоль привезли. Но ее, наверное, потом будем есть.

— Я и фасоль люблю, — вздохнула Лиза.

— А ребятам не терпится, — продолжал ее муж. — Так и норовят недожаренный кусок ухватить. Ведь заболеют же.

Полог взлетел вверх, и в палатку вошел доктор Бертон. В руках он держал кастрюлю с кипятком.

— Прямо святое семейство, — улыбнулся он. — Мак сказал, ты, Джим, плечо застудил.

— Болит очень, — кивнул Джим.

Док взглянул на Лизу.

— А что, если ты малыша на минутку положишь и сделаешь нашему больному согревающий компресс.

— Я?

— Ты, ты. Мне некогда. Снимешь с него куртку, наложишь на плечо горячую тряпку. Старайся, чтоб вода в рану не попала.

— Да я, наверное, не смогу.

— Отчего же? Ведь он тебе помогал. Давай, снимай с него куртку, потом рубашку. А я попозже приду и наложу свежую повязку. — И он вышел.

Лиза несмело спросила:

— А ты сам-то хочешь, чтоб я...

— Конечно! Давай, все у тебя получится.

Она передала малыша Джо, помогла Джиму снять голубую куртку, стянула с него рубашку.

— А майку ты не носишь?

— Нет.

Она молча намочила тряпку, приложила к ноющему плечу. Мало-помалу боль отпустила. Лиза прижимала тряпку, разглаживала ее на плече, а муж не сводил с нее глаз. Вскорости вернулся доктор Бертон, а с ним и Мак он принес насаженный на щепку большой кус подгоревшего мяса.

— Ну, как, полегчало?

— Намного! Лиза все как надо сделала.

Молодая женщина отодвинулась и смущенно потупилась. Бертон наскоро перевязал плечо, и Мак протянул Джиму кусок мяса.

— Я его уже посолил. Док вот говорит, тебе б сегодня отдохнуть не мешало.

Бертон кивнул.

— Простудитесь — начнется лихорадка, — предупредил он. — Тогда вообще сляжете.

Джим набил рот жестким мясом и никак не мог прожевать.

— А ребятам нравится? — наконец спросил он.

— На седьмом небе! — ответил Мак. — Теперь им море по колено. Дай им волю, кого угодно под орех разделают. Я это предвидел.

— А пикеты сегодня выставлять будут?

Мак призадумался.

— Если и будут, то без тебя. Ты посидишь здесь в тепле. Джо передал малыша жене.

— Там много мяса, мистер?

— Полно!

— Схожу, принесу нам с Лизой.

— Валяй. Вот что, Джим, хватит канючить. Сегодня много дел не наделаешь. Уже за полдень. Лондон вышлет ребят на машинах, пусть разведают, сколько предателей-подменщиков все-таки вышло на работу. А уж завтра что-нибудь насчет них придумаем. Еды нам всем на два дня хватит. Погода вроде разгулялась: будет ясно и прохладно. Надоел уж дождь-то.

— А ты что-нибудь слышал о тех, кто сейчас работает? — спросил Джим.

— Так, кое-что. Ребята говорят, их привозят на грузовиках под охраной, но это лишь слухи, — в нашем лагере они кишмя кишат, поди проверь!

— Ребята сейчас успокоились, притихли.

— А как же иначе?! Животы набили, и ладно. Вот завтра нужно бы их на дело поднимать. Долго мы не продержимся, а вот покрепче ударить можем.

На дороге затарахтел мотор, смолк, за палаткой вдруг закричали, загалдели и вновь все стихло.

— Лондон здесь? — В палатку просунулась голове Сэма.

— Нет. А в чем дело?

— Там какой-то расфуфыренный господинчик прикатил, главного спрашивает.

— Зачем ему главный?

— Понятия не имею. Говорит, хочю потолковать с главой забастовщиков.

— Около жаровни Лондона найдешь. Скажи, чтоб сюда сначала зашел. Небось, на переговоры этот господин приехал.

— Хорошо. Так Лондону и передам.

Лондон не заставил себя ждать. Вслед за ним в палатку вошел коренастый мужчина располагающей внешности. Гладко выбритые румяные щеки, седые, почти белые волосы, в уголках глаз — добродушные морщинки. Всякий раз, когда он заговаривал, на губах появлялась открытая приветливая улыбка.

— Вы начальник этого лагеря? — обратился он к Лондону.

— Ну, положим, — недоверчиво проронил Лондон. — Меня избрали главным.

Вошел угрюмый Сэм, сел позади Лондона, Мак присел на корточки, рукой чуть опираясь об пол. Незнакомец улыбнулся, зубы у него оказались белые, один к одному.

— Моя фамилия Боултер, — без церемоний представился он. — Я новый президент Ассоциации садовладельцев в этой долине.

— Ну и что? — хмыкнул Лондон. — Готовы мне теплое местечко предложить, если я ребят предам?

Лишь чуть опустились по бокам ухоженные розовые ладони Боултера, однако улыбался он как и прежде.

— Может, нам стоит начать разговор поспокойнее? — попросил он. Повторяю, я новый президент, а значит, и в наших отношениях будут перемены. Я не согласен с политикой нашего прежнего руководства.

Мак в это время глядел не на Боултера, а на Лондона.

Лицо у того немного прояснилось.

— Что ж, выкладывайте, с чем пришли.

Боултер посмотрел по сторонам, видимо, искал, куда бы присесть, но так и не нашел.

— Если мы будем рычать и огрызаться друг на друга, каши нам с вами не сварить. Это мое твердое убеждение. Я также считаю, всегда можно найти общий язык за столом переговоров и решить дело по-доброму.

— У нас нет стола, — ухмыльнулся Лондон.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я, — продолжал Боултер. — В Ассоциации все полагают, что вы не станете прислушиваться к голосу разума, но я постарался их разубедить: если американскому рабочему предложить что-то толковое, он прислушается.

— Ну, так и предлагайте «что-то толковое». — Сэм даже сплюнул. — Мы ведь слушаем.

Белозубая улыбка Боултера стала еще шире. Он одобрительно оглядел собравшихся.

— Вот видите? И я им то же самое говорил. Выложим карты на стол, и мы, и вы, посмотрим, может, ни одна из сторон и не проиграет. Ведь не звери же американские труженики!

— Говорите складно, вам бы в Конгрессе выступать, — буркнул Мак.

— Простите, не расслышал?

— Да нет, это я не вам, — ответил Мак.

Лицо у Лондона снова посуровело.

А Боултер продолжал:

— И приехал я ради того, чтобы выложить карты на стол. У меня и у самого, как вы знаете, есть сад, но из этого не следует, что мне чужды ваши интересы. Все понимаем: не ублажишь рабочего человека — сам не заработаешь, — он замолчал, видимо, ожидая ответ а, но никто не проронил ни слова. И продолжал: — Во всяком случае, я себе это так представляю. А пока мы с вами рычим да огрызаемся друг на друга, мы все в проигрыше. Предлагаю вам вернуться на работу. Вы получите то, что заработаете, мы — собранный урожай. И обе стороны довольны. Ну так как, возвращаетесь? И чтоб без претензий, без взаимных укоров, а как два разумных человека.

— Конечно, мистер, мы вернемся на работу, что ж, разве мы не американские работяги! Повысьте расценки, как мы просили, да прогоните всю сволоту, что за наш счет поживиться приехала. И завтра же с утра мы приступим к работе.

Боултер оглядел собравшихся. Улыбнулся каждому по очереди.

— Что ж, я считаю, расценки надо бы повесить. Я своим коллегам так прямо и сказал. Возможно, я плохой хозяин, в чем меня и упрекнула Ассоциация. Нынешние расценки — максимальные, выше мы просто не можем себе позволить, иначе останемся в убытке.

Мак ухмыльнулся.

— Мы все-таки, наверное, не настоящие американские труженики. Все, что вы говорили, толковым не назовешь. По мне, так вы нам суете пустую обертку без конфеты.

— Повысь они расценки, это все равно, что признать нашу победу, вставил Джим. — А победы мы, тысячи бедолаг поднимутся. Верно я говорю, мистер?

Боултер ответил с неизменной улыбкой.

— Я давно уже подумывал, чтобы повесить расценки. Но раньше у меня не было власти. Мнение мое и сейчас не изменилось, а положение изрядно: я президент Ассоциации. И я огласил свое решение, кое-кому оно пришлось не по вкусу: я настоял, чтобы расценки вам повысили до двадцати центов. И хватит взаимных претензий и укоров. Завтра утром мы ждем вас на работу.

Лондон покосился на Сэма. Тот все еще был мрачнее тучи. Лондон засмеялся, хлопнул его по костлявому плечу.

— Мистер Боултер, — ответил он, — Мак тут верно сказал: мы, наверное, не настоящие американские труженики. Вы хотели выложить карты, а свои-то выложили «рубашками»

вверх. А наши, клянусь богом, все козыри. Ваши яблоки мы и не подумаем собирать, пока денег не прибавите. И никому другому их собирать не позволим. Ну, что скажете, мистер Боултер?

Улыбка, наконец, сползла с лица президента, и он серьезно проговорил:

— Американский народ потому и стал великим, что всегда брался за дело споро и дружно. Американскому труженику равных на всем белом свете не сыскать, как и его заработной плате!

Лондон сердито оборвал его.

— Может, китаец и полцента не получает в день, да на жратву хватает. А мы, может, в сто раз больше получаем, да что толку голодными ходим.

Боултер снова нацепил улыбку.

— И у меня есть дом, дети. И я работаю не покладая рук. Поверьте, я такой же, как и вы, такой же труженик. Все, что у меня есть, заработал своими руками. Судя по слухам, вас красные на смуту подбивают. Я не верю. Не верю, чтобы американцы, возвращенные на наших идеалах, слушали красных. Мы все, так сказать, в одной упряжке. И в эти трудные времена нам нужно все равно идти вперед и помогать друг другу.

— Кончай мозги пудрить! — выкрикнул вдруг Сэм. Если есть что предложить, выкладывай, а болтовни с нас хватит!

Боултер враз сник.

— Согласны на половинную прибавку?

— Нет! — отрезал Лондон. — Видать, крепко вас прижало, иначе вы б и на эту малость не согласились.

— А почему вы решаете за остальных, вдруг они проголосовали бы против вас?

— Вот что, мистер, ребята у нас горячие, не дай бог вы к ним сунетесь, они костюмчикто ваш и память могут. Мы бастуем, потому что нам мало платят. В садах выставим пикеты и ни одного из ваших молодчиков, которых вы навезли, и близко не подпустим. Ну, а теперь, наконец выкладывайте ваши карты. Что будете делать, если мы не станем работать?

— Натравят «бдительных», — подсказал Мак.

— Ни о каких «бдительных» мы понятия не имеем, — поспешно сказал Боултер. — Но если возмущенные горожане объединятся, чтобы восстановить покой и порядок, это их дело. Об их планах Ассоциации неизвестно. — И он снова улыбнулся. — Разве вы не понимаете: если наши дома, наши дети окажутся в опасности, мы, конечно, будем их защищать. Разве вы бы не стали защищать своих детей?

— Что мы и пытаемся делать! — воскликнул Лондон. — Пытаемся спасти их от голодной смерти. И средство у нас, у рабочего люда, только одно. Так что вам лучше и не заикаться о детях, не то...

— Мы всего лишь хотим решить спор мирно, — сказал Боултер. Американские граждане требуют порядка, и заверяю вас, мы порядка добьемся, даже если придется просить войска у губернатора штата.

— Да, вы наводите порядок, — клопоча негодованием, выкрикнул Сэм. — Из окон, паскуды

трусливые, по людям стреляете. В Фриско женщин затапывали — тоже порядок наводили. А в газете пишут: «Сегодня, напоровшись на штык, погиб забастовщик». Ишь, как вывернули «напоровшись» на штык.

Лондон одной рукой обхватил разошедшегося Сэма и отстранил его от Боултера.

— Тише, Сэм, тише! Успокойся!

— Пошел к черту! — не унимался тот. — Ишь, уши-то развесил, слушаешь брехню всякую.

Лондон на мгновение застыл, и тут же увесистый кулак его расквасил Сэму нос. Сэм упал. Лондон лишь взглянул на него.

— Забастовщик напоролся на кулак! — Мак истерично рассмеялся.

Сэм приподнялся, сел.

— Что ж, Лондон, сила солону ломит. Я больше и слова не скажу, жаль только, что в Кровавый четверг тебя в Фриско не было.

Боултер даже не шелохнулся.

— Я надеялся, вы не останетесь глухи к здравому смыслу, — сказал он. — У нас есть сведения, что вас баламутят красные, специально подосланные их организацией. Они вводят вас в заблуждение, обманывают вас. Им бы только смуту затеять. Это, если хотите, их профессия, они за это деньги получают.

Мак не выдержал, поднялся на ноги.

— Так, значит, они поганцы, американских тружеников только в заблуждение вводят? Может, и деньги-то они из России получают, а, мистер Боултер?

Тот смерил Мака долгим взглядом, румянец схлынул.

— Ну, что ж, вы вынуждаете нас на крайние меры. Жаль. Я хотел решить дело миром. Мы знаем, кто среди вас красные, с ними мы разделаемся. — Он повернулся к Лондону и едва ли не умоляюще произнес: — Не поддавайтесь на уловки! Возвращайтесь на работу. Мы хотим решить дело миром.

Лондон насупился.

— Хватит, сыт вашими речами по горло! Миром хотите дело решить! Мы-то на вас не нападали, лишь дважды с демонстрацией прошли. А вы? Одного убили, двоих ранили, сожгли грузовик и передвижное кафе, попытались голодом задушить. Тошнехонько, мистер, от вашей лжи. Давайте я вас провожу, а не то Сэм до вас доберется и, ради бога, никого больше не присылайте, пока не решите честный разговор вести.

Боултер печально покачал головой.

— Мы не хотим с вами воевать. Мы хотим лишь, чтоб вы к работе вернулись. Но уж если дойдет до схватки, чем воевать у нас найдется. Органы здравоохранения уже косятся на ваш лагерь. Властям не нравится, что в округ поступает непроверенное мясо. Местным жителям тоже надоели беспорядки. И, если понадобится, мы вправе вызвать войска.

Мак подошел к выходу, откинул полог. Уже вечерело. В лагере стояла тишина, люди не спускали глаз с палатки Лондона, их лица белели в сумеречной дымке. Мак крикнул:

— Все в порядке, ребята! Мы вас не предадим! — и бросил Лондону: — Зажги-ка свет. Я хочу

пару слов сказать этому «другу человека».

Лондон поднес спичку к жестяному фонарю, повесил его на шест в середине палатки, фонарь светил тускло, но ровно. Мак встал прямо против Боултера, на губах появилась презрительная улыбка.

— Ты, папаша, говорил хорошо, хотя я-то знаю: со страху, небось, не раз в штаны напустил. Верно, все угрозы ты, пожалуй, исполнишь, но посмотри, к чему это приводит. Стоило в Вашингтоне санитарному управлению сжечь палатки забастовщиков, как Гувер лишился на выборах голосов, рабочих голосов. Вы вызвали войска в Фриско, и почти весь город перешел на сторону забастовщиков. С помощью полиции вы не пропускаете продовольствие бастующим, и все для того, чтобы настроить против них общественное мнение. Я, мистер, сейчас не взываю к вашей совести, я лишь напоминаю, к чему приводили крутые меры. — Мак отступил на шаг от выхода. — Откуда, по-вашему, мы достаем пищу, одеяла, лекарства, деньги? Вы и сами прекрасно знаете — у вас в долине нас многие поддерживают. А ваши «возмущенные граждане» возмущены-то вами, и вам это хорошо известно. А перегнуть палку боитесь — против вас тогда профсоюзы ополчатся. И водители, и официанты, и те, кто на ферме спину гнет, — одним словом, все. И вы, предвидя все это, идете на хитрость. Увы, не вышло! Лагерь этот чище, чем те бараки, которые вы сборщикам построили. Теперь вы хотите нас запугать. И это не выйдет.

Боултер побледнел, отвернулся от Мака и обратился к Лондону:

— Я ехал мириться. Вы хоть знаете, что этого человека заслал к вам штаб красных, чтоб он забастовку затеял? Смотрите, как бы и вам не оказаться по соседству с ним за решеткой. У нас есть право защищать свою собственность, и мы этим правом воспользуемся. Я хотел откровенно поговорить с вами, предложил выгодные условия. Вы не согласились. Отныне дороги для вас закрыты. С сегодняшнего вечера запрещаются демонстрации на дорогах, принадлежащих округу, и прочие сборища. А шерифу даны полномочия набирать хоть тысячу помощников, если сочтет нужным.

Лондон взглянул на Мака, тот подмигнул.

— Дай бог, мистер, если удастся вас в целости — сохранности отсюда препроводить, — вздохнул Лондон. — Услышь ребята ваши слова, на части вас разорвут.

Боултер стиснул зубы, прикрыл глаза, расправил плечи.

— Не думайте, что вам удастся меня запугать. Я сумею защитить свой дом и своих детей, а, если придется, то и ценой жизни. А хоть пальцем меня тронете, от всего вашего лагеря к утру мокрое место останется.

Лондон сжал кулаки, шагнул вперед, но Мак проворно преградил ему путь.

— Он и впрямь не из пугливых, Лондон. Не чета другим. — И, круто повернувшись, обратился к Боултеру: — Мистер Боултер, мы проводим вас. Друг друга мы поняли. Теперь ясно, чего от вас ожидать. Ясно нам и другое: вам придется ох как крепко подумать, прежде чем применять против нас силу. Не забывайте, тысячи людей шлют нам продукты и деньги. Будет нужно, и другим чем помогут. До сих пор мы вели себя тихо-смирно, мистер Боултер, но если вы начнете подличать, мы все вверх дном перевернем — век помнить будете.

— На этом можно поставить точку, — холодно подытожил Боултер. Жаль, но мне придется доложить, что вы не согласны на компромисс.

— Компромисс! — воскликнул Мак. — Да вы нас в угол загоняете, какой же это компромисс?! — Взяв себя в руки, он продолжал уже спокойнее: — Лондон, иди слева, ты, Сэм, — справа,

постараемся вывести этого господина целым — невредимым. А потом расскажете ребятам, что он предлагал. Только чтоб все тихо-мирно. И пусть каждый отряд готовится к борьбе.

Окружив Боултера, они провели его через плотную молчаливую толпу, посадили в машину и долго смотрели ей вслед. Когда она исчезла из виду, Лондон обратился к людям:

— Если кто хочет послушать, о чем мы толковали с этим сукиным сыном, пойдете к помосту, оттуда говорить удобнее, — и направился к нему первым, за ним и вся взбудораженная толпа. Повара даже оставили плиты, там варился фасоловый суп с мясом. Мышками выскальзывали из палаток женщины и тоже спешили к помосту. Его окружили тесным кольцом, все вглядывались в лицо Лондона, почти неразличимое в сумерках.

В присутствии Боултера доктор Бертон не вымолвил ни слова, его словно и не было в палатке, но вот гость и провожатые удалились, остались лишь сидевшие на матрасе Джим и Лиза; доктор подошел к ним, присел на краешек. Лицо у него было встревоженное.

— Не иначе — ждуть беды, — сказал он.

— А нам этого и надо, Док, — воскликнул Джим. — Чем хуже все обернется, тем больший получится отклик.

Бертон грустно взглянул на него.

— Вы хоть видите какой-то выход. А я не вижу. И мне все кажется бессмыслицей, жестокой бессмыслицей.

— Нельзя останавливаться на полпути, — продолжал Джим. — Вот станут рабочие трудиться не на дядю, а на себя, тогда можно сказать, что дело сделано.

— Как у вас все просто, — вздохнул Бертон. — Вот если б и мне все казалось столь же простым... — Он повернулся к Лизе. — А ты как бы нашу задачу решила?

Она вздрогнула.

— Чего?!

— Говорю, чего б тебе хотелось для счастья?

Молодая мать смущенно потупилась, поглядела на ребенка.

— Корову бы хотелось, — сказала она. — Хочу масла и сыра.

— Значит, будешь эксплуатировать корову?

— Чего?

— Прости, это я сдуру. А у тебя, Лиза, была когда-нибудь корова?

— Была. Я тогда под стол пешком ходила. Парное молоко помню. Надоит отец немножко и дает. Теплое. Вкусное! И маленькому польза была б.

Бертон уже отвернулся от нее, но она продолжала:

— Коровы едят траву, иногда сено. Подоить не каждый сумеет. Они брыкаются.

Бертон заговорил с Джимом:

— А у вас была корова?

— Нет.

Бертон усмехнулся.

— Вот уж не думал, что революционерам коров не полагается.

— К чему это вы, док, клоните?

— Да так, ни к чему. Просто что-то взгрустнулось. В войну я прямо со школьной скамьи в армию попал. На моих глазах одному из наших солдат разворотило грудь; как-то раз притащили немца: глаза выпучены, вместо ног — кровавые култышки. Мне их точно лучину щепать пришлось. Но кончилась война, кончились ужасы, а на меня нет-нет, да и найдет тоска, пусто на душе делается.

— А вы, док, почаще о будущем думайте. Ведь наша борьба породит что-то новое, хорошее. В том и ценность этой борьбы.

— Увериться бы в этом! Мой недолгий опыт подсказывает, что какова цель, таковы и средства. Неужели, Джим, вы не понимаете, что насилие породит лишь насилие?

— Не верю, — откликнулся Джим. — Все великие дела с насилия начинались.

— Ни в чем не сыскать начала или конца — Мне иной раз кажется, человек занят страшной яростной борьбой, которая тянется из забытого прошлого в неведомое и непонятное будущее. И человек упрямо преодолевает все препятствия, побеждает всех врагов, кроме одного — Он не в силах победить себя. До чего же человечество себя ненавидит!

— Мы не себя ненавидим, а частный капитал, он всех нас на колени поставил, — заметил Джим.

— Но ваши противники такие же люди, как и мы — Человек сам себя ненавидит. Психологи утверждают: любовь человека к самому себе полностью уравновешивается ненавистью к самому себе. И для всего человечества тот же закон справедлив. Мы сами с собой воюем, а убедить можно, лишь всех людей до единого перебив. Я сам по себе, и мне нечего ненавидеть. А вот что вам все это сулит, Джим?

— Мне лично? — Джим ошалело ткнул себя пальцем в грудь.

— Да вам. Что вам сулит весь этот шабаш?

— Не знаю, да и не хочу знать.

— Ну, допустим, у вас случится заражение крови или вы умрете от столбняка, а забастовка кончится неудачно? Что тогда?

— Это неважно, док, — упорно повторил Джим. — Совсем неважно. А ведь недавно и у меня были такие же мысли, как и у вас.

— И как же вы переменились? — спросил Бертон. Точнее, как менялись?

— Не знаю. Ведь и я жил сам по себе, а теперь все по иному. И случись мне сейчас умереть, дело наше не застопорится — ведь я в нем всего лишь крупинка — а будет расти, крепнуть. Мне ранение и то в радость, и Джой перед смертью, честное слово, хоть секунду, но порадовался. Подстрелили его, и он наверняка успел сообразить, что умирает ради общего дела, и — обрадовался. Я уверен в этом.

Снаружи кто-то заговорил ровным низким голосом. Потом раздалось несколько криков, потом

— рев толпы, словно рык разъяренных зверей.

— Лондон речь держит, — определил Джим — А ребята уже распалились, так злобой и кипят. Надо же людская злоба прямо по воздуху передается. Вам не понять, док. Мой старик все тоже — сам по себе. Избирали его, и он едва домой приползал. Один одинешенек всегда, я это отлично помню. А я сейчас не один. И меня сейчас избить непросто — сил у меня побольше, чем у прежнего Джима Нолана.

— Это как раз мне понятно. Чистейший религиозный экстаз. Вы, проливая свою кровь, чувствуете себя причастными невинному агнцу.

— О каком религиозном экстазе речь! — воскликнул Джим. — Это люди, а не Бог. Они познаваемы!

— Ну, а разве общность людей нельзя считать Богом?

Джим так и вскинулся.

— Док, у вас все слова, слова, слова. Вы строите из них западню, но сами же в нее и попадете. Меня вам не поймать. Ваши слова для меня ничто! Я знаю, что делаю. И никакими доводами меня не свернуть.

— Успокойтесь, — мягко проговорил Бертон. — К чему так волноваться. Спорить я и не собирался. Просто хотел кое-что уяснить. А вы — что один, что другой — почему-то яритесь, когда вам вопросы задают.

Сумерки сменились ночью, фонарь, казалось, горел ярче, свет доставал до самых укромных уголков. Неслышно вошел Мак, он словно хотел отстраниться от шума и криков на улице.

— Ребята вошли в раж, — сообщил он. — Мясом с фасолью пообедали, теперь у них иной голод проснулся, я это предвидел. Пусти их — весь городок спалют.

— Как там небо? — спросил Бертон. — Ждать завтра дождя?

— Ночь ясная, звездная. Завтра распогодится.

— И вот еще что, Мак. У меня карболка кончилась. Еще некоторое время перебьемся, но случись эпидемия какая, тогда дела плохи.

— Знаю, — кивнул Мак. — Я уже оповестил наших в городе. Они сейчас деньги собирают. За Дейкина нужно залог внести, чтоб его выпустили. Как его посадили, я сразу за дело взялся.

— Ничего, вы и Лондона командовать научите, — Бертон резко поднялся с матраца, — незаменимых нет.

Мак пристально посмотрел на доктора.

— Что с вами? Нездоровится?

— С чего вы взяли?

— Да взвинчены вы очень. Устали, наверное.

Бертон сунул руки в карманы.

— Может быть. А может, мне просто одиноко. Чертовски одиноко. Работаю в одиночку, а к чему все? У вас преимущество: я у людей сердце стетоскопом прослушиваю, а вы чуете его на расстоянии. — Он вдруг нагнулся, взял Лизу за подбородок, повернул лицом к себе,

заглянул в сощурившиеся глаза. Молодая женщина легонько тронула доктора за запястье. Он тут же убрал руку в карман.

— Жаль, док, у меня ни одной знакомой здесь нет, не мешало б вам сейчас побыть с женщиной. В городе-то Дик вас быстро направил бы к кому нужно, у него там подружек — не счесть. Но вас там могут схватить и за решетку упрятать. А без вашего санитарного надзора нас отсюда в два счета выкинут.

— Порой, Мак, вы чрезвычайно догадливы, а порой наоборот. Пойду-ка я проведу Альфа Андерсона, сегодня так и не удосужился к нему заглянуть.

— Идите, док, глядишь, на душе и полегчает. Ну, а за Джимом я присмотрю.

Док еще раз бросил взгляд на Лизу и вышел.

Крики за стеной утихли, голоса теперь были едва слышны. Казалось, сама ночь нашептывала что-то за палаткой.

— Док ничего не ест, — сказал Мак, — и никто не видел, чтоб он спал. Ох, боюсь, не выдержит он. Раньше-то ему все было нипочем. Женщина ему позарез нужна, хотя бы на ночь, чтоб пригрела, приласкала. Да и мне того же недостает. Тебе, Лиза, повезло — у тебя вон малыш: а то я б дело так не оставил.

— Чего?

— Как малыш, спрашиваю?

— Хорошо.

Мак серьезно покачал головой и сказал Джиму:

— Люблю не болтливых девчонок.

— Что там на улице происходит? Мне уж тут невтерпеж сидеть, пожаловался Джим.

— Да так, Лондон передал ребятам слова нашего гостя-щеголя и попросил проголосовать, доверяют ему или нет. Конечно, все его поддержали. А сейчас он с командирами насчет завтра толкует.

— А что — завтра?

— Да гость-то наш правду говорил: завтра все дороги в округе для наших ребят закроются. Не знаю, может, они забыли, что у нас еще машины есть. Так что завтра оцеплять сады мы не пойдем, а вышлем «летучие отряды». Разгоним одну кучу сборщиков, мигом — по машинам, и к следующей. По-моему, должно сработать.

— А где горючее возьмем?

— Со всех машин соберем для наших «боевых». А послезавтра еще что-нибудь придумаем. Да, может, завтра так этих подлюг продажных запугаем, что они потом и в сады то не сунутся, а мы передохнем, пока новая партия «подменщиков» не прибудет.

Джим спросил:

— Мне можно завтра поехать, а?

— Да какой от тебя толк! — крикнул Мак. — Там нужны крепкие кулаки. Ты только место в машине будешь занимать. Подумай сам, куда тебе с больной-то рукой?

Откинув полог, вошел Лондон, довольный и покрасневшийся.

— Да, ребята, похоже, настроены по-боевому. Так разошлись, что ни за понюшку табаку в Торгасе камня на камне не оставят.

— Держите их поостороже, — посоветовал Мак. — У них сейчас на сытый желудок кровь взыграла. Точно жеребцы необъезженные: выпусти их — не поймаешь.

Лондон пододвинул ящик, сел.

— Сейчас и ужин поспеет. Слышь, Мак, я все хотел спросить: поговаривают, будто ты — красный. И те, что приезжали, то же самое твердят. Похоже, все о тебе разнюхали.

— Вон оно что!

— Ответь мне честно: вы с Джимом — красные?

— А как по-твоему?

Глаза у Лондона сердито сверкнули, но он сдержался.

— Не юли, Мак. Мне не по нраву, что наши враги знают о тебе больше, чем я. Да я, черт возьми, вообще ничего не знаю. Явился к нам в лагерь, подсобил. Я ни разу тебя ни о чем не спросил. Ни разу. И сейчас бы об этом разговор не завел, кабы знал, чего от тебя ждать.

Мак замялся, Вопросительно взглянул на Джима. Тот кивнул: говори, мол, я не против.

— Видишь ли, Лондон, — начал Мак. — Люди к тебе привязываются, и привязываются крепко. Сэм любому, кто на тебя косо посмотрит, горло перегрызет.

— Верно, друзья у меня хорошие, — согласился Лондон.

— Вот и я о том же. Я ведь тоже к тебе привязался. Ну, допустим, я — красный, что тогда?

— Ты останешься мне другом.

— Ну, вот и славно. Я и впрямь красный. И никакой тайны из этого не делаю. Говорят, дескать, я эту стачку затеял. Но пойми же: рад бы я ее затеять, да одному не под силу. А здесь и сил-то прикладывать не пришлось. Все само собой закрутилось.

Лондон глядел на него внимательно и настороженно, словно боялся вспугнуть мысль Мака, которую он, Лондон, медленно пережевывал.

— А что вы с этого имеете? — спросил он.

— Ты о чем, о деньгах, что ли? Да ни гроша не имеем.

— Тогда зачем вам все это надо?

— Трудно объяснить... Ну, вот, скажем, ты горой стоишь за Сэма, за всех, кто с тобой колесит по стране. А я — за каждого американского работягу душой болею.

— И даже за тех, кого не знаешь?

— Даже за тех! Да и Джим такой же, как и я.

— Ну и ну! Прямо чертовщина какая-то! Не дурачишь меня, парень? Неужто ни гроша за свою работу не получаете?

— А мы разве сюда на «роллс-ройсах» прикатили?

— Ну, может, потом?

— Когда — потом?

— Потом, когда забастовка кончится, тогда и огребете.

— А этого «потом» у нас просто не будет. Кончим работу здесь, нас следующая забастовка дожидается.

Лондон смотрел на Мака прищурившись, словно хотел прочитать мысли.

— Что ж, поверю, — раздумчиво произнес он. — Пока ты меня еще не пробрасывал.

Мак крепко хлопнул его по плечу.

— Спросил бы раньше, я бы таиться не стал.

— Ничего против красных я не имею, — сказал Лондон. — Хотя только и слышишь, как их поносят. Сэм, конечно, и зол бывает и вспыльчив, но о нем и слова плохого никто не скажет. Пойдемте-ка, поедем.

Мак поднялся.

— Я, Джим, вам с Лизой ужин принесу.

Уже выходя, Лондон сказал:

— Эх, ночь-то какая светлая! Я и не знал, что сегодня полнолуние.

— Ничего подобного!

— Да ты взгляни! Видишь, какая луна выкатывает!

— А почему ж не с востока? Да это ж... Господи! Это ж у Андерсона полыхает! Его дом подожгли! Собирай ребят! Где ж наши охранники были?! Быстрее ребят собирай! — И он бросился к деревьям, за которыми занималось красное зарево.

Джим соскочил с матраца и бросился вслед за Маком. Он и не чувствовал боли в плече. Вот что-то пророкотал Лондон, затопало множество торопливых ног. Около деревьев Джим припустил быстрее — из-за вершин уже показался дымный гриб, в красных бликах мелькали языки пламени. За топотом ног слышался зловещий треск. С пожарища доносились отчаянные крики, приглушенный собачий вой. От деревьев побежали длинные тени. На задах в саду тоже хозяйничал огонь, там суетились темные фигуры. Впереди Джима, тяжело топая, бежал Мак. Все ближе жаркое дыхание пожара. Джим догнал друга.

— Горит сарай, — выдохнул он. — Яблоки успели вывезти?

— Джим! Ты-то какого черта увязался! Яблоки там, в сарае. А вот где наши охраннички, хотел бы я знать! Ни на кого положиться нельзя!

Сад кончился. На открытом месте их сразу опалило жаром. Все четыре стены сарая были охвачены пламенем, золотистые языки уже жадно лизали крышу. Охрана столпилась у маленького дома Андерсона, притихшие люди смотрели на пожар, а перед ними прыгал и корчился Андерсон.

Мак остановился.

— Мы уже ничем не поможем. Наверное, газолином облили.

Мимо пронесся Лондон, страшным было его лицо. Подбежав к охранникам, он закричал:

— Где вас черт носил! Проворонили все на свете!

Один из охранников крикнул, перекрывая шум и треск:

— Ты же сам за нами человека прислал! Мы полпути прошли, тогда и увидели, как амбар занялся.

Ярость в Лондоне враз утихла, разжались кулаки. словно взывая о помощи, повернулся он к Маку с Джимом, в глазах у тех играли блики пламени. К ним подскочил Андерсон, он неистово трясся, дергался. Приблизившись к Маку, вскинул голову и бросил ему в лицо:

— Тварь ты подлая! — Голос у него сорвался, старик зарыдал и повернулся к пылавшему факелом сараю. Мак обнял было старика, но тот сбросил его руку. С пожараща сладковато тянуло горелыми яблоками.

Мак устало и безнадежно поник.

— Видит бог, я такого исхода не хотел, — сказал он Лондону. Бедный старик, всего урожая лишился! — Он умолк, пораженный какой-то догадкой. — Господи! А ты, Лондон, охрану в лагере оставил?

— Нет, мне и в голову не пришло...

Мак так и взвился.

— Пойдемте же все вместе, да поскорее. Вдруг они нас нарочно из лагеря выманили. Оставьте людей здесь, чтоб хоть дом сберегли. — И он припустил обратно, наперегонки со своей же длинной тенью. Попытался бежать вровень и Джим, но его замутило, ноги сделались ватными. Его обгоняли, обгоняли, обгоняли. Вот он и один, едва волочит ноги, шатается, словно пьяный, чуть не падает, когда нога попадает в рытвину. Не видно зарева над палаточным лагерем. Джим побрел по тропинке меж яблоневых рядов. Вот позади с треском обрушились амбарные стены. Джим даже не обернулся. Он не прошел и половины, как ноги сами собой подогнулись, и он рухнул наземь. Над головой в небе он увидел сполохи пожара, а с другой стороны — холодно мерцавшие звезды.

Там и наткнулся на него Мак, пустившийся разыскивать Друга.

— Что с тобой, Джим?

— Да ноги подустали малость. Я сейчас отдохнул и дальше пойду. В лагере все в порядке?

— К счастью. Не добрались до нас пока. У нас один покалечился. Упал да ногу вывихнул. Нужно дока разыскать. Какие ж мы дураки, как нас запросто вокруг пальца обвели: один отвлек охрану, а остальные газолином сарай облили, да спичкой чиркнули и глазом м оргнуть не успели — все прибрал огонь. Теперь уж Андерсон спуску не даст. Выгонит, наверное, завтра.

— И куда ж мы тогда?

— Не твоя забота! У тебя и так еле-еле душа в теле. Дай-ка руку, один не доберешься. А дока ты, случаем, на пожаре не видел?

— Нет.

— Он собирался проведать Альфа. А вот вернулся ли — я не заметил. Так, поднимайся, поднимайся. Придется тебе постельный режим прописать.

Огонь пошел на убыль. Он уже не тянулся Жадными языками к небу, а все больше припадал к земле.

— Держись за меня крепче. Ну и разошелся же Андерсон! Слава богу, хоть дом его цел.

Их нагнали Лондон и Сэм.

— Ну, как там в лагере?

— Все в порядке. Никто пока не трогал.

— А что с парнем?

— Да после ранения ослабел малость. Поддержите-ка его с другого бока.

Так втроем они доволокли Джима до лагеря, уложили в палатке Лондона на матрац.

— Не видел ли кто дока? — снова спросил Мак. — Там один из наших ногу вывихнул.

— Да нет, он мне вообще не попадался.

— Куда ж он запропал?

Молча в палатку вошел Сэм. На худом лице ходили желваки. Неуклюже переступая, шагнул к Маку.

— Помнишь, к нам тогда этот тип приезжал, кричал, что они примут меры...

— Какой тип?

— Да тот, первый, а ты ему еще сказал...

— Что сказал-то?

— Сказал, что мы тоже примем меры.

— Видишь ли, Сэм, так легче показать людям, кто есть кто. — Мак бросил взгляд на Лондона.

— И сейчас они на нашей стороне. Стоит ли этим пренебрегать?

— Нельзя, чтоб все этим сволочам сходило с рук! задыхаясь от злобы, произнес Сэм. — Нельзя, чтоб они безнаказанно сжигали все дотла.

— Ты, Сэм, давай ближе к делу, — прервал его Лондон. — Что ты, собственно, предлагаешь?

— Возьму пару наших и чуток побалуемся со спичками. — Мак с Лондоном насторожились. — И плевать я хотел! Как решил, так и сделаю. Есть тут один по фамилии Хантер. Дом у него белый, большущий. Я на него канистры газолиты не пожалею.

Мак усмехнулся.

— Взгляни-ка на этого парня, Лондон. Что-то я такого не припомню. Не знаешь ли, кто это?

Лондон подхватил шутку.

— Нет, вроде не встречал.

— Я тоже его и в глаза не видывал. Да он вроде и не из нашего лагеря.

— Верно! Он, поди, из тех, кому бы только зло сорвать. Нас из-за таких вот субчиков в каких только грехах не обвиняли.

Мак наклонился к Сэму.

— Если поймают, тебе все придется брать на себя.

— И возьму, — хмуро пробурчал тот. — Никогда с больной головы на здоровую не сваливал. И никого из ребят с собой не поведу, у меня уже другая задумка.

— А мы тебя знать не знаем. Ты просто озлобился.

— Как не озлобиться, если тот хозяйчик меня по миру пустил! — гнул свое Сэм.

Мак крепко стиснул ему плечо.

— Спали сукина сына дотла! — яростно проговорил он. — Чтоб ни досточки от дома не осталось! Ох, как бы мне хотелось с тобой пойти!

— Тебе здесь надо быть, — сказал Сэм. — Тебе с ним счета сводить нечего. Он меня обобрал, а я страсть как красного петуха пускать люблю! С детства со спичками баловался!

— Ну что ж, Сэм. Счастливого пути. Встретимся еще.

Сэм неслышно выскользнул из палатки и растворился во тьме. Лондон и Мак с минуту молча смотрели на еще колыхавшийся полог.

— Сдается мне, не придет он обратно, — вздохнул Лондон. — Сам себе удивляюсь, за что можно любить такого: злой, как пес. Вечно на рожон лезет.

Джим молча сидел на матрасе, лицо у него было встревоженное. По стенам палатки еще прыгали розоватые отблески далекого, убывающего пожара. Вот, разорвав тишину, завывли пожарные сирены, завывли неистово и тоскливо.

— Подождали, пока разгорится, тогда и пожарников послали, горько усмехнулся Мак. — Слушай, Лондон, а ведь мы с тобой так ничего и не ели. Пойдем-ка, Джим, я тебе чтонибудь принесу.

Джиму осталось только дожидаться друзей. Лиза, тихонько закутав малыша одеялом, совала ему грудь.

— Ты хоть по лагерю-то ходишь? — спросил Джим.

— Чего?

— Да сидишь, говорю, сиднем. Вокруг такое творится, а ты и не замечаешь. И слышать даже не слышишь.

— Поскорее б все кончилось. Хочу в доме жить, чтоб не земляной пол был, а настоящий. Чтоб уборная рядом. Не по душе мне ваша «борьба».

— Без этого не обойдешься. Может, со временем все образуется, да уж мы, наверное, не доживет.

Вошел Мак, принес два дымящихся котелка.

— Пожарные явились на пепелище. Держи, Джим, здесь говядина с фасолью. А это, Лиза, тебе.

— Напрасно ты Сэма отпустил, — сказал Джим.

— Это почему ж?

— Потому что дело не правое. Ты сам прекрасно чувствуешь. Ты дал волю собственной злобе.

— Вон оно что! Значит, тебе наплевать, что старик Андерсон амбара со всем урожаем лишился?!

— Конечно, не наплевать. Может, и стоит дом Хантера спалить. Только волю чувствам все равно давать не след.

— Ишь как заговорил! Ты, поди, жалобу на меня в комитет напишешь. Я тебя сюда привез ума-разума набираться, а ты как зануда-учителишка, мне же и мораль читаешь. Да кто ты такой в самом деле! Ты под стол пешком ходил, а я уж партийной работой занимался!

— Подожди, Мак, не горячись. Я думаю, мозгами шевелю, толку от меня немного, верно. Ребята дело делают, а я сижу тут, жду, пока рана заживет. Я всего лишь посоветовал тебе держать себя в руках. Злоба трезво мыслить мешает,

— Спасибо скажи, что по морде не заработал за свою правоту. Те, кто вечно правы, — такие зануды. — Он неожиданно улыбнулся. — Ладно, хватит об этом. Проехали Быстро же ты оперился, Джим. Для партии такой работник в самый раз, а простой люд очень уж правильных не любит. Знаю, что злоба плохой помощник. Да поделаться ничего не могу. Непокойно мне, Джим. Все что-то у нас вкривь и вкось получается. Куда, по-твоему, док запропастился?

— До сих пор ни слуху, ни духу? А что он напоследок говорил?

— Что пойдет Альфа проведать.

— Да, а перед этим — что ему одиноко. Вроде не в себе был, немудрено, работы ему много выпало. Может, сдвинулся чуток. А может, просто смотался, ведь в наше дело он никогда не верил.

— Такого он не сделает, — покачал головой Мак. Я с ним не первый день. Док никогда никого не подводил. Что-то неладное, похоже. Значит, док пошел к Андерсону. А что, если он поджигателей встретил да за нашу охрану принял? Они, разумеется, его не отпустил и.

— Может, еще вернется?

— Вот что: если санитарное управление завтра предпишет нам убраться отсюда, значит сцапали дока. Бедняга! А что делать с тем, кто ногу вывихнул, — понятия не имею. Ему, кажись, ее вправили, да кто знает, может, что не так Впрочем, чего это я, вдруг док просто гуляет сейчас по саду. Дурак я, что сразу к доку охраны не приставил. Лондон молодец, старается изо всех сил, а я то одно, то другое из внимания упущу. И все больше и больше на мне вины. Вот и сейчас андерсонов амбар с яблоками добавился.

— Ты за деревьями леса не видишь, — обронил Джим.

Мак вздохнул.

— Я считал, что у меня характер — кремень, а ты, пожалуй, потверже. Дай бог, чтоб на наших отношениях это не сказалось. А ночевать иди-ка ты в больничную палатку, там свободная

койка. Все лучше, чем на земле валяться, быстрее выздоровеешь. Ты почему не ешь?

Джим посмотрел на котелок.

— Забыл совсем, а есть-то хочется, — он выудил из фасоли кусок говядины и принялся жадно жевать. — Ты и о себе не забывай.

— Ну что ты! Сейчас пойду поем.

Джим в два счета умял крупную золотистую фасоль, ловко накалывая по три продолговатых фасолины на острую палочку, наклонил котелок, выпил жижу.

— Ужин на славу!

— Ага, — отозвалась Лиза. — Я люблю лимскую фасоль. И мясо. Вот только б соли добавить.

— Что-то притих наш лагерь, совсем притих.

— Сыты все, а на полный желудок и говорить-то не тянет. А то говорят, говорят. Уж бороться так бороться, чтоб враз все кончить, а что без толку языком молоть?

— Мы же бастуем, — словно оправдываясь, сказал Джим.

— Ты тоже только болтаешь. Одними словами дела не сдвинешь.

— Но слова, Лиза, порой поднимают дух людей, и тогда им любое дело по плечу.

Вошел Лондон, постоял, поковырял в зубах заостренной спичкой. В свете лампы тускло высвечивала лысина.

— Я окрест посмотрел — огня не видно нигде. Поди, поймали Сэма.

— Да он малый не промах, — сказал Джим. — Позавчера так учетчику врезал, хоть тот и при ружье был.

— Чего-чего, а смекалка у него есть, умный, как гремучая змея. Только Сэм греметь не любит, все больше втихаря. Один пошел, никого с собой не взял.

— Оно и к лучшему. Попадись он один — чокнутый, скажут, а если хоть втроем — это уже заговор.

— Надеюсь, Джим, он не попадет. Парень что надо. Мне такие по душе.

— Вижу.

Вернулся, жуя на ходу, Мак с котелком.

— Надо ж, сам не заметил, до чего проголодался, пока есть не начал. Ты, Джим, сыт?

— Еще бы! А почему ребята костров не разжигают, как вчера?

— Дров нет, — отрезал Лондон. — Я каждую щепочку заставил поварам отдать.

— А почему притихли? — не унимался Джим. — Ни звука не слышно, словно вымерли все.

Мак задумчиво заговорил.

— Никогда не угадаешь, как поведет себя толпа. Она непредсказуема. Я раньше думал: стоит

повнимательнее приглядеться, непременно определишь, что люди собираются делать. Вот, вроде бы из них отвага так и прет, а глядь, через минуту хвосты поджали, трясусь от страха. Так вот, по-моему, сейчас весь лагерь страхом охвачен. Пустил кто то слушок, что дока у нас похитили, а без него — какая уверенность? По очереди заходят к парню, что ногу вывихнул. Поглядят, поглядят, да и прочь идут, потом — еще раз. Он, б едняга, аж мокрый от пота, болит нога, мочи никакой нет. — Мак с ожесточением принялся обглаживать кость.

— Ну, а кто-нибудь знает? — спросил Джим.

— О чем знает-то?

— Да о том, как толпа себя ведет.

— Вон, Лондон, небось, знает. Он всю жизнь вожаком. Что скажешь, Лондон?

Тот помотал головой.

— Да нечего сказать-то. Иной раз мотор у грузовика чихнет, а ребята — точно кролики — врассыпную. А иной раз ничем их не застрашаешь. Впрочем, порой и можно угадать, как они себя поведут.

— Точно, — кивнул Мак. — Прямо чуешь, словно по запаху. Однажды при мне негра линчевать собрались. Потасили его к железнодорожному мосту. По дороге собачонку насмерть камнями забили. Все камней понахватали ну, чую, пахнет кровушкой. Так и есть. Мало им б ыло того черномазого вздернуть, так они еще и по трупу стреляли, а потом сожгли.

— Ну у нас в лагере я такого не допущу, — пообещал Лондон.

— Да уж если такая каша заварится, на дороге у ребят лучше не стоять. Слышь, никак к нам кто-то идет.

За стеной послышался ритмичный топот, словно шагал взвод солдат.

— Лондон у себя?

— Да. А что нужно?

— Да вот, привели тут одного.

— Кого еще?

Вошел мужчина с карабином в руке.

— Это не тебя ли я отрядил с ребятами сторожить усадьбу? — спросил Лондон.

— Меня. Нас трое всего было. Смотрим, парень там крутится, ну мы его схватили, да привели.

— Кто такой?

— Не знаю. У него вот ружье. Ребята сперва хотели ему всыпать хорошенько, а я говорю, давайте его к Лондону доставим. Связали, привели.

Лондон взглянул на Мака, тот понимающе кивнул и обратился к Лизе:

— Тебе б отсюда лучше уйти.

— А куда? — Она медленно поднялась на ноги.

— Не знаю. Где у тебя муж-то?

— Он с одним парнем разговаривает. Тот со школой списался, и его берут почту разносить. Мой Джо о такой же работе мечтает. Вот и решил потолковать.

— Ладно, тогда найди какую-нибудь женщину и побудь с ней.

Взяв малыша на руки, Лиза вышла.

Лондон повертел в руках карабин, щелкнул затвором, вытащил патрон.

— Тридцать третьего калибра, — определил он. — Давай-ка сюда этого молодчика.

— Веди его, ребята!

Двое конвоиров втолкнули в палатку пленника. Он споткнулся, но устоял на ногах. Руки, заломленные за спину, были в локтях перехвачены ремнем, а кисти стянуты упаковочной проволокой. Был он юн, тщедушен, узкоплеч. В плисовых штанах, синей рубашке, корот кой кожаной куртке. В голубых глазах застыл ужас.

— Тьфу, черт! — выругался Лондон. — С мальцом связались!

— С мальцом-то, с мальцом, да малец с ружьем, поддел Мак. Можно я с ним потолкую?

— Валяй, — согласился Лондон.

Мак встал перед пленником.

— Чего вынюхивал?

Мальчишка натужно сглотнул.

— Ничего я не вынюхивал, — прошептал он.

— Кто тебя подослал?

— Никто.

Мак отвесил ему оплеуху, голова у паренька дернулась, на белой, еще безбородой щеке, вспыхнуло алое пятно.

— Так кто тебя подослал?

— Никто.

Вторая оплеуха была увесистее первой. Мальчишка пошатнулся, не удержался на ногах и свалился набок.

Мак нагнулся, поднял его.

— Кто тебя подослал?

Слезы покатались градом по щекам и окровавленным губам пленного.

— Ребята в школе сказали, что нельзя сидеть сложа руки.

— Старшекласники?

— Да. И взрослые тоже: нельзя сидеть сложа руки.

— Сколько вас всего было?

— Шестеро.

— Куда остальные пошли?

— Не знаю, мистер. Честное слово, не знаю.

— Кто поджег сарай? — ровным голосок Мак.

— Не знаю.

На этот раз Мак ударил кулаком. Мальчишка отлетел в сторону, ударился спиной о шест посреди палатки. Мак рывком поставил его на ноги. Бровь у парня была рассечена, глаз заплыл.

— Смотри, «не знаю» тебе дорого обойдется. Так кто поджег сарай?

Говорить тот не мог, лишь то и дело всхлипывал.

— Не бейте, мистер! Ребята в бильярдной сказали, хорошо б проучить Андерсона, ведь он красный.

— Ну что ж. Видел ли кто из вас нашего доктора?

Мальчишка умоляюще воззрился на Мака.

— Только не бейте, мистер! Я не знаю. Мы никого не видели.

— В кого собирался стрелять?

— Н-н-ни в кого. Просто по палаткам, чтоб напугать.

Мак зловеще улыбнулся и повернулся к Лондону.

— Что, по-твоему, с ним делать?

— Полегче бы! Ведь дите совсем.

— Дите с карабином. Можно мне его еще на пару минут?

— А что ты собираешься делать?

— Отправлю его обратно, чтоб дружки посмотрели и неповадно им было б с ружьями разгуливать.

Джим сидел на матрасе и молча наблюдал.

— Ты вот только что говорил, что я голову теряю, обратился к нему Мак. — Так сейчас, как видишь, я совершенно спокоен.

— И это только на пользу, — сказал Джим.

— Бью я без промаха. Тебе, небось, жалко мальчишку?

— Нет, это хороший урок остальным.

— Вот и я так думаю. А ты, парень, послушай, что я скажу: или выпустим тебя сейчас к нашим ребятам, убьют, ей-богу убьют. Или останешься здесь, и мы по своейски разберемся.

Здоровый глаз мальчишки вытаращился.

— Что, Лондон, даешь «добро»?

— Только уж не калечь совсем.

— Мне нужен не труп, а живой рекламный щит. Ты, парень, видно, тоже второй путь выбрал, а?

Мальчишка отпрянул, пригнулся, надеясь увернуться от удара, но Мак крепко ухватил его за плечо и замолотил кулаком по лицу парня. Хрустнул нос, заплыл и второй глаз, почернели и вспухли скулы. Мальчишка неистово бился, но короткие хлесткие удары достиг али цели. Вдруг попытка прекратилась.

— Развяжите его, — бросил Мак и вытер окровавленный кулак о куртку парня. — Не так уж и больно, а? Зато старшеклассникам будет на что полюбоваться. Реветь прекрати! И дружкам в городе скажи, что их ждет.

— Может, его умыть? — спросил Лондон.

— Да ты что! Я старался, разукрашивал, а ты мне все хочешь испортить. Ты думаешь, хирургу приятно резать людей?

— Не знаю, — бросил Лондон.

Пленного развязали, он беззвучно плакал.

— Вот что, парень, — обратился к нему Мак. — Не очень-то тебе и досталось. Подумаешь, нос расквасили! Попади ты в другие руки, а не ко мне — изуродовали бы! Так вот, передай своим приятелям: кто сунется тому ногу ломаем, а следующему — обе. Понял? Я спрашиваю, понял?

— Понял.

— Ну то-то. Отведите его к дороге и пусть домой чешет.

Двое мужчин взяли мальчишку под руки, выволокли из палатки.

— Не выставить ли нам, Лондон, патрули, чтоб такие вот мальчишки с ружьишками не шатались?

— Я этим займусь, — пообещал Лондон, а сам все смотрел и смотрел на Мака, и глаза его выражали ужас. — Тебе жестокости не занимать. Понятно, когда в раж войдешь, но ты-то был спокойнешенек.

— Вот именно. Это труднее всего дается, — устало сказал Мак. На губах еще играла холодная усмешка. Он стоял не шелохнувшись, пока Лондон не вышел, а потом сел на матрац, обхватил колени руками. По всему телу у него прошла дрожь. И без того бледное лицо посерело. Джим здоровой рукой взял друга за запястье.

— Не будь тебя рядом, я б не смог так, — устало произнес Мак. — А ты, похоже, вообще без нервов. Стоял, смотрел. И хоть бы что.

Пальцы на запястье Мака сжались.

— Не терзай ты себя, — тихо сказал Джим. — Ты не перепуганного мальчишку бил, ты дело наше спасал. Надо было опасность ликвидировать, и ты прекрасно справился. Спокойно и хладнокровно. Как и с любым другим заданием. Так что не терзай себя.

— Надо было б ему хоть руки развязать, прикрылся б малость или двинул бы меня разок-другой.

— Хватит об этом! — повторил Джим. — Это лишь звено в цепи. А сочувствие врагу еще хуже страха. Ты и вправду был, как хирург. Провел операцию, только и все го. Если б не рана, я б вместо тебя все проделал. А вы пусти мы его к ребятам...

— На клочки б разорвали, — признал Мак. — Надеюсь, больше они никого не поймают. Второй раз у меня рука не поднимется.

— Поднимется, и еще не раз! — уверил его Джим.

— Ну, Джим, ты целишь дальше меня. Боюсь я таких людей, встречал раньше. Господи, как же я их боюсь. А ты, Джим, меняешься на глазах. Ты прав, лишь холодное сердце победит злобу. Так уж считается. Я знаю. И все же, боже милостивый! Людям это не присуще, поэтому я и боюсь тебя.

— Я хотел помогать тебе. А ты, из добрых чувств, меня все берег, негромко заговорил Джим. Он встал, подошел к ящику, уселся. Неправильно это. Ну, а потом меня ранило. И пока я болтался без дела, я вдруг осознал свою силу. Я сильнее тебя. Мак. Сильнее всех на свете. Потому что двигаюсь к цели по прямой, а вам мешают женщины, курево, выпивка, приходится думать о крове и пище, — глаза у Джима холодно блестели, точно камушки в воде. Я хотел помогать тебе. Мак. Но теперь наоборот: ты будешь помогать мне. Нужно объединить силы. В себе силы я уже чувствую.

— Спятил ты! — бросил Мак. — Рука болит? Может распухла? Может, заражение началось, вот и заговариваешься.

— Не выдумывай. Мак, — спокойно остановил его Джим. — Я вовсе не спятил, в здравом уме. Пойди позови Лондона, мне нужно с ним поговорить. Озлоблять его не стану, но ему придется выполнить кое-какие указания.

— Может, ты и не спятил, Джим. Но не забывай, что Лондона выбрали главным. Он всю жизнь в жоках. Начнешь ему указывать, он тебя растерзает. — Мак с сомнением взглянул на Джима.

— Иди и передай мою просьбу.

— Ну, вот что...

— Мак, делай, как сказано. Тебе же лучше.

Они услышали басовитый рык, который перерос в высокий истошный вой — пожарная сирена. Тут же к ней присоединилась еще одна, потом еще. Сирены то стихали, то взывали вновь.

— Это Сэм! — воскликнул Мак. — Сумел-таки!

Джим с трудом поднялся.

— Сиди-ка здесь, — посоветовал Мак. — Ты еще очень слаб.

— Сейчас увидишь, как я слаб! — недобро усмехнулся Джим, вышел из палатки, Мак

последовал за ним.

К северу над верхушками деревьев чернело усыпанное звездами небо. Чем ближе к Торгасу, тем все больше оно светлело от городских огней. А влево от города над стеной деревьев высился красный купол нового пожарища. Вой сирен то сливался, то разделялся: од на не успевала затихнуть, как вступала другая.

— Сейчас-то мигом приехали, — заметил Мак.

Из палаток вылезали люди, таращились на зарево. Над кронами деревьев уже показались языки пламени, зарево росло, ширилось.

— Хорошо занялось, — кивнул Мак. — Даже если и потушат, дом уже не спасти. Водой такое пламя не залить, без огнетушителей не обойтись!

К ним торопливо подошел Лондон.

— Поджег-таки! — крикнул он. — До чего ж злобный человек! Я не сомневался — подожжет, непременно подожжет! Ничего, черт, не боится!

— Что ж, если вернется, он нам пригодится, — спокойно сказал Джим.

— Как это — пригодится? — удивился Лондон.

— А так: раз человек способен такой пожар устроить, он и на другое способен. Эх, как весело горит. Пойдемте-ка в палатку, Лондон, кое о чем нужно потолковать.

— Он хочет сказать... — вступил было Мак.

— Я сам скажу то, что хочу. Заходите, Лондон.

Джим прошел первым, уселся на ящик.

— Что еще за фокусы? — рявкнул Лондон. — О чем это нам толковать?

— Мы терпим поражение, и все потому, что нет твердой руки. Почему спалили сарай у Андерсона? Потому что стража ненадежная, им на приказ наплевать. Почему дока умыкнули? Потому что его телохранителя не оказалось рядом.

— Верно. Ну что ж нам делать?

— Нужна настоящая власть, чтобы все приказы неукоснительно выполнялись, — продолжал Джим. — Люди ведь сами вас выбрали, верно? Так что хотят они того или нет, а распоряжения должны выполнять безропотно!

— Джим! Но это ж нереально! Да народ попросту по другим округам разбежится.

— Вернем силой. Где ружье?

— Вон лежит. На что оно тебе?

— Это и есть власть! — отрезал Джим. — Хватит повторять ошибки! Пора их исправлять!

Лондон подошел к нему вплотную.

— Что значит «пора исправлять»? Смотри, парень, доиграешься!

Джим не шелохнулся. Молодое лицо застыло резной маской, лишь насмешливо подрагивали

уголки губ. Самоуверенный взгляд остановился на Лондоне.

— Садитесь, Лондон. Наденьте рубашку, — мягко про говорил он.

Лондон недоуменно взглянул на Мака.

— Он что — рехнулся?

Мак отвел взгляд.

— Не знаю.

— Ты тоже сел бы, — предложил Джим. — Минутой раньше, минутой позже — не все ли равно.

— Что ж, сяду.

— Ну вот и ладно. Хотите — гоните меня в шею из лагеря, ваше право. В тюрьме мне место всегда найдется. А хотите — я останусь, только дайте мне сдвинуть забастовку с мертвой точки.

Лондон вздохнул.

— Как мне все осточертело! Со всех сторон только беды и жди. Сейчас я тебе покажу, где раки зимуют, от горшка два вершка, а туда же... Пока здесь главный я.

— Именно поэтому я буду передавать приказы через вас, — подхватил Джим. — Поймите меня, Лондон, мне не власти охота, а дела. Я хочу лишь сдвинуть забастовку с мертвой точки.

Лондон безнадежно покосился на Мака.

— Что скажешь? Куда этот парень надумал забастовку двинуть?

— Не знаю. Это у него, может, заражение крови началось, бредит так я считал раньше. А теперь вижу — дело говорит! — Мак даже рассмеялся, но натужно, его никто не поддержал.

— Джим рассуждает как русский большевик, — сказал Лондон.

— Неважно, как рассуждаю, важно, как поступаю, парировал Джим. Ну, вы меня выслушаете?

— Да что с тобой поделаешь, валяй.

— Так вот, завтра мы в пух и прах разнесем предателей-«подменщиков». Выберите самых боевых ребят. Дайте им дубинки. Поедем в машинах, по две в ряд. Легавые, возможно, выставят патрули на дорогах, возможно, перегордят дороги. Нельзя, чтоб нас остановил и. Если будут заграждения, первая машина сшибает их, люди пересаживаются во вторую и едут дальше. Ясно? Все должно у нас получиться. Не выйдет — считай, что мы и не начинали никакой забастовки.

— Ты будешь командовать, а мне каково ребятам в глаза смотреть? спросил Лондон.

— Не хочу я командовать, не хочу на виду быть. Ребята ничего и не заподозрят. Я шепну, а вы уж и скомандуете. А сейчас первым делом надо послать людей на пожарище, пусть разведуют, что и как. Завтра, боюсь, нам придется туго. И зачем только Сэм все это затеял! Впрочем, после драки кулаками не машут. Сегодня ночью придется усилить охрану лагеря. Они непременно постараются отомстить, учтите. Охрану выставить в две цепи и чтоб

сообщались друг с другом. Потом в нашу стачечную «полицию» мне потребуется чело век пять. Они вправят мозги тем, кто либо уснет на посту, либо удрать захочет. Выберите мне самых отчаянных.

Лондон с сомнением покачал головой.

— То ли по шее тебе надавать, то ли послушать — сам не знаю. С этой забастовкой хлопот полон рот.

— Пока размышляете, выставили бы охрану. Думается, уже ночью «хлопоты» начнутся.

— Что ж, парень, я, пожалуй, рискну.

Он вышел. Мак все не отходил от сидящего на ящике Джима.

— Как у тебя рука?

— Наверное, зажила. Больше не болит.

— И что это на тебя нашло? — продолжал Мак. Я чувствовал, что-то неладно.

— В такой заварухе, как наша, многому учишься. Видишь вдруг, сколь велики у нас силы и сколь мала отдача. Наша забастовка тому пример! И уже не усидишь спокойно, засучиваешь рукава и сам берешься за дело. В такие-то минуты и хочется власти, — глаза у Джима вдруг закатились.

— Что с тобой? — крикнул Мак.

— Голова кружится, — пробормотал Джим и мешком свалился с ящика.

Мак втащил его на матрац, под ноги подложил ящик. По лагерю переливчатым ручейком бежал разноголосый и неумолчный говор. Мимо палатки спешили люди. Снова завывли сирены, волной набежали голоса за стеной, но волной спокойной, ленивой — пожарные машины отбывали восвояси. Мак расстегнул Джиму рубашку, принес ведро с водой — оно стояло в углу палатки, — побрызгал приятелю на лицо и шею.

Джим открыл глаза, уставился на Мака.

— Голова кружится, — грустно повторил он. — Жаль, дока нет, он бы таблетку какую дал. Как, по-твоему, Мак, он вернется?

— Не знаю. Тебе полегчало?

— Да просто голова кружится, и все. Но, похоже, на сегодня я отстрелялся. Пора отдохнуть малость.

— Конечно. Тебе поспать бы не мешало. А я схожу на кухню, может, бульона раздобуду. Бульон тебе сейчас в самый раз. Ты лежи пока, я мигом.

Джим, нахмурившись, созерцал палаточный купол. По думал вслух: «Неужели, кончилось? По-моему, нет. Хотя кто знает». Глаза сами собой закрылись, и он уснул.

Пришел Мак, принес бульон, поставил миску прямо на землю. Убрал ящик из-под ног Джима, сел на край матраца, глядя на беспокойное лицо спящего.

Выражение его то и дело менялось. Вот Джим ощерился, видно, во рту у него пересохло. Сомкнул губы. Нервно задергалась щека. Снова с великим трудом разлепились губы, Джим пытался заговорить, но лишь промычал. Мак накрыл друга старыми одеялами.

Вдруг огонек в лампе нырнул с фитиля вниз и тьма враз заполонила жилище. Мак вскочил, отыскал узкогорлую бутылку с керосином. Отвинтил колпачок на боку лампы, залил керосин, и вновь замаячил желтый язычок, потом раздвоился, словно раскрыла крылья огненная бабочка.

Снаружи неспешно прошагал патруль. Далеко на шоссе прогрохотали грузовики, спешащие в дальний рейс. Мак снял лампу с шеста, поставил на землю подле матраца. Из кармана брюк извлек пачку сложенных вдвое листков, помятый конверт с маркой и огрызок карандаша. Разложив листки на коленях, он медленно, крупным детским почерком начал:

«Дорогой Гарри!

Ради бога, помоги. Вчера ночью умыкнули нашего дока, я уверен, сам бы он не ушел, не из тех. Однако его нет. В этой долине хозяйчики держатся друг за дружку. «Бдительные» бдят дено и ночью. Нам нужны еда, лекарства, деньги. Дик — молодчина, очень много делает, но если не получим дополнительной помощи, наше дело труба. В жизни еще не встречал такого единства у хозяев. Человека три заправляют в округе буквально всем. Не исключено, что Дик сейчас за решеткой.

Джим растет не по дням, а по часам. Я по сравнению с ним козювка. Завтра, наверное, нас попрут с этого участка. Эти Б. сожгли хозяйский амбар, и хозяин, конечно, ярится. Без дока Бертона санитарное управление вышвырнет нас отсюда в два счета. Придумай что-нибудь! За нами с Джимом настоящую охоту устроили. На всякий случай нужно подыскать нам замену.

Я не прошу, я вопию о помощи. Наши сторонники боятся и нос высунуть, но это еще не самое страшное...»

Он достал еще один листок.

«Ребята начинают огрызаться. Ты знаешь, как переменчиво у них настроение. Завтра поутру они могут пойти и спалить городскую управу, а могут удрать в горы и отсиживаться там с полгода. Ради всего святого, Гарри, оповести всех, что срочно нужна помощь. В ыгонят нас отсюда, и нам негде будет приткнуться. Собираемся пикетировать долину на машинах. Иначе не поймешь, что и где творится.

Ну, прощаюсь. Письмо это передаст Джек. Ради бога, помоги нам. Мак».

Он перечитал письмо, подправил буковку, сложил листки, сунул в замусоленный конверт. Адресовал письмо «господину Джону Г. Уиверу».

Снаружи раздался оклик часового

— Кто идет?

— Лондон.

— Проходите.

В палатку вошел Лондон. Посмотрел спящего Джима.

— Я, как он сказал, выставил охрану

— Вот и славно. А он вконец умучился. Жаль, дока нет. Что-то не нравится мне у Джима плечо. Говорит, не болит, дурачок, сам всегда на рожон лезет. — Мак снова повесил лампу на шест в середине палатки.

Лондон уселся на ящик.

— Какая его муха укусила? — беззлобно спросил он. То, знай себе, болтает впустую, то вдруг — раз, меня пинком под задницу, сам распорядиться начал.

Глаза у Мака засветились гордостью.

— Никак не возьму в толк. Уж кого только не повидал, всяк по-своему с ума сходил, а такого не видывал. Ведь тебе, Лондон, пришлось подчиниться. Я подумал было сна чала, что парень просто рехнулся. Может, так оно и есть. А где твоя невестка?

— Я их с сыном в свободную палатку определил.

— А где ж ты нашел свободную? — вперил в него взгляд Мак.

— Ночью, видно, кто-то из ребят деру дал.

— А вдруг это палатка тех, кто в охране?

— Нет. Я прикинул, вроде беглые есть.

Мак потер кулаками глаза.

— Пора, самая пора. Трудно нашу жизнь выносить. Вот что, Лондон, мне нужно письмецо отправить, так я тишком туда и обратно, заодно разведая, что да как.

— А почему б тебе из ребят кого-нибудь не послать?

— Видишь ли, это письмо непременно должно дойти. Надежнее самому отправить. Не бойся, не поймут, не впервой от слезки уходить.

Лондон сосредоточенно разглядывал свои большущие ладони.

— Это письмо... к твоим красным дружкам? — спросил он.

— Да, ты угадал. Прошу помощи, чтоб наша забастовка не захлебнулась.

Лондон смущенно продолжал:

— Мак... вот... о красных всегда говорят, что они сволочи... Мне что-то не верится, а Мак?

Мак тихо засмеялся.

— А это уж как посмотреть. Если у тебя тридцать тысяч акров земли и миллион долларов, красные для тебя, конечно, сволочи. А если ты простой рабочий парень, то для тебя это ребята, которые хотят, чтоб ты по-человечески, а не по-свински жил. Ты ведь все сведения из газет черпаешь, а газеты — в руках тех, у кого и земля, я деньги. Потому-то мы и сволочи, ясно? Вот встретил ты нас, сам видишь, кто мы. Голова на плечах есть, вот и решай.

— Хоть вы и красные, я ж с вами сработался. А ведь и до вас я нашего брата собирал и вел.

— Вот именно! — загорелся Мак. — Вот именно! Ты всегда их вел. Ты сам из работяг, но в тебе есть жилка жоака.

На что Лондон просто ответил:

— Что я говорил, то ребята и делали. Никогда поперек не шли.

Мак придвинулся ближе, положил руку Лондону на колено и тихо заговорил.

— Вот что. Похоже, на этот раз мы проиграли. Но забастовка наша шуму наделала, может, на хлопке все тихо мирно сладится. Газеты сейчас пишут, что мы только сеем смуту. Но мы лишь учим работяг действовать заодно, чтобы все больше и больше их спланивалось. И неважно, победим ли мы сейчас или проиграем. Зато почти тысяча людей научилась бороться. А когда этих тысяч наберется много, когда все они будут бороться вместе, тогда уж троим хозяйчикам не удержать в руках всю долину Торгас. Тогда можно будет, не боясь угодить за решетку, и яблочко съесть. Тогда не станут вываливать яблоки в реку, чтобы поддержать цену. И это в то время, когда такие, как мы с тобой, яблочком вдоволь не едим. Смотри шире, Лондон, не замыкайся в нашей забастовке.

Лондон страдальчески следил, как Мак говорит, точно хотел увидеть слова, слетавшие с губ.

— Так это же леворю... революция?

— Ну, конечно. Против голода и холода. Ведь те трое, что заправляют всем в долине, ни перед чем не остановятся, чтоб сохранить власть, чтоб по-прежнему выбрасывать яблоки ради рыночных цен. Конечно, всякий, кто думает, что пищу должно есть, — красный. Понятно?

В широко открытых глазах Лондона читалась задумчивость.

— Я часто слушал левых. Да не особо прислушивался. Уж очень они все горячие. А я горячим не шибко верю. Но так, как ты, никто из них не говорил.

— Значит, смотри зорче, больше поймешь. Говорят, мы ведем нечестную игру, работаем подпольно. Рассуди сам, Лондон. Оружия у нас нет. Случись с нами что — в газетах и строчки не напишут. Зато, не дай бог, пострадают хозяева, тут уж щелкоперы чернил не пожалеют. У нас нет ни денег, ни оружия, поневоле приходится мозгами шевелить. Все равно что с дубинкой против пулеметов идти, понимаешь, Лондон? Вот и остается только прокрасться в тыл, да оглушить пулеметчиков. Может, это и нечестная игра. Но мы ведь не в футбол играем. И правил для голодного человека не существует.

— Я этого не понимаю, — медленно проговорил Лондон. — Ни у кого времени не хватило все растолковать. Умные да спокойные речи любо-дорого слушать. Не чета тем, лихим головам. «К черту легавых!» «Долой правительство!» Того и гляди, все государственные конт оры дотла сожгут. Такое мне не по душе, дома-то все красивые. А вот как ты, со мной никто не говорил.

— Безмозглые, значит, тебе собеседники попадались.

— Слышь, Мак, ты вот говоришь, мы проиграли. С чего ты взял?

Мак призадумался.

— Нет... — словно отвечая сам себе, пробормотал он. — Не вытянем мы сейчас. Объясню, почему. Власть в долине у малой кучки людей. Тот, что вчера приезжал, уговаривал нас прекратить забастовку. Теперь они знают: мы будем бороться. Значит, выход таков: или разогнать, или перебить нас всех. Будь у нас врач, продукты, да если б и Андерсон нас поддерживал — глядишь, и продержались бы какое-то время. Но Андерсон на нас зол. И нас отсюда вышвырнут; понадобится — они и пушки приволокут. Главное — через суд провести решение, чтоб нас выгнать, а за остальным дело не станет. Куда нам тогда податься? Нигде уже лагерь не разобьешь — запрещено. Пойдет у нас раскол, недовольство, вот и проиграли. Не так мы сильны, как кажется. Боюсь, даже еды нам и то больше не раздобыть.

— Так, может, сказать ребятам, что забастовке конец, и всех распустить?

— Тише, Лондон, тише, разбудишь Джима. Ничего пока говорить не надо. Они нас поугали, а теперь мы их поугаем. В последний разочек. Сколько хватит сил. Если кого из наших убьют, в округе тут же известно станет, да же если газеты умолчат. А остальные наши еще отчаяннее сражаться станут. Понимаешь, у нас есть враг. Вот тут-то ребята сплотятся — врага единым фронтом встретят. Амбар у Андерсона спалили наверняка такие же бедолаги, как и мы, только они газет начитались. А мы их должны на свою сторону привлечь и как можно скорее. — Мак вытащил изрядно отощавший кисет.

— Это я про запас оставил. А сейчас в самый раз закурить. Будешь, Лондон?

— Нет, я не курю, а табак, когда заведется, жую.

Мак свернул тонкую самокрутку из оберточной бумаги, приподнял колпак лампы, прикурил.

— Тебе неплохо бы вздремнуть, Лондон. Мало ли что ночью случиться может. А я пока в город схожу, письмо опустить нужно.

— А если схватят?

— Не схватят. Я садами пойду. Никто меня и не заметит. — Он вдруг настороженно взглянул за спину Лондону. Лондон обернулся. Край палатки вздыбился, в щель червяком пролез Сэм, поднялся на ноги — весь в грязи, одежда порвана. Длинная царапина прочертила впалую щеку. Он, видно, очень устал: рот раззявился, глаза ввалились.

— Я на минутку, — прошептал он. — Ну и дела! Вы наставили везде охраны, а я хотел незаметно. В общем, среди нас — стукач. Это точно.

— Ты отлично сработал! Мы видели зарево.

— Еще бы! Весь дом — к чертовой матери! Но дело не в этом, — он тревожно оглянулся на спящего Джима. Меня сцапали!

— Да ты что!

— Теперь они меня в лицо знают!

— Здесь тебе находиться не след! — сурово постановил Лондон.

— Знаю. Хотел только вас предупредить: вы меня не знаете, не видели, не слышали. Мне пришлось... в общем, крепко я вложил там одному. Все, пошел. Если снова попадусь, то никакой я не забастовщик. Просто псих. чокнутый. И дом спалил по наущению господнему. Вот и все, что хотел вам сказать. Вам из-за меня рисковать не стоит. Я сам этого не хочу.

Лондон подошел к нему, пожал руку.

— Ты, Сэм, хороший парень. Отличный, можно сказать. Ну, до встречи.

Мак, глядя на палаточный полог, негромко бросил через плечо:

— Будешь в городе, зайди на Центральный проспект, дом сорок два. Скажешь, ты от Мейбл. Тебя накормят. И больше там не появляйся.

— Спасибо, Мак. До свидания! — Сэм стал на колени, приподнял край палатки, выглянул, изогнувшись шмыгнул во тьму — брезентовый край опустился на землю.

Лондон вздохнул.

— Дай бог ему выкрутиться. Парень он неплохой. Отличный, можно сказать!

— Забудь о нем, — посоветовал Мак. — Кончит он в один прекрасный день так же, как и малыш Джой. От судьбы не уйдешь. И нас с Джимом рано или поздно та же участь ожидает. Это почти неизбежно, впрочем, какая разница!

Лондон изумленно открыл рот.

— Ну и веселенькую же картинку ты показал! Неужто вы, ребята, радости в жизни не видите?

— Еще как видим! Больше, чем остальные. У нас работа важная. Нет ничего приятнее на свете, чем сознавать свою нужность. Другое дело, когда работа бесцельная вот тогда человек всякую уверенность в себе потеряет. Наше дело поспешает медленно, но верно цели держится. Господи, что ж я здесь торчу да лясы точу. Мне ж идти надо!

— Будь только осторожен.

— Постараюсь. Хотя многое б отдали хозяйчики, чтоб нас с Джимом убрать. Я-то поберегусь, а ты оставайся здесь и смотри, чтоб с Джимом ничего не случилось. Ладно?

— Договорились! С места не сойду.

— Ты все ж таки приляг на матрац с краешку и вздремни чуток. Но Джима сбереги. Он нам нужен. Ему цены нет.

— Понял.

— Ну, тогда до встречи. Постараюсь вернуться побыстрее. Хорошо б обстановку в городе разведать. Может, газе ту удастся раздобыть.

— До встречи.

Мак вышел. Заговорил с одним часовым, чуть про шел — с другим. Стихли его шаги, а Лондон еще прислушивался к ночным шорохам. Вроде все спокойно, но не похоже, чтоб в лагере спали. Ходят взад-вперед часовые, встретятся-перекинутся словом. Закукарекали петухи: один — совсем рядом, другой — судя по голосу, старый, опытный петух — в отдалении; зазвонил станционный колокол, зашипел, запыхтел и двинулся поезд, все быстрее и быстрее застучали колеса. Лондон присел на матрац подле Джима, вытянул одну ногу, на другой — согнутой в колене — скрестил руки. Потом положил на колени голову и испытующе посмотрел на Джима.

Тот спал беспокойно. Вот вскинул руку, снова уронил. Пробормотал: «Ох... и воды». Тяжело задышал. «Все дегтем залили». Открыл глаза, заморгал, еще находясь во власти сна. Лондон опустил руки, будто собирался поддержать Джима, но не стал трогать — глаза у того закрылись, и он затих. По шоссе прогрехотал грузовик. Кто-то приглушенно вскрикнул чуть поодаль от палатки.

— Что там еще? — негромко спросил Лондон.

— Звали, командир? — в палатку просунулся часовой.

— Кто кричал?

— Сейчас-то? Вы разве только что услышали? Да это старик, тот, что ногу сломал. Совсем спятил. Дерется, кусается — ребята едва удерживают. Сейчас, наверное, рот заткнули.

— Ты, никак, Джейк Педрони? Да, похоже. Вот что, Джейк. Док говорил, если старику время от времени не ставить клизму, он свихнется. Я к нему пойти сейчас не могу. Сходика ты, скажи, чтоб сделали все как надо.

— Понял.

— Ну вот и хорошо. Ступай. Куда ему драться со сломанной ногой! А как тот парень, что ногу вывихнул?

— Его кто-то угостил виски. Так что с ним полный порядок.

— Если что — зови меня, Джейк.

— Лады!

Лондон растянулся на матрасе рядом с Джимом. Далекий поезд все набирал скорость. Снова затеяли перекличку петухи: теперь начал старый, а молодой подхватил. Лондон почувствовал, как сон тугой пеленой обволакивает его. Но он все же приподнялся на локте, взглянул еще раз на Джима и лишь после этого окунулся в тяжелый сон.

14

Только-только начала рассеиваться ночная мгла. В палатку заглянул Мак. Лампа на шесте посередине все горела. На матрасе рядом спали Лондон и Джим. Как только Мак вошел, Лондон дернулся, резко привстал, сощурился, вглядываясь.

— Кто это?

— Я. Только что пришел. Как Джим?

— Заснул я, — признался Лондон. Зевнул, почесал лысину.

Мак подошел, наклонился над Джимом. Усталые морщинки на лице разгладились, напряженность и озабоченность исчезли.

— Выглядит он много лучше. Отдых ему на пользу.

Лондон поднялся с матраса.

— Который час?

— Не знаю. Уже светает.

— Костры еще не разводят?

— Кто-то там крутился. Вроде и дымом пахло. А может, это с андерсонова пепелища ветром принесло.

— Ни на минуту его не оставлял, — кивнул на Джима Лондон.

— Молодец.

— А ты сам-то когда спать ляжешь?

— Бог его знает. Пока вроде и не хочется. Вчера ото спался, точнее, позавчера, А кажется, будто неделю назад. И Джоя только вчера похоронили, ведь только вчера.

Лондон снова зевнул.

— Небось, на завтрак опять говядина с фасолью. Эх, вот бы чашечку кофе сейчас!

— Иди в город. Там тебя и кофе, и яичницей с ветчиной угостят.

— Брось шутки-то шутить! Ладно, пойду поваров потороплю. — И, пошатываясь со сна, он вышел.

Мак подвинул ящик под самую лампу, достал из кармана газету, развернул.

— Я уже не сплю, — услышал он голос Джима. — Куда ты ходил?

— Письмо нужно было опустить. Вот, на газоне подобрал газету. Посмотрим, как события разворачиваются.

— Мак, вчера вечером я себя небось последним идиотом выставил.

— Ничего подобного, Джим. Ты такого шороха навел! Мы с Лондоном перед тобой щенками себя чувствовали.

— На меня что-то нашло. Никогда такого не было.

— А сегодня-то как самочувствие?

— Отлично. Но той внутренней силы, что вчера, уже нет. Вчера я бы и корову на руках вынес.

— Нас-то ты «вынес» чисто! И неплохо с парами машин придумал. Только вот понравится ли затея хозяину той машины, что должна заграждение разнести. Ну, посмотрим, что новенького в городе. Ух ты, заголовки такие, что вырезать да оставить на долгую память
ЗАБАСТОВЩИКИ ЖГУТ ДОМА, УБИВАЮТ ЛЮДЕЙ

«Вчера в десять часов вечера пожар уничтожил дом на окраине, принадлежащий Уильяму Хантеру. Полиция утверждает, что это — дело рук бастующих садовых рабочих. Заподозренный в преступлении был схвачен, но, ранив задержавшего его, бежал. Пострадавший — помощник шерифа по особым делам Олаф Бингем — находится при смерти».

А дальше вон еще:

«Несколькими часами раньше по недосмотру или по злому умыслу забастовщиков сгорел амбар на ферме Андерсона. Некоторое время тому назад Андерсон дал забастовщикам разрешение разбить палаточный лагерь на своей земле».

— Тут, Джим, много понаписано. Хочешь — почитай, он перевернул страницу. — Это надо ж! Слушай редакционную статью!

«Мы полагаем, настало время действовать. Пришлые сезонные рабочие парализовали важнейшую отрасль экономики в округе. Бездомные бродяги, которых ведут и науськивают платные агитаторы из-за рубежа (это мы с тобой, Джим), сжигают дома, совершают акты вандализма, внедряют нравы красной России в тихой, мирной Америке. Наши граждане уже опасаются ездить по дорогам, боятся, как бы и их дома не запылали от рук смутьянов. И поэтому мы считаем, что нельзя долее сидеть сложа руки.

В нашем округе заботятся о людях, но забастовщики здесь чужие. Они попирают законы, покушаются на жизнь людей и их собственность. Сами как сыр в масле катаются благодаря поддержке тайных доброхотов. Наша газета никогда не уповала и не уповает на жестокость, но коль скоро закон не в силах обуздать мятежников и убийц, мы призываем граждан самих

взяться за дело. Головорезам никакой пощады! Изгнать из наших краев продажных смутьянов! Наша газета призывает граждан разобраться, из каких источников поступают забастовщикам всяческие разносолы. По сообщениям, вчера в лагере забастовщиков были забиты три племенных быка».

Мак швырнул газету на землю.

— А призыв газеты обернется так: сегодня вечером ватага местных обывателей — обычно они в бильярдной просиживают — забросает камнями окна тех, кто хочет перемен к лучшей жизни.

Джим резко сел на матрасе.

— Господи, Мак! Неужто вся вина на нас ложится!

— А то как же!

— Я не понял, кого там видели убитым.

— Это работа Сэма. Его схватили. Как убежать-то? У них ружья. А у него только ноги.

Джим снова лег.

— Да, видел я днями, как он ногами орудует. Но все равно страшно слушать! Страшно!

— Еще бы. Редакция лихо закрутила, ишь какие яркие ярлыки, не поскупилась. «Платные агитаторы из-за рубежа». Это я-то! Родился в Миннеаполисе. Дед мой еще при Бычьей тропе [6] сражался. Он на бой как на корриду вы шел — сам рассказывал, — очухался, лишь когда враг огонь открыл. Да и ты, Джим, такой же «иностранец», как наше правительство. А-а, наплюй ты на это. Вечно хай поднимают. Только на этот раз, — он снова вытащил кيسет с остатками табака, — похоже, дело к концу идет. Петля затягивается. Напрасно Сэм пожар устроил.

— Ты ж сам ему «добро» дал.

— Знаю. Амбар у Андерсона спалили, я зол как черт был.

— Ну, и что же теперь делать?

— Бороться, только бороться. Сядем на машины, по едем, разгоним новых работничков. Будем драться, сколько хватит сил, а потом, если удастся, смоемся. Страшно, Джим?

— Н-н-нет.

— Затягивается, затягивается петля. Нутром чую, он поднялся с ящика, подошел к матрасу, — сел. — Может, с недосыпу, только пока из города шел, мне мерещилась засада под каждым деревом. Такой вдруг страх напал, про шурши где мышь — я бы бежать ударился.

— Ты просто устал, — успокоил его Джим. — Будь я здоров, глядишь, пригодился бы. А так, лежу чушкой и только всем мешаю.

— Неправда! Стоит мне приунуть, ты всякий раз поддерживаешь, а сегодня мне поддержка ох как нужна. Решимости — кот наплакал. Эх, выпить бы сейчас!

— Поешь тебе надо, тогда и решимость появится!

— Я написал Гарри Нилсону: нужно помочь людьми, продовольствием. Боюсь, запоздало мое письмо, — Мак как-то необычно взглянул на приятеля. — Ночью я Дика видел. Слушай

внимательно. Помнишь ту ночь, когда сюда приехали?

— Конечно.

— Помнишь, от моста налево свернули к палаточному лагерю?

— Ну, помню.

— Так вот. Слушай внимательно. Случись беда, и мы разлучимся — иди к мосту. Залезешь под арку с дальнего от города конца, увидишь ворох ивового сушняка, под ним — глубокая нора. Залезешь, прикроешь лаз хворостом. Нора глубокая, метров пять. Дик туда сейчас носит одеяла, консервы. Ты сможешь там отсидеться денька два, если нас раскидает в разные стороны. Не приду, значит, со мной что-то случилось. Тогда пробирайся в город. Иди ночью, чтобы к утру из округа убраться. Обвинений против нас никаких, разве что полгода за бродяжничество впаяют. Ну и, наверное, постараются нам причастность ко вчерашнему убийству приписать. Впрочем, может, и побоятся шум поднимать. Ведь тогда наш юрист напомним, как Джоя хлопнули. Все понял, Джим? Найдешь убежище под мостом, подождешь меня два дня. Там вряд ли тебя отыщут.

— Мак, ты что-то скрываешь. Тебе что-то еще известно.

— Ничего мне не известно. Просто сердцем чую, в этой дыре ждет нас западня. Чую, понимаешь! Сегодня ночью из лагеря сбежало много людей, в основном семейные. Лондон держится молодцом. Не сегодня-завтра вступит в партию. Но остальным этим говнюкам я ни на грош не верю. Они напуганы, мечутся и в любую минуту нас прирезать могут.

— Ты сам мечешься. Мак. Успокойся. — Джим поднялся сначала на колени, потом встал на ноги, поднял голову, словно прислушивался к боли внутри. Мак тревожно посмотрел на него.

— Полный порядок, — сказал Джим. — Двигать рукой еще трудновато, но в остальном полный порядок. Даже голова не кружится. Сегодня можно и прогуляться.

— Повязку бы тебе сменить.

— Неплохо бы. А док вернулся?

— Нет. Похоже, его схватили. Славный был парень.

— Почему — был?

— Да так, сорвалось. Может, они его только отлупили и все. Хотя сколько наших ребят бесследно пропадали, и ни слуху ни духу.

— И ты всему виной.

— Без тебя знаю. Но ты все правильно понимаешь, потому и говорю. Мне бы помолчать, ан нет, когда выговоришься, вроде легче. До чего ж кофе хочется, прямо хоть плачь. А в городе кофе, пей — не хочу. Чашки три зараз уговаривал. Больше и не требуется.

Джим сурово заговорил.

— Может, кофе сейчас и не повредит. Но, возьми-ка себя в руки, а то начнешь себя жалеть.

Скучное лицо Мака ужесточилось.

— Что ж, парень. Ты прав. Беру себя в руки. Хочешь прогуляться? Идти-то не тяжело?

— Нет, все в порядке.

— Потуши лампу. Нам нужно раздобыть говядины и фасоли.

Со скрипом подался колпак лампы, огонек потух, и серый, точно размытые чернила, рассвет просочился в палатку.

Джим поднял полог, закрепил его наверху.

— Пусть проветрится. А то не продохнуть. Нам бы всем помыться не мешало.

Мак кивнул.

— Вот поедим, достану ведро теплой воды. Хоть губкой оботремся.

Посветлело небо на востоке, обозначились черные контуры деревьев, стая ворон — они снялись с деревьев и взяли на восток. Землю под кронами еще покрывала мгла, она словно манила, притягивала первые рассветные лучи. Ночные стражники уже не обходили лагерь, они, устало понурившись, стояли кружками, подняв воротники, застегнувшись под горло, спрятав руки в карманы. Говорили тихо и вяло — лишь бы не уснуть.

Мак с Джимом по дороге к кухне подошли к одной группе.

— Ночью были происшествия? — спросил Мак.

Разговор прервался. Несколько пар усталых, покрасневших от бессонницы глаз обратились на Мака.

— Ничегошеньки, приятель. Вот Фрэнк говорит, ему казалось, что всю ночь вокруг люди бродили. И мне чудилось: кто-то все ползает. Но тихо, ни звука! Мы по двое ходили.

Мак рассмеялся, смех его так и вонзался в рассветную дымку.

— Я армейскую службу в Техасе нес, и надо ж, как выпадет в карауле стоять, прямо слышу: немцы вокруг кишат, лопочут что-то по-своему.

Стоявшие рядом заулыбались, но не очень-то весело.

— Лондон разрешил нам сегодня отсыпаться, — сказал один. — До кормежки. Так я на боковую.

— И я на боковую. Окоченел совсем, да и чешется все, аж мурашки, как у наркомана, что чесотку подхватил. На них посмотреть — смех!

— Пошли б к плитам, погрелись.

— О том и речь ведем.

— Так, Мак, иди, я сейчас тебя догоню, только в сортир сбегаю, — и Джим быстро пошел вдоль палаток, в каждой — маленький островок ночи. Кое-откуда раздавался храп, коегде пологи приподняты, видны люди: они лежали на животе, сонными глазами смотрели на занимающееся утро. Кое-кто уже выполз наружу, поеживаясь, пряча голову в плечи. Вот сердитым и хриплым спросонья голосом какая-то женщина докладывала о своем настроении.

— Надоело торчать в этом лагере! Какой толк здесь сидеть? У меня вон в животе опухоль с кулак, рак, наверное. Мне еще года два назад на картах нагадали, чтоб я рака остерегалась. Гадалка говорит, у меня предрасположенность. А тут сплю на земле, жру отбросы.

Ей что-то пробурчали в ответ. Из другой палатки высунулась всклокоченная голова.

— Давай залезай скорее. Его нет.

— Некогда, — отмахнулся Джим.

Миновав еще две палатки, он увидел мужчину, тот стоял на коленях на одеяле.

— Время не скажешь, парень?

— Точно не знаю. По-моему, уже седьмой час.

— Я слышал, как она тебя зазывала. Правильно сделал, что не пошел. Она нам в лагере насолила почище врагов. Гнать бы ее в шею. Из-за нее столько мужиков передралось. Как там, костер разожгли?

— Разожгли, — кивнул Джим.

Палаточный ряд кончился, метрах в пяти красовалась брезентовая занавеска, за ней низенький помост с тремя дырками. Джим взял коробку хлорной извести, встряхнул, но она оказалась пустой. Сидевший на помосте мужчина сказал:

— Порядок в сортире пора навести. Куда доктор-то запропастился? Со вчерашних пор карболкой не брызгал.

— Может, землей забросаем, — предложил Джим. — Все таки лучше, чем ничего.

— Это не мое дело. Доктор должен обо всем позаботиться. А то вдруг ребята какую заразу подцепят.

Джим рассердился.

— Да такие, как ты, палец о палец не ударят, хуже всякой заразы, — и принялся носком башмака сбрасывать в яму землю.

— Думаешь, умнее всех? — усмехнулся мужчина. Еще молоко на губах не обсохло, а туда же, других учить.

— Во всяком случае, хватит ума, чтобы понять, какой ты лентяй.

— Погоди, сейчас штаны застегну, покажу тебе, кто лентяй! — но сам и не шелохнулся.

— Жаль, что я поднять тебя не могу — рука прострелена. — Джим смерил его презрительным взглядом.

— Ну вот, пользуешься тем, что никто тебе сдачи не даст, и изгиляешься. Ну, подождите, гады, вы еще наплачетесь.

Джим, как мог спокойно, сказал:

— Никто тут не изгилялся. И драться я с тобой не собираюсь. Нам не друг с другом воевать надо, а бороться с врагом.

— Ну то-то, другое дело, — хмыкнул мужчина. — Сейчас я тебе помогу. Чем сегодня будем заниматься? Не знаешь?

— Да мы... — начал было Джим, но осекся. — Не знаю. Лондон все скажет.

— Лондон пока ни шиша не сделал, — сказал мужчина. — Эй, к середине близко не садись — провалишься. К краю двигайся. Ни шиша твой Лондон пока не сделал. Ходит король королем.

Знаешь, что мне один парень сказал? Что у Лондона в палатке ящики с консервами, чего только нет: и тушонка, и сардины, и персиковый компот. Ведь он к нашей жратве и не прикасается. Он нас и за людей-то не считает!

— А вот это уже гнусная ложь! — не утерпел Джим.

— Экий ты упрямец! Да сколько людей видели ящики с консервами! Почему ты знаешь, что это ложь?

— Да я живу у него в палатке. Он разрешил мне переночевать, потому что я нездоров. Матрац и два пустых ящика — и больше ничегошеньки там нет.

— А вот многие ребята говорят, у него там ящики сардин и персикового компота. Кое-кто вчера даже собирался пойти и поживиться.

Джим лишь рассмеялся.

— Свины! Стадо свиней! Попался вам хороший человек, так его надо в грязь затоптать.

— Опять обзываешься! погоди, вот рука у тебя заживет, ребята тебе насуют, чтоб не умничал.

Джим поднялся, застегнул джинсы и вышел из сортира. Над короткими трубами плит поднимался серый дым, а на высоте метров десяти расплзлся широкой грибной шляпкой и медленно растворялся в воздухе. На востоке небо уже сделалось шафранным, а над головой — белесо-голубым. Из палаток поспешно выходили люди. Предутренняя тишина сменилась шарканьем ног, разноголосым гамом.

Темноволосая женщина, закинув голову, стояла у палатки, томно поглаживая волосы, рассыпавшиеся по белой шее. Она со значением улыбнулась Джиму и, не переставая поглаживать волосы, поздоровалась. Джим остановился.

— Нет, нет. Хватит с тебя и «доброго утра», — бросила она.

— А мне с тобой приятно! — он задержался взглядом на длинной белой шее, на точеном подбородке. — Утро и впрямь доброе.

Губы у женщины чувственно и с пониманием дрогнули. Он пошел дальше, и, когда из одной палатки высунулась всклокоченная голова и хриплый голос снова позвал: «Давай, залезай скорее, его нет» — Джим лишь мельком взглянул на звавшую и, не отвечая, пошел дальше.

У старых плит собирались люди, тянули к теплу руки, терпеливо дожидаясь, когда в больших прачечных чанах разогреется говядина с фасолью. Джим подошел к бочке с водой, зачерпнул в жестянку. Плеснул холодной водой в лицо, на голову, тщательно, хотя и без мыла, вымыл руки. Лицо вытирать не стал, на нем так и застыли капли.

Завидев его, подошел Мак, протянул котелок.

— Я его сполоснул. Что с тобой, Джим? Облизываешься, точно кот на сметану.

— Женщину увидел...

— Не может быть! Когда ж ты успел?

— Да я только взглянул на нее, она причесывалась. Интересно, иной раз за самым будничным делом человек таким красивым покажется, что на всю жизнь запомнишь.

— Я б рехнулся, случись мне пристойную женщину увидеть, признался Мак.

Джим заглянул в пустой котелок.

— Она голову откинула, волосы расчесывает и странно так улыбается. Знаешь, Мак, мать у меня была католичкой, а в церковь по воскресеньям не ходила, потому что отец так же, как и мы, церкви терпеть не мог. Но в будний день, когда отец на работе, она нет-нет, да и сбегает в церковь. А иной раз и меня, малыша, с собой прихватит. И в церкви меня поражала тоже улыбка одной женщины — потому-то я все это и рассказываю — Марии, она улыбалась мудро, спокойно, обнадеживающе. Однажды я спросил мать, почему Мария так улыбается. А мать и говорит: «Она на небесах, чего ж ей не улыбаться». По-моему, мать ей немножко завидовала. — Голос у Джима упал. — Как-то раз я стоял и смотрел на Марию и вдруг вижу вокруг ее головы в воздухе — венчик звездный, словно птички хороводят. Я видел это собственными глазами, Мак, не смейся. И дело тут не в религии, в книгах по психологии такое называется осуществлением желаний. Честное слово, я видел этот звездный венец, и мне стало очень-очень хорошо. Узнай мой старик, огорчился бы. Он у меня как перекасти поле. Ни на одной работе долго не задерживался.

— Ну, Джим, из тебя со временем выйдет великий оратор. Убедительно говоришь. Представляешь, мне сейчас и впрямь поверилось, что в церкви хорошо. Хорошо! И все из-за твоих речей! Если так же сможешь и ребят на нашу сторону привлечь, похвалю. — Он снял с гвоздя на бочке чистую жестянку, зачерпнул воды, напился. — Пойдем посмотрим, может, жратва готова.

У плит выстроилась очередь, повара половниками зачерпывали фасоль с мясом и раскладывали по посудинам. Подошел черед и Джима с Маком.

— Это остатки? — спросил Мак.

— Еще на обед хватит и мяса, и фасоли, — сказал повар. — А соль уже кончилась, надо доставать.

Мак с Джимом отошли, жуя на ходу. Солнечный луч прорвался сквозь кроны, осветил поляну, принарядил па латки. Около машин стоял Лондон и о чем-то толковал с мужчинами.

— Пойдем, послушаем, — предложил Мак, и они направились к дороге.

На радиаторах повывавших виды машин появилась ржавчина, кое-где с колес сняты шины. Казалось, машины стоят здесь с незапамятных времен.

Лондон, заметив друзей, махнул им рукой.

— Доброе утро. Мак! Как здоровье, Джим?

— Отлично, — отозвался Джим.

— А мы вот с ребятами наши развалюхи осматриваем. Надо выбрать, какие в дело годятся. Хотя им всем грош цена в базарный день!

— Сколько машин поедет?

— Пять пар. Случись что с одной, та, что рядом, работяг подберет и дальше! Вот этот старик «Гудзон» подойдет, — ткнул пальцем он. — Еще у нас есть четыре пятицилиндровых «Доджа». Правда, покрышки ненадежные, чуть что — и машины на брюхе покатают. Ну и моя колымага еще на ходу. Так, от закрытых машин сразу отказываемся: в них ни размахнуться, ни камня швырнуть. А это что за утконос такой?

Выступил владелец машины.

— Да она у меня почти новенькая. Прошлой зимой из Луизианы пригнал. Она и по горам бегала — ничего, жива.

Так и шли они вдоль шеренги допотопных машин, выбирая пригодные.

— Эти ребята — командиры отрядов, — пояснил Лондон. — Каждый отберет человек пять самых боевых ребят, вот экипаж и готов. Нам нужны надежные парни и крепкие кулаки.

— Любо-дорого слушать: такую силу никому не остановить.

— Пусть попробуют, сунутся! Да никто и близко не подойдет! — сердито бросил один из командиров.

— Значит, настроение боевое?

— Дай нам только развернуться — увидишь сам.

— Мы чуток прогуляемся, — сказал Мак Лондону.

— Обождите. Ребята только что от Андерсона пришли. Говорят, он глаз не сомкнул, всю ночь нас ругал последними словами. А утром укатил в город и все не утихал.

— Что ж, этого следовало ожидать. А как у Альфа дела?

— У какого Альфа?

— Да у сына Андерсона, ну, у того, что избили.

— А-а, ребята его навестили. Он сюда просился, но ребята его решили не тормозить. Даже при нем дежурить остались.

Лондон подошел ближе и зашептал, чтоб не услышали остальные:

— Как, по-твоему, Мак, куда это Андерсон укатил?

— В город, наверное, жалобу подавать, чтоб нас вышвырнули. Может, и поджог сарая нам припишет. Напугали его, он сейчас на все пойдет, чтоб с ними поладить.

— Ясно. Думаешь, нам здесь придется драться?

— Мне кажется, — сказал Мак, — что дело вот как пойдет: они поначалу пришлют нескольких мордovorотов, чтоб нас поугаать. А мы возьмем и не испугаемся! Потом они уж целой кодлой полезут. Все будет от наших ребят зависеть: накопело у них, наболело — будут драться. Дрогнут — и нас через минуту здесь не будет, если, конечно, дадут уйти, — он похлопал Лондона по плечу. — Тогда нам с тобой и Джимом придется смываться побыстрее и подальше. Их кодла будет искать козла отпущения, и церемониться они не станут.

Лондон позвал командиров.

— Слейте бензин из всех машин в те, что мы выбрали. Заведите моторы, проверьте, все ли в порядке, горючее экономьте, — он повернулся к друзьям. — Пройдусь с вами. Обо всем нужно договориться. Как вы, на ребят наших рассчитываете? Те, что на машинах поедут, будут драться до последнего. А вот как насчет остальных?

— Знай я заранее, что будет делать толпа, был бы президентом, ответил Мак. — Конечно, уже кое-что сказать можно. Запах крови будоражит. Случись им сейчас хоть кошку убить, пойдут крушить все и вся. Если уж и придется нам биться, хорошо б наш кому-нибудь из них первым нос расквасил. Тогда ребята будут как львы. А если мы первыми потери понесем, не

удивлюсь, если наши драпанут, разбегутся по садам.

— Пожалуй, — согласился Лондон. — Возьмешь одного, вроде знаешь его как облупленного, а возьмешь десяток таких же, и ни за что не угадаешь, что они вытворят. А сами то что думаете делать? Сидеть у моря и ждать погоды?

— Вот именно, — кивнул Мак. — Когда привык к толпе, уже немного ее чувствуешь и коечто знаешь наперед. Носом чуешь. Запомни одно: сломаются наши парни, ты сразу затаись где-нибудь, пережди. Вот что: под мостом через реку Торгас есть укрытие, ивняком зав алено. Там еда, одеяла. Туда и беги. Толпа быстро утихомирится. Доберешься до города, иди на Центральный проспект, дом сорок два. скажи, что от меня.

— Мне б еще Лизу с сыном как-нибудь вызволить. Зачем им страдать?

— Не рано ли тревогу забили? — в сердцах бросил Джим. — Ничего еще не случилось и, как знать, может, и не случится. Может, Андерсон поехал погостить к кому.

— Похоже, будто я беду накликаю, — виновато проговорил Мак. Может, все и обойдется. Но Лондон — человек ценный. Он нам нужен. Конечно, не хотелось бы, чтоб и этих наших ребят поубивали, они ребята славные. Но Лондон нам нужен. Перейдет Лондон на нашу сторону, значит, забастовка себя оправдала.

Лондону польстили такие слова.

— Вот ты. Мак, на разных забастовках бывал. Все так проходят?

— Ну, что ты! Я ж говорю, здесь все хозяйчики друг за дружку держатся. Они нас голодом душат. И случись, наш поход сегодня не удастся, вот тогда мы запоем. Ты, Лондон, хотел бы остаться?

— Да. Я в больших драках не бывал.

— И я думаю, тебе лучше остаться, — поддержал Мак. — Ты в лагере нужен. Сегодня нас будут отсюда «выкуривать». Без тебя ребята струсят и разбегутся. Ты же вожак, Лондон! А вожак должен быть посреди своего воинства до последней минуты! Ну, что, по машинам и в путь? В садах уж небось работа кипит, стараются, иуды проклятые.

Лондон поспешил к машинам.

— Поторапливайся, ребята. Время не ждет! Пора ехать!

Командиры побежали к палаткам, вывели вооруженных камнями и палками людей; кое у кого блестели ножи. Весь лагерь вышел их провожать, люди бойко перекликались, напутствовали уезжавших.

— Покажи им, Джо, где раки зимуют!

— Задайте им хорошую трепку, ребята!

Затарахтели, запыхтели, зачихали престарелые моторы, люди расселись, Лондон поднял руки, призывая к тишине и крикнул:

— Три пары едут направо, две — налево!

Машины двинулись, переползли с обочины на шоссе, выстроились на дороге. Сидевшие в них поднялись, неистово замахали шляпами, стали потрясать кулаками, размахивать дубинками, кося направо и налево воображаемых врагов. Но вот машины разъехались;

оставши еся в лагере проводили их криками.

Крики унялись внезапно. Похоже, мужчинам враз стало неловко. Они молча провожали взглядом уже далекие машины.

Мак, Джим и Лондон зашагали плечом к плечу обратно в лагерь.

— Ох, хорошо б они им показали! А если те верх возьмут, наше дело долго не протянет! Пошли-ка, Джим, навестим старика. А потом, если удастся, соберем ребят да к Альфу наведемся. Ведь я ему кое-что обещал. Ему поддержка сейчас очень нужна.

— А я пока за водой пошлю, — решил Лондон. В бочке почти пусто.

Джим первым направился к больничной палатке. Полог был поднят, дабы рассветные лучи разогнали тьму. На самом видном месте лежал Дан. Лицо точно восковое; тонкая, почти прозрачная кожа; темными жгутами про ступали вены на щеках.

— Как чувствуешь себя. Дан? — спросил Джим.

Старик что-то тихо промычал.

— Чего-чего? — Мак наклонился к постели.

На этот раз губы Дана отчетливо изобразили каждое слово:

— Я давно не ел.

— Бедняга! Схожу, принесу тебе чего-нибудь, — Джим шагнул к выходу и вдруг воскликнул: — Мак! Машины едут обратно!

Со стороны города приближались машины. Вот они остановились. Быстро собралась толпа. Подбежал и Лондон, протолкался к дороге.

— Какого черта вернулись?

Толпа выжидательно молчала. Водитель передней машины придурковато ухмыльнулся.

— Да там не проедешь. Они дорогу перегородили.

— Я, кажется, приказывал таранить любое препятствие.

— Вы не поняли, — пробубнил водитель все с той же ухмылкой. — Мы к баррикаде подъехали, а за ней человек двадцать с ружьями. — На этот раз он взволнованно сглотнул. — Встал какой-то мужик с шерифской звездой и говорит: «У нас в округе пикеты запрещены. По ворачивайте обратно». Наши на старом «Гудзоне» хотели было объехать, а он на обочину съехал да перевернулся. Ну, ребята повыскакивали и все в другую машину, ту, что с утиным носом. — Сидевшие рядом лишь важно кивали.

— Что дальше? — подавленно спросил Лондон.

— Ну, утконос ринулся было на баррикаду. Так нас забросали гранатами с газом — от него сразу слезы текут, и прострелили шины. Все кашляют, слезы глаза застыт, а у тех-то противогазы. Они из-за баррикады повылазили, наручников штук сто приготовили и — на нас! — он снова ухмыльнулся. — Мы и вернулись. Ничего не поделать. Даже камней-то подходящих не нашлось, чтоб их закидать. А всех, кто на «утконосе» был, они схватили. Газу-то, газу — такого в жизни не видывал! — Он взглянул на шоссе и уныло сказал: — А вон и вторая партия едет. Дорогу, поди, с обоих концов перегородили.

По толпе пронесся тяжелый долгий вздох. Кое-кто повернул обратно к палаткам. Шли медленно и понурившись, погрузившись в невеселые думы.

Лондон озадаченно посмотрел на Мака. Тот предложил:

— Не пустить ли нам машины садами? Не могут же они все тропки перегородить.

— Слишком сыро. Машины и десяти метров не проедут, в грязи увязнут.

Мак вскочил на подножку одной из машин.

— Вот что, ребята! — крикнул он. — Все-таки у нас есть возможность прорваться. Выйти всем миром и разнести все их заграждения. Они не имеют права нас держать в этой мышеловке. Мы не сдадимся! — Мак чуть выждал, но в толпе молчали, слова его не возымели действия. Люди отводили взгляды, каждый уповал на соседа, а сам молчал. Наконец раздался одинокий голос:

— Нам нечем драться! Голыми руками против ружей да газа не повоюешь. Дайте нам ружья, тогда разговор другой.

Мак запальчиво крикнул:

— Они убивают наших ребят, жгут дома наших друзей, а вы сидите сложа руки. Сейчас вас загнали в мышеловку, а вам хоть бы что! Да крыса и та за свою жизнь бороться бы стала!

Казалось, все вокруг напиталось самым страшным газом-безысходностью. Тот же голос из толпы повторил:

— Мистер, голыми руками против ружей да газа не повоюешь.

Мака прорвало.

— Ну, а со мной шестеро голыми руками справятся?! Есть среди вас храбрецы? — бросал он безнадежные слова. — Вот и попробуй вам помочь! Попробуй хоть что-нибудь для вас сделать!

Лондон решительно стащил Мака с подножки машины. Тот попытался вырваться, глаза выпучились.

— Своими руками трусов придушу! — кричал он.

Джим придержал его с другой стороны.

— Мак, одумайся, ты уже сам не понимаешь, что говоришь!

Вдвоем с Лондоном они вывели Мака под руки из толпы. Люди вокруг стыдливо опускали глаза. А меж со бой тихо повторяли:

— Голыми руками против ружей да газа не повоюешь.

Вернувшиеся повылезали из машин, оставив их на дороге, смешались с толпой.

Мак больше не упирался. Его привели в палатку Лондона, усадили на матрац. Джим намочил в ведре с водой тряпку и хотел вытереть другу лицо, но Мак взял у него тряпицу и обтерся сам.

— Я уже в норме, — спокойно сказал он. — А вообще-то толку от меня нет. Партия должна гнать меня в шею. Ишь, разошелся!

— Ты на ногах едва держишься, тебе выспаться надо, заметил Джим.

— Верно. Но дело не в этом. Ребята даже за себя драться не хотят. А ведь такие же, как они, на моих глазах шли с голыми руками на пулеметы! А эти убоялись горе вояк, шерифских помощников! До смерти испугались. Да и я, Джим, не лучше. Мне бы мозгами пошевелить. Ведь когда я на подножку вспрыгнул, думал, сейчас зажгу ребят, подниму на борьбу. А они как стадо баранов, вот я и взорвался. А какое я имел право! Нет, таким, как я, в партии не место.

— Да я и сам едва сдерживался, — попытался поддержать Мака Лондон.

Мак сосредоточенно разглядывал свою пятерню.

— Бросить бы все к чертовой матери да убежать. Зарыться с головой в стоге сена и заснуть. И чихать я хотел на всех!

— Отдохнешь и сразу взбодрись, — сказал Джим. Ложись-ка, поспи. Мы с Лондоном, если будет нужно, тебя позовем, верно, Лондон?

— Непременно, — откликнулся тот. — Ложись поудобнее, вытяни ноги. Дел сейчас никаких нет. С командирами я потолкую сам. Может, наберем ребят побойчее да тишком к баррикадам проберемся.

— Боюсь, победа уже за ними, — проговорил Мак. Они сломили дух у наших ребят, когда еще до дела и не дошло, — он улегся на матрац. Толпе нужна кровь... О, господи, я с самого начала напутал... — он закрыл глаза, но тут же снова открыл. — Вот что, очень скоро к нам, может, сам шериф в гости пожалует или какая иная важная шишка. Обязательно меня разбудите. Просто так их нельзя отпускать. Непременно меня позовите, он по кошачьи свернулся клубочком, сложил руки под головой и сразу задышал мерно и ровно.

От палаточных тросов по брезентовым стенам побежали тени, солнце разбросало лучи перед входом на пятачок утоптанной земли.

Джим с Лондоном тихонько выбрались наружу.

— Ишь, намаялся, бедняга, — сказал Лондон. — Прямо изголодался по сну, я никогда такого не видал. Легавые, говорят, нарочно спать арестанту не дают, и он умом трогается.

— Отдохнет Мак, совсем другим станет, — уверил Джим. — Ох, я ж обещал Дану кое-что! А там наши машины подошли... Схожу-ка сейчас!

— А я пойду Лизу проведу. Может, пошлю ее к старику, пусть присмотрит за ним.

Джим пошел к кухне, наложил в котелок фасоли и понес к больничной палатке. Солнечный зайчик уже спрыгнул с койки Дана на пол. Старик лежал, закрыв глаза, дышал редко и тихо.

В палатке пахло чем-то гнилым или тухлым, необычный запах этот исходил от тела умирающего, оттого что он уже долго не мог опорожниться. Джим наклонился над стариком.

— Дан, я принес поесть.

Тот медленно открыл глаза.

— Не хочу ничего. Сил нет жевать.

— Непременно нужно поесть. Тогда и силы появятся. Давай-ка я под спину тебе подушку подложу, ты сядешь, и я тебя покормлю.

— Не нужны мне силы, — промямлил старик. — И подниматься не хочу. Я только на верхушки деревьев поднимался, — он снова закрыл глаза. Лезешь по стволу, все выше, все выше, и вот уже деревья что поменьше под тобою. Тогда уж спасательным поясом пристегиваешь, он глубоко вздохнул, губы продолжали шевелиться. Вдруг на солнечное пятно на полу упала тень. Джим поднял голову. У входа стояла Лиза. На плечи накинуто одеяло, его краем укрыт и ребенок.

— Мне хватает дел со своим малышом. А он говорит, иди, за стариком присмотри.

Джим приложил палец к губам и отошел от койки, чтобы Лизе лучше было видно исхудавшее лицо Дана.

Войдя, Лиза села на свободную койку.

— Ох ты! Я же не знала! Скажи, чем помочь?

— Ничем. Просто побудь с ним.

— Уж больно он плох. По запаху чую. Знакомый запах, — она поежилась, плотнее закутала личико младенца, чтобы уберечь от вони.

— Тише. Может, еще поправится.

— Нет, запах не тот. Знакомый запах. Старик уже гниет.

— Вот бедняга!

Возглас этот, видно, тронул ее за душу, на глаза навернулись слезы.

— Конечно, я побуду с ним. Не впервой. А меня не убудет.

Джим присел рядом.

— С тобой хорошо, — прошептал он.

— Ты эти штучки брось!

— Да я разве что! Просто рядом с тобой почему-то всегда тепло.

— А мне и не холодно.

Джим чуть отвел лицо.

— Мне нужно поговорить с тобой, Лиза. Ты, наверное, не поймешь меня, да это и неважно. Все кругом рушится, или как вода меж пальцами, глядь — и нет. Но это пустяки по сравнению с главным. И мы с тобой песчинки в людском море. Понимаешь? Я всякий раз сам себе это говорю, но мне легче самого себя понять, когда ты рядом, слушаешь. Догадываешься, о чем я?

Щеки у Лизы зарумянились.

— Я же только что родила. Да и не такая я, — она пристыжено взглянула на него. — Не говори так. Таким тоном, — попросила сна. Понимаешь, я просто не такая.

Он потянулся было обнять ее, но она отпрянула.

— Не нужно.

Джим поднялся.

— Будь повнимательнее к старику, ладно? Вода и ложка на столе. Давай ему понемножку, — он поднял голову, вслушался: по лагерю пошел говор, все громче и громче. Но вот из шмелиного жужжания голосов вдруг выделился один, то взмывал на высоких тонах, то сердито басил.

— Пойду посмотрю, что там, — сказал Джим. — Не бросай старика, — и поспешно вышел.

Недалеко от кухни он увидел людей: толпа окружила какого-то сердитого оратора, потом двинулась к помосту, на котором некогда покоился гроб Джоя. Люди облепили его со всех сторон, из толпы вдруг выпрыгнул человек и утвердился на помосте. Джим подбежал ближе. Теперь он видел говорившего. То был мрачный Бэрк. Он размахивал руками, а голос его колоколом гудел над головами. Джим приметил, что от дороги к сборищу поспешает Лондон.

Бэрк крикнул, вцепившись в перила:

— Вон он! Полюбуйтесь! Это из-за него вся заваруха! А сам-то и пальцем ради нас не пошевелил, сидел в своей палатке да персиковый компот жрал. А мы под дождем мокли да жрали то, что и свинье непотребно!

От изумления у Лондона распахнулся рот.

— Что здесь происходит? — гаркнул он.

Бэрк подался вперед.

— Сейчас! Все узнаешь! Мы решили: нам нужен настоящий вожак! Такой, что не предаст нас за ящик консервов.

Лондон побледнел, плечи опустились и подались назад. Он взревел и бросился в людскую гущу, расшвыривая стоявших на пути, хотя никто и не думал его задерживать. Он буквально пробуравил толпу и остановился лишь у самого помоста. Ухватившись за перила, поднялся, и в то же мгновение Бэрк ударил его. Метил он в голову, но попал в плечо, и рука у Лондона сорвалась с перил, он пошатнулся, но устоял и вновь взревел. Бэрк ударил еще раз, на этот раз — в лицо, но снова промахнулся. Плавным, как у всех крупных людей, но быстрым движением Лондон нанес прямой удар левой, Бэрк увернулся, и тут его настиг боковой справа в челюсть, оторвал от пола, уложил наземь. Голова у Бэрка запрокинулась, челюсть свернулась на сторону, выбитые зубы повисли на губах, по подбородку побежала струйка крови, обогнула нос, глазницу и скрылась в волосах.

Тяжело дыша, Лондон стоял и смотрел на Бэрка. Потом медленно поднял голову.

— Ну, может, еще один сукин сын отыщется, скажет, что я хозяевам продался?

Люди, стоявшие вокруг Бэрка, зачарованно смотрели на его запрокинутую голову. В последних рядах стали напирать, вставать на цыпочки, чтобы лучше увидеть. Глаза у всех горели недобрым огнем.

— Челюсть сломал! — воскликнул один. — Из мозгов кровь течет!

— Поди, до смерти прибил! Ишь, голову прямо снес! — взвизгнул другой.

Просочились сквозь толпу женщины; застыли, глядя на запрокинутую голову. По толпе пронесся то ли тяжелый вздох, то ли всхлип. В глазах полыхал гнев, плечи напряжились, руки изготовились к ударам. Лондон стоял, тяжело дыша, глядя на до крови разбитые ко стяжки пальцев. Потом оглядел толпу — видно, искал поддержки и увидел Джима, тот ободряюще

поднял сомкнутые над головой руки. Затем указал на дорогу, где стояли машины, повел рукой вдаль и снова указал на дорогу. Лондон оглядел воинственную толпу. Задумчивость на его лице сменилась угрюмостью.

— Что ж, ребята, — начал он, — говорите, я ради вас и пальцем не пошевелил? Да потому, что помощи от вас нет. Зато сейчас вам бы только в бой. Ничем не остановишь.

Неистовый, почти звериный рев вырвался из сотен глоток. Лондон поднял руку.

— Кто готов сейчас пойти и разнести к чертовой матери их баррикаду?

Настроение толпы менялось на глазах. Завороженно остановились на вожаке сотни взглядов. Точно волна про неслась по людской массе. Нет больше одиночных выкриков. Толпа стояла единым многоногим существом. Множество лиц как одно. Множество глоток как одна.

— Некоторые поедут на машинах, — скомандовал Лондон, — остальные пешком. Вперед, мы еще не сказали последнего слова, вперед! — Он лихо спрыгнул с помоста, протолкался во главу толпы. Тотчас заурчали моторами машины. Толпа хлынула на дорогу; ни следа разобщенности, ни тени безразличия. Быстрый, бесшумный, пугающе действенный механизм. По дороге пустились рысцой, все вместе, все разом. Позади медленно ехали машины.

Джим, глядя на двинувшуюся процессию, заставил себя остановиться, вслух приказав:

— Не поддавайся, где твой разум? Не поддавайся.

Женщины почти все бежали за уходящей колонной, а немногие оставшиеся чудно смотрели на Джима: глаза у него замороженно и недвижно глядели вослед человеческому потоку — орудию слепому и страшному. Вот скрылись из вида. Джим, дрожа всем телом, вздохнул и отвернулся. Потрогал больное плечо, надавил — боль быстрее приводит в чувство. Неспешно направился к палатке Лондона, вошел, уселся на ящик.

Полуприкрыв глаза, Мак наблюдал за другом, лишь едва заметная щелочка меж веками выдавала, что он проснулся.

— Джим, я долго спал?

— Всего ничего. Сейчас еще и двенадцати нет.

— Каких только снов не снилось, однако отдохнул хорошо. Пора вставать.

— Поспи-ка еще.

— Зачем? Я ж отдохнул, — он открыл глаза. — И вижу все уже по-иному. Когда намаешься, спишь как убитый. А снилась мне какая-то сумятица.

— Ну и спал бы себе.

— Хватит, — он сел на постели, потянулся. — Что-то произошло, пока я спал? Уж больно тихо кругом.

— Произошло, и немало. Бэрк хотел скинуть Лондона, а тот ему врезал, — Бэрк и с копыт долой, чуть жив остался. Ой, да я ж забыл совсем про него! — Он выбежал из палатки, обогнул ее, оглядел помост. Вернувшись, сказал: — Кто-то успел подобрать.

Мак был уже на ногах.

— Рассказывай! — взволнованно попросил он Джима.

— А в толпе, как увидели кровь, будто с ума посходили. Ну, а Лондон и направь их баррикады сокрушать.

— А я что тебе говорил! — воскликнул Мак. — Увидят кровь, и дело пойдет. Ну, а дальше, что дальше было?

— Уехали, вот и все. Видел бы ты их. Все будто воедино слилось, будто один огромный зверь дорогу заполонил. Даже мне невтерпез стало. Сам чуть было не пошел, да вовремя одумался, приказал себе: «Стой! Где твой разум!»

— Отлично, — радовался Мак. — Говорят, что от толпы проку мало. А я тебе так скажу: если толпа знает, чего хочет, она не хуже обученных солдат действует, только с большей выдумкой. Так, ну разнесут они баррикаду, а дальше? Ведь они не враз угомонятся, им еще что-нибудь сотворить захочется. А про зверя ты хорошо сказал. Именно: огромный зверь. И он совсем не схож с каждым, кто составляет его силу, да и силы у него больше, чем у всех людей, вместе взятых. И запросы у него совсем иные, чем у людей. Док насчет этого верно говорил. Не угадать, что зверь натворит.

— Пока что разнесет баррикаду.

— Да я не о том. Зверю на баррикаду наплевать. А вот что ему нужно — сам не знаю. Беда всяких там социологов в том, что они изучают народ как группу людей, а это совсем не так. Народ — это тот же самый зверь. И людского в нем не больше, чем в собаке. Джим, здорово, когда нам удастся обратить этого зверя на доброе дело, но мы так мало знаем. Разойдется зверюга — неизвестно, что натворит. — Лицо у Мака разгорелось, но угадывался за радостным волнением страх.

— Тише! Никак наши возвращаются. — Джим подбежал к выходу. Как переменялись! Словно бы и не вместе, а вразной идут.

Мак подошел. Дорога была запружена людьми. Вот из потока выбрался Лондон и припустил к Маку с Джимом.

— Назад! В палатку! — орал он на ходу.

— С чего бы это? — недоуменно спросил Джим. Но Мак затолкал его в палатку, развязал бечевку и опустил полог.

— Ему лучше знать. Сиди спокойно и жди. Он сам все уладит. Что бы ни случилось, сиди и носа не высовывай.

Ураганным ливнем прошуршали по земле шаги сотен ног, прогромыхали голоса. На брезентовой стене обозначилась квадратная тень-то был Лондон, — и знакомый голос прокричал:

— Спокойнее, ребята, спокойнее!

— Мы ему покажем, кто струсил!

И снова голос Лондона.

— Вас отругали — вот вы и злобитесь. И мой друг здесь ни при чем. А сейчас вы поработали на славу. А мой друг — он друг и вам. Он же день и ночь ради вас старался, намаялся.

Судя по всему, настроение толпы менялось, напор на Лондона ослабел, растворился в разрозненных криках.

— Все ясно, Лондон!

— Но ведь он обозвал нас трусами!

Мак, наконец, перевел дух.

— Ну, Джим, пронесло, чудом пронесло.

Квадратная тень на палаточной стене не шелохнулась, а беспокойные выкрики стали удаляться, озлобленность таяла.

Лондон, однако, не закончил разговор.

— Ну, а если кто из вас думает, что я персики лопаю, зайдите да посмотрите.

— Да что ты, Лондон. У нас и в мыслях такого не было.

— Это все Бэрк придумал, чтоб ему пусто было.

— Он давно против тебя, Лондон, народ подговаривает. Сам слышал.

— Что ж, давайте расходиться, ребята. Меня дела ждут.

Голоса стихли, толпа, очевидно, разошлась, и лишь тогда Лондон откинул полог и устало вошел в палатку.

— Спасибо, — сказал Мак. — Мы на волосок от гибели были. Ты даже и не представляешь, Лондон. А здорово ты их утихомирил. Ох, как здорово.

— Да я и сам испугался, — признался Лондон. — Небось, презирать меня за это не станешь. На обратном пути и меня что-то так разобрало, сам бы тебя придушил, — он ухмыльнулся. — Даже не знаю почему.

— Да и они не знают, — вздохнул Мак. — Так уж мир устроен. Ну, а теперь рассказывай, что на дороге произошло.

— Мы их в лепешку раскатали! И следа от них не осталось. Пробовали нас газом отравить, конечно, кое-кто из ребят закашлялся, слезы из глаз. И все равно им ни за что было нас не одолеть. Как они драпали! А остальных наши буквально втоптали в землю. Ребята удержу не знали.

— В вас стреляли?

— Да они и ружей вскинуть не успели — мы уж у них под носом. Пальнули поверх голов, чтоб попугать, а мы, знай себе, вперед прем. Легавым тоже не очень охота по людям стрелять. Мы накатили, смяли их, баррикаду в щепки.

— Машины с собой брали?

— Целых восемь штук. На них наши самые отчаянные парни ехали.

— Убили кого из легавых? — сурово спросил Мак.

— А кто его знает. Я не следил. Может, убили. Ребята прямо озверели. Их, поди, и с пулеметами не остановили бы.

— То, что надо! — обрадовался Мак. — Да если б мы могли в нужную минуту наддать жару, а сделав дело, хладнокровно притормозить, завтра утром у нас бы революция началась, а к

вечеру б кончилась. Ребята что-то уж очень быстро со всем управились.

— До баррикады бегом бежали, почти милю. А уж обратно едва ползли — выдохлись. Меня аж блевать тянет. Непривычен бегать-то.

— Ясно, — кивнул Мак. — Хотя, конечно, бег тут ни при чем. Такая встряска все нутро перевернет. Небось сейчас многие завтрак стравливают.

Лондон словно только приметил Джима. Подошел, размашисто хлопнул по спине.

— Хорошую мысль мне подал. Я Бэрка-то уложил, стою, не знаю, что делать. А тут ребята окружили, чую, злоба в них так и кипит. Еще чуток, и за меня бы принялись или еще за кого. Глядь: ты там рукой машешь на дорогу. Я сразу смекнул, что делать.

Джим просиял от радости.

— Какой от меня толк с больным-то плечом. Просто пришло на ум, как Мак говорил: пролейся кровь, тогда ребят не сдержать. Помнишь, Мак?

— А как же! Правда, там у помоста, пожалуй, голова другим была бы занята. И как ты сообразил, Джим? В такой суматохе только ты и не растерялся. Ты про своего старика рассказывал: он, дескать, не ахти какой башковитый, он всю жизнь кулаками махал. Непонятно только, откуда ты научился мозгами шевелить.

— Верно, отец именно такой, — согласился Джим. — Зато у матери ум холодный, прямо в дрожь бросает.

Лондон согнул руку, изумленно посмотрел на ободранные костяшки пальцев.

— Надо ж! Ты только посмотри!

— Да, разбил до крови!

— Об этого сукиного сына Бэрка. Как он там, Джим? Я его, похоже, крепко двинул, чуть голову не снес.

— Не знаю, где он, — ответил Джим. — Кто-то его с помоста уволок.

— Надо б разузнать, — решил Лондон. — Удивительно, я и боли-то до сей минуты не чуял.

— Когда с тем зверем стакнешься, уже ничего не чуешь.

— С каким таким зверем?

— Да так, это у нас вроде присказки. А Бэрка ты верно решил отыскать. Да и проверить, какое у ребят настроение, тоже неплохо. Они небось сейчас на ногах едва стоят.

— Не верю я им больше ни на грош. Не знаешь, чего от них ждать. Слава богу, я не оказался по другую сторону баррикады.

— Слава богу, что ты оказался по другую сторону палатки, — вставил Мак. — Иначе висеть бы нам с Джимом на какой-нибудь яблоньке.

— Да, туго пришлось... — пробормотал Лондон. Он подобрал полог, поднял его, привязал бечевкой. Но светлее в палатке не стало: солнце уже миновало зенит. Лондон вышел, друзья проводили его взглядами, потом молча переглянулись. Мак упал ничком на матрац. Джим долго смотрел на него. Наконец Мак спросил:

— Ты в чем-то меня обвиняешь?

— Нет. Просто думаю: вот сейчас, кажется, мы дрались и победили, и тем не менее, как никогда, близки к поражению. Ведь мы сюда приехали, чтобы помочь. Мак. А мы только все портим!

Мак грубо бросил:

— Не слишком ли высоко нас ставишь? Не переоцениваешь ли грошовый успех? Полетит наша забастовка сейчас к чертовой матери — нам по заслугам. Ведь и по сей день столько людей верят сказке о Благородном Американском Рабочем, о его дружбе с Добрым Капиталистом. А теперь они прозрели, поняли, как капиталисты о них заботятся, как могут их в два счета, словно тараканов, из вести. А мы нашим ребятам показали, во-первых, что они могут, а во-вторых, что должны делать. И последняя стычка показала, что ребятам по силам. Видишь, каким стал Сэм после забастовки во Фриско? Так вот, и наши парни будут кое в чем на него смахивать.

— А хватит ли у них ума правильно рассудить?

— Дело не в уме, Джим. Ум здесь ни при чем. Кончится забастовка, но в душах у ребят она еще долго бушевать будет. И рассуждать ни о чем не придется, они нутром все почуют.

— Ну, а как, по-твоему, что же нас ожидает?

Мак почистил пальцем передние зубы.

— Думаю, вышвырнут нас отсюда, только косточки затрещат. Может, днем сегодня, может, вечером.

— И что ж нам лучше: «исчезнуть» бесследно или все таки дать бой?

— Лучше — бой, если удастся ребят настроить. Разбегутся — и на душе гадко у всех будет, а бой — даже проигранный — дело достойное.

Джим опустил на одно колено.

— Слушай, но ведь если они с пулеметами нагрянут, много наших положат.

Глаза у Мака сузились, взгляд сделался холодным.

— Подойдем с другой стороны. Допустим, убьют кое кого из наших. Нам это только на руку. Вместо каждого убитого в наших рядах десяток новобранцев окажется. Вся страна в одночасье обо всем узнает, и народ повсюду всполошится. Те, кто колебался, на нашу сторону перейдут. А удерем отсюда втихомолку, народ прознает, скажет: «Э-э, да они даже боя дать не сумели!» А вся наша трудовая братия уверенность в своих силах потеряет. Вот дадим бой, разнесется о нем молва, и другие забастовщики тоже биться будут, окажись они в таких же условиях.

Джим подогнул и вторую ногу, сел на пятки.

— Я просто хотел ясности, вот и спросил. Но согласятся ли ребята биться?

— Не знаю. Сейчас вряд ли. Еще в себя не пришли. А попозже, кто знает. Подкинь им еще одного Бэрка и, чем черт не шутит, вдруг поднимутся. Пьяный Бэрк очень кстати объявился. Сейчас, глядишь, еще кто кровь прольет ради общего дела.

— Мак, если не хватает всего лишь крови, так я сорву сейчас повязку — кровяца рекой

потечет.

— Чудной ты, Джим, — добродушно бросил Мак. — Все буквально понимаешь.

— По-моему, ничего чудного нет.

— Еще как есть! Помнишь анекдот про даму, что покупала собаку? Она спрашивает: «А вы точно знаете, пес чистокровный?» Владелец ей: «Точно! Ну-ка, Оскар, покажи даме, какая у тебя кровь».

Джим слабо улыбнулся. А Мак продолжал:

— Нет, Джим, свою кровь побереги. Ты в нашем деле сотни ребят стоишь.

— Ничего, небольшое кровопускание не повредит.

Мак беспокойно теребил нижнюю губу.

— Ты видел когда-нибудь, чтобы дрались сразу четыре или пять собак?

— Нет.

— Просто если одну из них ранят или свалят наземь, остальные ее непременно загрызут.

— Ну, и что?

— И у людей порой так же. Сам не знаю, почему. Выходит, док прав. Он мне раз сказал: «Люди ненавидят что-то в самих себе».

— Док — парень славный, но не больно-то помогли ему высокие рассуждения. Они бесцельны, просто замкнутый круг.

— Как бы там ни было, его очень не хватает. Плечо у тебя еще болит?

— Ни капли. Правда, я его пока берегу.

Мак поднялся.

— Давай-ка посмотрим. Снимай куртку.

Это оказалось делом непростым. Мак отковырнул пластырь, осторожно разбинтовал плечо.

— Почти зажило. Только краснота кое-где. Все эти марли я выброшу. До города бы поскорее добраться. Там врачи за дело возьмутся. А сейчас пока чистым лоскутом перевяжу. — Он снова залепил повязку пластырем, долго не отпускал руку, пока пластырь не нагрелся и не «схватил» повязку.

— Может, в городе и дока встретишь, — предположил Джим. — Он больно чудно говорил перед тем, как пропал. Вдруг ему просто тошно стало или страшно, вот он и дал деру — Давай-ка я помогу тебе в куртку влезть. Чего сейчас о доке вспоминать! Если б ему тошно стало, он бы давно от нас откололся. Видел я его и под огнем! Страх он не знает.

В палатку тихо вошел Лондон и остановился. Вид у него был озабоченный, даже испуганный.

— Надо ж, я его чуть не до смерти зашиб. Челюсть сломал. Боюсь, умрет, если доктора не найти.

— Можно, конечно, в город его отправить, но, думается, не очень-то ему там помогут.

— А как его жена разошлась! — продолжал Лондон. Кричит: «Засужу вас всех за убийство! И забастовку вы, дескать, нарочно устроили, чтоб мужа dokonать!»

— И то не напрасный труд, — съязвил Мак. — Не очень то этот Бэрк мне нравился. Больно на стукача смахивал. Как там ребята?

— Сидят по палаткам, сбылись твои слова: морды у всех кислые, как у малышей, что леденцов объелись.

— Понятно, — кивнул Мак. — Столько сил потратили, что на неделю б хватило. Надо б их накормить, если есть чем. Потом отоспятся, глядишь, и отойдут. Ты, Лондон, совершенно прав: без доктора не обойтись. Как дела у парня, что ногу вывихнул?

— Он тоже бочку на нас катит. Не так, кричит, ногу вправили. Больше, говорит, ходить не смогу. Ребятам и без того невесело, а тут еще всякие вопли да причитания.

— Да, мы совсем забыли про Альфа! — спохватился Мак. — Как у него-то дела? Надо бы сходить проведать. Как, по-твоему, те, кого ты при нем дежурить оставил, сбежали?

— Кто их знает, — пожал плечами Лондон.

— Наберем мы с полдюжины ребят, чтоб его навестить?

— Сейчас никого никуда не вытащишь. Сидят да на мозоли любуются.

— Ну и бог с ними. Один пойду! Альф — хороший малый.

— И я с тобой, Мак, — вызвался Джим.

— Нет, останешься здесь.

— Смотри, одному-то небезопасно, — заметил Лондон.

— Джим, прошу тебя, останься, — настаивал Мак. Вдруг нас обоих схватят? И некому будет здесь наше дело продолжать. Так что оставайся.

— Нет, пойду. Хватит, насиделся, нанянчился со своей рукой. Хочешь, сам оставайся, а я пойду.

— Ну, ладно, — сдался Мак. — Будем смотреть в оба, а ухо держать востро. Постарайся, Лондон, ребят хоть не много в чувство привести к нашему возвращению. Накорми говядиной да фасолью, что осталась. Их, конечно, уже воротит от такой жратвы, но какая-никакая, а все — пища. Уж скоро известие должно прийти и о тех машинах.

Лондон проворчал:

— А себе я, пожалуй, открою баночку персиков да баночку сардин. Говорят же ребята, что у меня до потолка все консервами завалено. Вернетесь и вас угощу.

Их встретил ясный солнечный день. Серыми и замызганными предстали палатки в лагере, умытом чистым полуденным светом. С тех пор, как исчез доктор Бертон, никто не убирал мусор, повсюду клочки бумаги, на палаточных веревках развешаны комбинезоны. Мак с Д

жимом вышли из лагеря и зашагали полем — за ним начинался сад. У самых деревьев Мак остановился, оглядел, сколько мог охватить глаз, окрестности.

— Джим, смотри в оба! Скорее всего, мы свалили дурака, отправившись одни. Отказал нам здравый смысл, он пристально вглядывался в каждую яблоню, в долгие тенистые межрядья с солнечными прогалинками. Ни звука. Ни шороха.

— Уж больно тихо. Я такой тишине не доверяю, — он потянулся и сорвал с ветки маленькое, кособокое яблоко, оставленное сборщиками. Смотри-ка, вкусное. А я и забыл о яблоках. То, что под рукой, рядом, всегда в последнюю очередь вспоминается.

— Никого пока не приметил, — доложил Джим. — Ни души.

— Мы пойдем по самой кромке сада, если кто вдоль рядов следит — нас не заметит. — И оба, настороженно озираясь, скрылись под раскидистыми яблонями. Порой теплый яркий солнечный луч выхватывал их из-под сени крон.

— Мак, а как ты думаешь, можно когда-нибудь взять отпуск и укатить туда, где никто нас не знает, и просто по сидеть в саду?

— Да тебе ж через два часа надоеет, снова будешь в бой рваться.

— Мне всегда недоставало времени приглядеться ко всему вокруг. Например, как лист из почки прорастает. Я ничего вокруг не замечаю. Утром в палатке по полу ниточкой тянулись куда-то муравьи. Но мне некогда было наблюдать за ними, о чем-то думал. А иной раз так хочется целый день на букашек смотреть, просто бездумно смотреть.

— Спятишь ты с этими букашками, — бросил Мак. С людьми-то психом станешь, а с букашками и подавно.

— Время от времени прямо оторопь берет: мы смотрим, но не видим. Некогда. Жизнь пройдет, а я так и не узнаю, как, скажем, яблоко растет.

Шли они медленно. Мак обшаривал взглядом каждое дерево.

— Всего не узнаешь, не увидишь, — ответил он. — Я раз решил отдохнуть, да и рванул в Канаду, в леса. Так дня через два примчал обратно. По делу изголодался, по хорошей заварухе.

— И я когда-нибудь съезжу. Старый Дан прямо захлеб про лес рассказывал...

— Всюду не поспеешь, Джим! Всего не заграбастаешь. У нас есть много такого, о чем Дан и не мечтал. Всюду не поспеешь. Вернемся днями в город, и снова так потянет какуюнибуть бучу устроить, что хоть вой. А пока рука не зажила, сиди и не рыпайся. Поселю тебя в ночлежке, там клопов и всякой живности навалом, любуйся на здоровье. Ближе, ближе к деревьям держись. А то выставился, как корова на холме.

— А хорошо здесь, — вздохнул Джим.

— Слишком уж хорошо. Того и гляди на засаду напорешься.

За деревьями уже маячил белый домик Андерсона с палисадом, пламенела герань во дворе.

— Да нет здесь никого, — повторил Джим.

— Погоди, погоди, — Мак остановился, в последний раз оглядел открытое место, вокруг дома черным квадратом пепелище; там, где был амбар, и сейчас еще чуть заметно курится едкий

дымок; одиноко высится на пустыре белый водяной бак.

— Вроде никого, — решил наконец Мак. — Пойдем с черного хода.

Он попытался неслышно отворить калитку, но клацнул засов, и заскрипели петли. Шаг-другой — и они уже на крыльце, обсаженном желтым страстоцветом. Мак постучал.

— Кто там? — раздался голос из-за двери.

— Это ты, Альф?

— Я.

— Один дома?

— Один. Это кто?

— Да это я. Мак.

— Заходи. Дверь не заперта.

Они вошли в кухню. Альф лежал на узкой койке у стены. Он сильно исхудал за последние дни. Кожа на лице обвисла.

— Привет, Мак. Я уж думал, никто меня больше не навестит. Старик-то мой спозаранку уехал.

— Мы, Альф, давно уже к тебе собираемся. Идет дело на поправку?

— Все тело болит. А когда один — совсем не вмоготу. Кто поджег сарай?

— Горожане из «бдительных». Ты не представляешь, Альф, как мы вам сочувствуем. Мы ж охрану выставили. Да их обманом отвлекли.

— Старик мой всю ночь успокоиться не мог. Все говорил, говорил, меня поносил через каждые пять минут. И так всю ночь напролет.

— Мы очень сочувствуем.

Альф высвободил руку из-под простыни, почесал щеку.

— Я, Мак, все одно, с вами. А старик мой хочет вас отсюда вышвырнуть. Поехал к шерифу, чтоб управу на вас найти. Говорит, вы «нарушили границы частных владений», и потому вас надо выдворить. Говорит, вот, послушал их, теперь расплачиваюсь. А мне велит убираться ко всем чертям, если я и впредь с вами буду. Ой, Мак, он так разошелся!

— Этого я и опасался, Альф. Мы знаем, что ты с нами. Но что толку еще больше досаждать старику? Была б какая польза — другое дело. А пока сделай вид, что ты на его стороне. А связь с нами будешь поддерживать. Мне просто очень жалко старика.

Альф глубоко вздохнул.

— Я хотел, да боялся, что вы меня предателем посчитаете. А раз так, конечно, скажу, что порвал с вами.

— Вот это дело! А уж в городе мы тебе такую рекомендацию дадим лучше не придумаешь. Да, чуть не забыл: док вчера вечером к тебе не наведывался?

— Нет. А что?

— Да он пошел к тебе еще до пожара и с той поры не вернулся.

— Ну и дела! Что ж с ним стряслось?

— Боюсь, беднягу похитили.

— Они вас вокруг пальца то и дело обводят.

— Не без этого. Правда, мы сегодня утром с ними чуток расквитались. Но случись твоему старику на нас пожаловаться, они завтра же нас в порошок сотрут.

— Забастовка не удалась?

— Не в этом дело. Что мы задумали, то удалось. Борьба продолжается, Альф. С отцом помирись, пусть думает что ты после всех этих пожаров уgomонился. — Мак прислушался. — Никак кто-то идет, — он выбежал из кухни в комнату, выглянул в окно.

— Мой старик вернулся. Я его шаги распознаю, — сказал Альф.

Мак вернулся на кухню.

— Хотел посмотреть, нет ли с ним кого. Один. Мы, конечно, могли бы и потихонечку улизнуть. Да, пожалуй, лучше остаться и посочувствовать.

— Не стоит. Он и слушать вас не захочет. Он теперь на дух вас не переносит, — сказал Альф.

На крыльце затопали, дверь распахнулась. Андерсон замер на пороге, изумленно уставясь на гостей.

— Какого черта заявились! — рявкнул он. — А ну, проваливайтесь! Я был у шерифа, теперь вам крышка. Вышвырнут вас с моей земли, чтоб и духу вашего не было! — от ярости грудь у старика тяжело вздымалась.

— Мы всего лишь хотели сочувствие вам выразить. Ваш сарай сожгли не мы, а кто-то из городских.

— Да не все ли мне равно, кто? Сарая нет, урожая нет. Впрочем, что с вами, бродягами голоштанными, об этом толковать? Разорили вы меня, считай, я без фермы остался! — на глаза старику навернулись злые слезы. — У вас, голодранцев, ни кола, ни двора. Вы и деревца не посадили, а мне каждый листочек люб и дорог. Я каждую свою яблоньку на ощупь узнаю. Вам этого не понять.

— Да, у нас ни кола, ни двора. Нам в этом всю жизнь отказывали. Хотя и мы не прочь и хозяйство завести и яблоньку посадить.

Андерсон словно и не слышал его.

— Поверил я вашим посулам, И вот — нате вам! Урожая нет, а мне скоро по закладной платить!

— А где собаки? — спросил Мак.

Руки у Андерсона прижались к бокам, во взгляде вспыхнула холодная, безжалостная ненависть. Он проговорил:

— Их будка к сараю примыкала.

Мак повернулся к Альфу и кивнул. Тот сначала недоуменно поглядел на него, потом, накупившись, сказал

— Отец верно говорит. Вам, ребята, здесь делать нечего, проваливайте, и чтоб мы вас больше не видели.

Старик Андерсон подскочил к кровати, встал рядом.

— Я б мог вас сейчас перестрелять, но пусть шериф сам этим занимается. Долго он себя ждать не заставит.

Мак тронул Джима за руку, они вышли, прикрыв за собой дверь. За калиткой даже не удосужились посмотреть по сторонам. Мак шел так быстро, что Джим с трудом поспевал за ним. Солнце уже катилось на запад, длинные тени от яблонь побежали меж рядами, в кронах поигрывал ветерок и казалось, и деревья, и земля дрожали от волнения.

— Когда вспоминаешь, что страдают миллионы, на месте не усидишь, сказал Мак. — Ранили кого или обидели, вроде Андерсона, или видишь, как легавые еврейских девчонок задирают, и думаешь, а стоит ли вообще бороться, ради чего все это? Но как вспомнишь, что миллионы людей голодают, все на свои места враз становится. Стоит бороться, стоит! Так и мечешься: представишь одно — скиснешь, другое — воспрянешь. Бывало с тобой так, а, Джим?

— Не в такой степени. Недавно на моих глазах умирала мать. Кажется, сто лет прошло, а на деле-то — совсем ничего. Она мне и слова не сказала, смотрела, только и все го. До того ей, наверное, лихо было, что она даже от священника отказалась И в ту ночь во мне что-то сгорело. Да, мне жаль Андерсона, но, в конце концов, если я своей жизнью жертвую, почему б ему не пожертвовать сараем?

— Для людей его склада собственность дороже жизни.

— Мак, куда ты так летишь? Сбавь-ка шаг. Я вот-вот выдохнусь.

Мак пошел чуть медленнее.

— Я все думаю, с чем старик в город поехал. И тороплюсь в лагерь, пока еще не поздно. Не знаю, что у шерифа на уме, но расколоть, разобщить нас — для него огромное удовольствие.

Дальше шагали молча. Земля была черная, мягкая. Солнечные блики скользили по ним. Лишь на подходе к лагерю замедлили шаг.

— Ну, пока вроде все гладко, — сказал Мак.

Над кухней поднимался дымок.

— Куда-то все подевались, — удивился Джим.

— В палатках, отсыпаются. И нам неплохо бы прикорнуть. Может, ночью и глаз сомкнуть не удастся.

Появился Лондон, подошел.

— Все в порядке? — спросил Мак.

— Никаких перемен.

— Так вот, я прав оказался. Андерсон ездил к шерифу просить, чтоб нас выдворили.

— Что ж теперь?

— Остается ждать. Ребятам пока ничего не говори.

— Насчет этого ты, может, и прав. А вот насчет жратвы промашку дал. Все до единой фасолинки подъели. Я для вас в двух котелках немного оставил. У меня в палатке найдете.

— Как знать, может, жратва нам больше и не понадобится, — сказал Мак.

— Чего-то не возьму в толк.

— Да нас, поди, завтра здесь и не будет.

Войдя в палатку, Лондон указал на два котелка на ящике.

— Значит, думаешь, шериф все-таки поперет нас отсюда? — спросил он Мака.

— Ясно как божий день. Он такой возможности не упустит.

— Думаешь, стрельбу откроет? Может, пригрозит, и все?

— Почему я знаю. Слушай, а где все ребята?

— Все по палаткам, отсыпаются.

— Никак машина едет. Может, все-таки наши возвращаются?

Лондон скособочил голову, прислушался.

— Нет, это грузовик. И, судя по всему, не из мелких.

Они выбежали из палатки и увидели на дороге из Торгаса грузовик: стальной кузов, мощные сдвоенные колеса. Он подъехал к лагерю и остановился. В кузове поднялся человек с автоматом. За передней рукоятью — большой патронный диск. Над бортами кузова виднелись головы сидевших. Из палаток выскакивали забастовщики.

Стоящий в кузове прокричал:

— Я — окружной шериф! Если у вас есть вожак, я бы хотел с ним поговорить!

Люди, с любопытством поглядывая на грузовик, подходили все ближе.

— Осторожнее, Лондон, — прошептал Мак. — Сейчас они могут нас в два счета шлепнуть. Им ничего не стоит.

Оба вышли к обочине, остановились. Чуть поодаль цепочкой вдоль дороги — остальные забастовщики. Лондон крикнул:

— Ну, я — главный.

— У меня на вас жалоба. Вас обвиняют в нарушении границ частных владений. До сих пор мы вас терпели. Уговаривали на работу вернуться, а уж если надумали бастовать, то мирно. Вы же уничтожаете частную собственность, совершаете убийства. Кое-кого нам пришлось пристрелить, кое-кого — задержать, — шериф взглянул на своих спутников в кузове и продолжал. — Мы и сейчас не хотим кровопролития, мы готовы вас выпустить. Даем вам ночь, чтобы вы убрались отсюда. Покинете округ — никто вас на дороге и пальцем не тронет. Но если завтра на рассвете застанем вас здесь, в лагере, пощады не ждите.

Слушали его молча. Мак что-то прошептал Лондону и тот сказал:

— «Нарушение границ» не дает вам права стрелять.

— Может быть, но «сопротивление должностным лицам» — дает. Я с вами в открытую говорю, чтоб вы знали, чего ждать. Завтра поутру мы сажаем в грузовики вроде этого сотню людей, даем каждому ружье. Еще у нас три ящика гранат со слезоточивым газом. Кое-кто из ваших приятелей может вам порассказать, что это за игрушки. Вот и все. Цацкаться с вами больше не будем. Даем вам срок до утра, чтоб убраться из округа. Вот и все. — Наклонившись к кабине, бросил:

— Поехали, Гас.

Машина медленно тронулась с места, набрала скорость...

Один из забастовщиков прыгнул в придорожную канаву, схватил камень. Но так и остался стоять, держа его в руке, а грузовик катил прочь. Люди проводили его взглядом и пошли обратно в лагерь.

— Похоже, мы получили приказ, — вздохнул Лондон. — Он не шулки шутить приезжал.

— Проголодался я, пойду-ка с фасолью разделаюсь. Маку не терпелось переменить тему. Молча вернулись в палатку. Мак с жадностью принялся есть. — Сам-то поел, Лондон, а?

— Я-то? Конечно. Что будем делать?

— Бороться.

— Да, они навезут этих гранат, борись тогда, как бычок на бойне.

— Врет он все, — так неистово воскликнул Мак, что стрельнул жеваной фасолью изо рта. — Будь у него эти гранаты, не стал бы нам говорить! Он думает, мы разбежимся, не станем биться. Снимемся с лагеря ночью, они нас тут же сцапают. Разве им можно верить!

Лондон посмотрел Маку прямо в глаза.

— Не хитришь? Ведь ты сам говорил, я на вашей стороне. Не дай бог, вокруг пальца обвести меня хочешь.

Мак перевел взгляд.

— Мы должны драться! Уйдем, не хлопнув дверью, считай, напрасно столько терпели.

— Ну, а если ввяжемся в драку, много ни в чем не по винных ребят получат пулю в лоб.

Мак поставил котелок с остатками фасоли на ящик.

— Знаешь, на войне генерал понимает, что без потерь не обойтись. Так вот, у нас тоже война. Уйдем без боя, значит, с позором проиграли. — Он прикрыл глаза рукой. — Лондон, ответственность, конечно, адская. Я знаю, что нам делать, но ты вожак, тебе и решать. Не хочу всю вину на себя взваливать.

Лондон понуро бросил:

— Да, но ведь ты в этом деле собаку съел. Ты уверен, что нам лучше всего биться?

— Да, лучше всего.

— А, пропади все пропадом, драться так драться, лишь бы ребят настроить!

— Я думал об этом, — сказал Мак, — ведь они и против нас могут повернуть. Те, кто слушал шерифа, расскажут остальным, и все скопом на нас: дескать, вы эту кашу заварили.

— Я все-таки думаю, они деру дадут. Эх, бедняги, ничего-то не знают, не ведают. Ты, значит, говоришь, если и смываться, так надо прямо сейчас? А как быть с ранеными? С Бэрком, стариком и тем, что ногу вывихнул?

— Оставим здесь, — решил Мак. — Другого выхода нет. Окружным властям придется их в больницу класть.

— Схожу, посмотрю, что в лагере делается. Что-то на душе кошки скребут, — сказал Лондон.

— Не только у тебя, — подхватил Мак.

Лондон вышел. Джим взглянул на Мака и принялся за холодную фасоль с редкими волоконцами говядины.

— Будут ли и впрямь нас бить? Неужто не пропустят, если ребята решат уйти?

— Шериф-то пропустит. Только обрадуется, если мы уйдем, а вот от «бдительных» жди пакостей.

— Ужинать ребятам нечем, Мак. А если они еще и напуганы, так никакой ужин сил не прибавит.

Мак выскреб все из котелка и поставил его на ящик.

— Джим, ты выполнишь одну просьбу?

— Смотря какую.

— Солнце скоро сядет, быстро стемнеет. Ты, надеюсь, прекрасно понимаешь, что за нами будут охотиться? И еще как! Так вот, я хочу, чтоб ты, как только стемнеет, смылся отсюда и вернулся в город.

— С какой это стати?

Мак скользнул взглядом по лицу Джима и потупился.

— Я приехал сюда, сил и желания работать хоть отбавляй. А ты, Джим, стоишь десяти таких, как я. Сейчас я в этом уверен. Случись что со мной, найдется много ребят не хуже, а у тебя редкостный талант. Нам нельзя тебя терять. Если за грошовую забастовку придется расплачиваться такими людьми, как ты, — это расточительство.

— Не согласен. Нас надо в работе использовать, а не беречь. Я не дезертир. Ты сам говорил, что любое маленькое дело — частичка большого, пусть крохотная, но важная.

— Джим, тебе необходимо уйти. С больной рукой много не навоюешь. Толку от тебя в драке все равно нет. И оставаться тебе здесь незачем. Помочь ничем не сможешь.

Лицо у Джима посуровело.

— Я останусь. Может, еще и здесь чем пригожусь. Ты, Мак, меня все время оберегаешь. И порой мне кажется, что оберегаешь не из интересов партийных, а из своих собственных.

Мак побагровел от досады.

— Ну что ж. Пристрелят — пеняй на себя. Я предложил, по-моему, лучший выход. Хочешь поупрямиться валяй! Делай, что твоей душеньке угодно, а я пошел. Здесь сидеть без толку, — и, вконец рассердившись, вышел.

Джим засмотрелся на брезентовую стену. На ней красным пятном запечатлелось заходящее солнце. Рукой он осторожно потянулся к плечу, тихонько нажал, потыкал вокруг раны. Чуть поморщился. И долго сидел неподвижно.

Заслышав шаги, обернулся. У входа стояла Лиза с ребенком на руках; за ее спиной виднелась вереница машин при дороге, на верхушках деревьев играли закатные блики, а под кронами уже собирались сумерки. Лиза, по-птичьей вытянув шею, с любопытством огляделась. Мокрые волосы старательно приглажены, кое-где, неумело накрученные, вились. Короткое одеяло кокетливо прикрывало лишь одно плечо.

— Ты один, я вижу, — она подошла к матрацу, уселась, прикрыла колени подолом льняного платья. — Ребята говорят, легавые нас бомбами забросают и убьют, — беспечно сказала она.

Джим оторопел.

— Ты, похоже, не очень-то боишься.

— Не боюсь. Я вообще не боюсь такого.

— Тебя легавые не тронут. Не верю я, что они нас перебьют. Вранье все это. Ты пришлато по делу?

— Нет, просто так. Решила немного здесь посидеть.

— Я ведь нравлюсь тебе, Лиза? — Джим улыбнулся.

— Да.

— И ты мне нравишься.

— Ты мне так помог с малышом.

— А как старый Дан? Ты за ним присматриваешь?

— А чего с ним будет? Лежит себе, бормочет.

— Мак тебе помог куда больше, чем я.

— Да, но он никогда на меня так не смотрел. Мне нравится тебя слушать. Ты хоть еще и мальчишка совсем, а говоришь складно.

— И слишком много, Лиза. Слов много, а дела мало. Посмотри: вечереет. Скоро фонарь зажжем. Не станешь же ты со мной в темноте сидеть.

— А мне все равно, — быстро проговорила она.

Он еще раз взглянул ей в глаза, лицо у него засветилось радостью.

— А заметила ли ты, Лиза, что по вечерам вспоминается давно-давно прошедшее, причем какие-то мелочи? Однажды — я был тогда мальцом — я смотрел, как заходит солнце. Смотрю, забралась на дощатый забор серая кошка, пушистая такая. И вдруг солнце будто позолотило ее. На какое-то мгновение она сделалась золотой.

— Я люблю кошек, — тихонько поддакнула Лиза. У меня как-то целых две кошки было.

— Смотри. Солнце почти зашло. Завтра мы будем уже далеко. Знать бы где? Ты будешь скорее всего в дороге. Я, очевидно, — в тюрьме. Мне не привыкать.

Неслышно в палатку вошли Лондон и Мак.

Лондон посмотрел на невестку.

— Что ты здесь забыла? Иди-ка отсюда, у нас дела.

Лиза поднялась, прижала к груди край одеяла. Выходя, покосилась на Джима. Лондон сказал:

— Ничего не понимаю. Здесь кучка, там кучка, о чем то говорят, меня отовсюду гонят.

— Ясно, в чем дело, — ответил Мак. — Ребята просто испугались. Не знаю, что они решат, только ночью, похоже, слиняют.

Разговор затух. Лондон и Мак сидели на ящиках, повернувшись к Джиму. Зашло солнце, в палатку напоззли сумеречные тени.

Наконец Джим тихо сказал:

— Даже если ребята сбегут, все равно не напрасно бастовали. Хоть какое-то время боролись все вместе.

Мак встрепенулся.

— И все ж последний бой нужно дать!

— Попробуй поведи их на бой, если их ноги в другую сторону несут! — воскликнул Лондон.

— Не знаю. Может, удалось бы убедить. Поговорим с ребятами, глядишь, что и выйдет.

— Словами из них страх не вышибешь.

— Знаю.

Снова воцарилось молчание. Снаружи тихо журчала многоголосая человеческая река, голоса порой сталкивались, бурлили.

— Спичка найдется, Лондон? — спросил Мак. — Пора фонарь зажигать.

— Еще светло.

— Ничего не видно. Зажигай. В сумерках мне что-то не по себе.

Лондон со скрипом поднял колпак, со скрипом же и опустил.

Мак насторожился.

— Похоже, что-то случилось! Что-то не так!

— Почему-то разом притихли все, — удивился Джим.

Все трое тревожно вслушивались. Послышались шаги. Все ближе и ближе. В палатку вошли близнецы-итальянцы. Они смущенно улыбались, в полумраке белели зубы.

— Разрешите войти?

— О чем речь! Заходите, ребята.

Они встали, точно ученики у доски, переглянулись никому не хотелось начинать.

— Там ребята... в общем... собрание хотят устроить, сказал один.

— Вот как? Это еще зачем?

— Они говорят, проголосовали за забастовку, теперь снова будем голосовать. К чему людей понапрасну гробить? — затараторил другой. И оба примолкли, ожидая от Лондона ответа.

Лондон вопросительно взглянул на Мака.

— Конечно, собрание нужно, — ответил тот. — Ребята сами себе хозяева. Их слово — закон, — он посмотрел на выжидающих посланников. Передайте всем, что через полчаса Лондон созывает собрание. Будем голосовать: драться нам или не драться.

Братья взглянули на Лондона, согласен ли он. Лондон медленно кивнул.

— Все верно. Через полчаса. Как ребята проголосуют, так и поступим.

Крепыши-итальянцы раскланялись на европейский лад, повернулись и вышли.

Мак громко рассмеялся.

— Ну, и отлично! Я думал, все хуже обернется. Думал, они втихомолку все разбегутся. А раз хотят обсуждать, значит, все еще вместе. Отлично! Конечно, могут и за роспуск проголосовать, но тут уж вольному воля.

— А ты разве не попытаешься настроить их на борьбу? — спросил Джим.

— Конечно, попытаюсь. Но это надо как следует продумать. Даже если они и не пойдут в бой, хорошо уже, что не разбежались, как бездомные псы. У нас будет вроде как организованное отступление. А не бегство от погони.

— Что нам делать на собрании? — решительно спросил Лондон.

— Посмотрим. Сейчас уже стемнело. Ты, Лондон, первым выступишь. Объяснишь, почему им достойнее сражаться, чем убегать. Мне, пожалуй, сейчас лучше не лезть. После того, как я их утром отчитал, они меня невзлюбили. Мак перевел взгляд на Джима. — Потом выступишь ты. Настал твой час. Попробуй их зажечь. Говори, Джим, говори. Ведь ты об этом мечтал.

Глаза у Джима взволнованно заблестели.

— Хочешь, Мак, — воскликнул он, — я сорву повязку, кровь рекой хлынет. Может, это их расшевелит.

Мак прищурился, задумавшись.

— Нет, — решил он. — Расшевелить-то ты их расшевелишь, но им тут же подавай, где доблесть проявить. Однако и спокойно сидеть им не позволяй, не то уснут. Просто поговори с ними. Без обиняков расскажи, что такое забастовка, что это как бой в большой войне. У тебя, Джим, получится.

Джим вскочил на ноги.

— Ты прав, получится. К горлу комок подкатил, но я знаю, — все получится! — Лицо у него искажилось. Оно излучало неистовую силу.

К палатке кто-то бежал. Вот у входа показался мальчуган.

— Там, в саду! — крикнул он. — Какой-то мужик, доктором назвался! Весь израненный!

— Где?! — разом крикнули Лондон, Джим и Мак.

— Там, за дорогой. Говорит, целый день провалялся.

— Как ты его нашел? — спросил Мак.

— Он кричал. Просил к вам прийти и рассказать.

— Покажи, где. Быстрее, быстрее!

Мальчишка выскочил из палатки.

— Лондон,хвати фонарь, — крикнул на ходу Мак. Он бежал бок о бок с Джимом. Впереди несся мальчишка. По открытому месту они припустили еще быстрее. Паренек добежал до яблонь и скрылся во тьме. Лишь по топоту можно было определить, где он. Мак с Джимом нырнули во тьму сада.

Вдруг Мак вскинул руку.

— Джим! Ложись! Живо!

Гулко ударили выстрелы, два раза полыхнуло. Мак растянулся на земле. Он услышал, как несколько человек стремглав побежали прочь. Поискал взглядом Джима, но в глазах еще плясали всполохи выстрелов. Не сразу увидел он друга. Тот стоял на коленях, свесив голову.

— Ну, Джим, ты вмиг все сообразил.

Джим не шевельнулся. Мак, нетвердо ступая, подошел, стал рядом на колени.

— Тебя ранило?

Джим покачнулся и ткнулся лицом в землю.

— Господи! — Мак протянул руку, поднял голову друга, вскрикнул, отпрянул, вытер рук о штаны — лицо у Джима словно срезало. Мак медленно обернулся: за спиной невдалеке прыгал во мраке фонарь, освещая ноги бегущего Лондона.

— Вы где? — прокричал он.

Мак не ответил. Он сидел на корточках и не мог вымолвить ни слова. Все смотрел и смотрел на склоненную, точно в мусульманской молитве, фигуру.

Наконец Лондон приметил их. Подбежал и встал как вкопанный, прочертив фонарем широкую дугу.

— Надо ж, — только и сказал он. Пригнулся, осветил. — Из дробовика били?

Мак кивнул и уставился на свою липкую от крови руку.

Лондон поежился, глядя на застывшее лицо Мака. Вот Мак поднялся, шагнул на негнущихся ногах к Джиму, взвалил его на плечо, словно мешок. Голова свесилась на спину, с нее еще капала кровь. Медленно, с трудом передвигая ноги, двинулся Мак к лагерю. Лондон шел рядом и светил фонарем.

На пустыре собрались любопытные. Поначалу облепили было Мака с Лондоном, но, увидев их страшную ношу, в ужасе отпрянули. Мак шел сквозь толпу, не замечая ее. Миновал пустырь, кухню — толпа молча шла следом. Дойдя до помоста, опустил Джима у перил, сам взобрался на помост, втащил тело друга, прислонил к угловому столбу, подправил, когда оно стало заваливаться на бок.

Лондон протянул фонарь, и Мак установил его подле тела так, чтобы осветить голову. Потом встал, оглядел толпу. Пальцы судорожно впились в перила. Глаза побелели, зрачки расширились. Перед собой он видел множество людей, в глазах у них играли блики от фонаря; стоявшие дальше были неразличимы во тьме. Мака пробрала дрожь. Он с трудом разнял челюсти. Голос зазвучал высоко, на одной ноте.

— Этот парень старался не ради себя... — начал он. Костяшки пальцев побелели — он намертво вцепился в перила. — ...Товарищи! Этот парень старался не ради себя...

Notes

1

Беллами, Эдвард (1850–1899)-американский писатель-утопист. Маколей, Томас Бабингтон (1800–1859)-английский историк, государственный деятель. Карлайл, Томас (1795–1881)-шотландский литератор и историк. Прескотт, Уильям Хиклинг (1796-1859)-американский историк.

2

Дюбарри, Мари (1743–1793)-любовница короля Людовика XV, политическая интриганка.

3

Американский легион — организация ветеранов войны, основана в 1919 году.

4

Члены профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира», сокращенно «ИРМ»

5

Будь на то Божья воля (лат.).

6

Битва при Бычьей тропе произошла во время Гражданской войны, 21 июля 1861 года.